

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Яницкий О. Н.

**Принципы и следствия современной войны:
взгляд социолога**

Москва 2015

УДК 316.4
ББК 60.56
Я62

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор, С. А. Кравченко,
доктор политических наук, Д. В. Ефременко

Яницкий О. Н.

Принципы и следствия современной войны: взгляд социолога
Я62 [Электронный ресурс] / Институт социологии РАН, Яницкий О. Н. // Официальный сайт ИС РАН – 2015. 165 стр. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=123>

ISBN 978-5-89697-251-8

Как ответит российская социология на этот вызов нового времени? Готовы ли отечественные социологи и политологи к новой холодной или горячей войне, к множеству малых и средних войн в условиях глобализации и информационных технологий, с одной стороны, и сепаратизма и ожесточенной борьбы за ресурсы, с другой? Легитимны ли новые социальные «новообразования»? Каковы составляющие стратегии ответа на эти новые вызовы социологической науке? Предлагаемая книга – размышления автора над этими критическими поворотными точками российской науки и практики.

УДК 316.4
ББК 60.56

ISBN 978-5-89697-251-8

© ИС РАН, 2015
© Яницкий О. Н., 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ: ГОТОВЫ ЛИ СОЦИОЛОГИ К ВОЙНАМ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ?	5
ГЛАВА 1. ВСЕОБЩИЙ РИСК КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ МАКСИМА ..	10
1. 1. О необходимости социологии критических состояний общества ...	10
1. 2. Современная война: время и место	13
1. 3. Критические структуры и зоны	18
1. 4. Динамика критических ситуаций	24
1. 5. Рынок как фактор современной войны	27
1. 6. О медиарынке – особо	28
ГЛАВА 2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТАБОЛИЗМ	32
2. 1. Что это такое?	32
2. 2. Актуальность проблемы метаболизма сегодня	34
2. 3. Основы теории городского метаболизма	36
2. 4. Непрерывность среды обитания города	39
2. 5. Диалектика устойчивости и изменчивости	43
2. 6. Социально-сконструированный метаболизм	45
2. 6. Между нормой патологией	46
ГЛАВА 3. УЧАСТНИКИ ВОЙНЫ: МЕСТНЫЕ И «ЧУЖИЕ»	50
3. 1. Адекватен ли метод массового опроса задаче?	50
3. 2. Ещё раз об инструментарии	52
3. 3. Роль лидеров	53
3. 4. Транснационалы и местные	55
3. 5. Эволюция социального активизма	57
3. 6. Влияние контекста (изучение случая)	60
3. 7. Структура активности и пассивности	63
3. 8. Местные жители, состояние их умов и психики	69
3. 9. Подводя итоги	70
ГЛАВА 4. ЛЕГИТИМНЫ ЛИ «СОЦИАЛЬНЫЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ»? ..	73
4. 1. Вопрос пока изучен мало	73
4. 2. Майдан: от массового протеста к критической ситуации?	75
4. 3. Критическая ситуация и международное право	78
4. 4. Зоны «серые», «белые» и снова «серые»	82

Оглавление

ГЛАВА 5. ГУМАНИТАРНАЯ КАТАСТРОФА?	84
5. 1. Гуманитарная катастрофа в терминах социологии	84
5. 2. Это – форма общества всеобщего риска	86
5. 3. Рамки определения: количественные или качественные?	87
5. 4. Её инерционность и трансформативность	89
5. 5. Бюрократия как непреодолимый барьер	94
5. 6. Пределы и способы устранения (смягчения) последствий	96
5. 7. Что в результате?	98
ГЛАВА 6. САМОСОХРАНЕНИЕ В КРИТИЧЕСКИХ ЗОНАХ	100
6. 1. К определению понятия	100
6. 2. Отличие критического состояния от катастрофы	101
6. 3. Об идеологии самосохранительного поведения	103
6. 4. Критическая ситуация как среда обитания	105
6. 5. Опасности негативной социодинамики	110
6. 6. Формы самосохранительного поведения	111
6. 7. Адаптация пострадавших к новым условиям	113
6. 8. Выводы	117
ГЛАВА 7. МУСОР БЫТОВОЙ, ТЕХНИЧЕСКИЙ, СОЦИАЛЬНЫЙ	119
7. 1. Мусорная культура как катастрофа	119
7. 2. Влияние прошлого и современные вызовы	121
7. 3. «Грядущий Хам»	125
7. 4. «Мусорная культура» как форма социального протеста	127
7. 5. Бюрократия как производитель «мусора»	130
7. 6. Замусоренная среда обитания	131
7. 7. Траектория и последствия	132
7. 8. Потенциальные носители «мусорной культуры»	134
7. 9. Демократия в «мусорной среде»	136
7. 10. Мусорная культура как форма всеобщего риска	139
ГЛАВА 8. ЧТО МЫ УЗНАЛИ «БЛАГОДАРЯ» СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЕ	142
8. 1. Предварительные итоги	142
8. 2. Какая социология нам нужна?	153
ЛИТЕРАТУРА	155

ВВЕДЕНИЕ: ГОТОВЫ ЛИ СОЦИОЛОГИ К ВОЙНАМ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ?

А зачем нам это? – говорят одни. Это дело военных, политиков, политологов, специалистов по международным отношениям. И действительно, термин «холодная война» в современных российских социологических текстах встречается чрезвычайно редко. Исключение представляет фундаментальная работа В. О. Рукавишникова «Холодная война, холодный мир» [2005]. Но наши рафинированные социологи-теоретики всё равно скажут, что это – не их дело, пусть им занимаются другие.

А другие социологи тоже говорят: зачем нам этим заниматься? Ведь мы же регулярно проводим опросы общественного мнения и постоянно информируем о них население нашей страны. Можем ещё раз 1500 человек спросить об их отношении к «холодной» и «горячей» войне. Чего же более? И те, и другие не осознают, что для познания причин возникновения и течения «холодной войны» и, тем более, войны «горячей», *нужны совершенно другие методы*. Методы активистской социологии, включающие анализ соотношения сил на мировой арене и *in situ*, их динамика, ценностные ориентации и ресурсная обеспеченность, перепрограммирование СМИ, способность к быстрой мобилизации и многое другое.

А что знает молодое поколение о настоящей, не «диванной» войне, поколение, увлечённое интернет-войнами и западными триллерами? Редкие встречи с ветеранами Отечественной войны (1941-45 гг.) здесь не в счёт. Тем более, молодое поколение мало что знает (и ещё меньше понимает), что такое, например, «ограниченный воинский контингент в Афганистане» или, ещё меньше, какую угрозу несут сотни военных баз США, буквально кольцом опоясавших нашу территорию. Тем более это поколение не осведомлено о множестве необъявленных войн, в которых, так или иначе, участвовали наши военные специалисты.

Поэтому, по крайней мере, два послевоенных поколения, особенно последнее, за редким исключением никогда не знавших, что такое настоящая война, вряд ли озабочены этой проблемой. Да и не их это проблема,

как им сегодня кажется... Работа, карьера, социальные лифты, доступ к интернету и социальным сетям – вот это их насущные проблемы. Им и в голову не приходит, что летом 2014 года закончилась одна эпоха и началась другая, эпоха глобальной войны. Уже десятки тысяч людей, оказавшихся в мирное время за границей без жилья и средств существования из-за банкротства нескольких крупнейших туристических фирм, уже ощутили это на собственной шкуре. А ведь обвал сферы туристического бизнеса – это только начало, «первый звоночек». А за этим последовали санкции, в ответ – контр-санкции, и спираль «холодной», а местами – и «горячей», войны начала быстро раскручиваться.

Да и с работой далеко не всё в порядке: и малый бизнес, и СМИ, и наука, и даже, о, страшно сказать, бюрократия (пока что ещё только мелкая и средняя) попали под сокращение. А поехать россиянину на работу за рубеж на Запад или, скажем, в Австралию, с каждым днём становится всё труднее. Желających эмигрировать там будут «просвечивать» ещё тщательнее, чем госпожу канцлерин Ангелу Меркель. Те, кто хотел, точнее смог, давно уже уехали. А с беженцами с Украины тоже ведь надо делиться рабочими местами. И волна гастарбайтеров, готовых на любую работу в России, не снижается.

Общая политическая атмосфера, как бы это помягче сказать, сгущается, «темнеет». Нет, свет пока ещё не отключают, но рубль быстро дешевеет, товары первой необходимости с каждым днём дорожают, услуги, в том числе коммунальные, дорожают также, кредиты отдавать становится всё труднее. От некоторых товаров первой необходимости мы отказываемся сами (наш ответ на санкции Запада, а процесс замещения импорта займёт не один год). Замораживается до лучших времен накопительная часть пенсий и т. д.

Но есть тема сугубо социологическая: ценности, идеалы. Пока что она исследуется достаточно в узком спектре: насколько россияне по сравнению с нашими бывшими соседями (Литвой, Латвией, Эстонией и др.) успешно адаптируются к рыночным отношениям. Проф. В. Ядов утверждает, что Эстония, прежде всего хуторская, впереди всех. Но ведь проблема ценностей одними рыночными рамками не ограничивается. В подобных исследованиях подавляющее большинство российских социологов ориентируются на ценностные шкалы, созданные на Западе, – времена «47 пятниц» коллектива Бориса Андреевича Грушина, когда методики массовых опросов обсуждались годами, давно прошли. Но есть и принципиальный вопрос: почему бы нам сначала не попробовать самим сконструировать

модель российской структуры ценностей, а потом уже сравнивать её с западной структурой? И, в особенности, ту структуру ценностей и идеалов, характерных именно для эпохи «холодной», а возможно – и «горячей», войны? Это дело тоже не простое, требующее многих пилотажных исследований, зондажей и исторических изысканий, но оно гораздо более надёжное, чем очередной блиц-опрос общественного мнения. Тем более, сегодня, когда отмечается столетие с начала Первой мировой войны, появились масса исторических и документальных изысканий, показавших всем нам, сколь быстро (буквально в течение каких-то трёх-четырёх месяцев) ура-патриотические нестроения в царской России сменились массовой тревогой и унынием. А ведь стоит напомнить, что «миролюбивые» европейцы и до её начала вели малые и большие войны по всему миру с неизменной жестокостью.

Это не значит, что я отрицаю существование европейских ценностей и, тем более, общечеловеческих ценностей (естественно, только не в трактовке, М. С. Горбачёва). Но надо понимать, что речь идёт лишь об идеале, *идеальной модели* этих ценностей. Россия на протяжении, по крайней мере, трёх последних столетий не только стремилась, но и была вполне европейской страной. *Но со вполне осязаемой российской спецификой*, как об этом прекрасно написал современный российский философ В. К. Кантор в своей книге «Русский европеец как явление культуры» [2001]. И даже в сталинские времена школьники и студенты знали русскую и западную классическую литературу неизмеримо лучше, чем сегодняшние. А ведь эта литература наиболее глубоко (не менее глубоко, чем В. О. Ключевский и другие русские историки) изучала систему ценностей русского народа и её эволюцию.

Но в том-то всё и дело, что цепь событий последнего года, как вполне ожидаемых, так и совсем неожиданных, трагических вдруг обнаружила *труднопреодолимый разрыв* между ценностями современной европейской культуры и ценностями российской правящей элиты. Эта цепь, на первый взгляд, выглядит достаточно случайной: «присоединение Крыма – помощь ополченцам на юго-востоке Украины – сбитый Боинг с почти тремястами мирными гражданами на борту». Проблемы геополитики. Но нет, оказалось, что каждый из этих случаев имеет свою ценностную окраску. Количество малых и больших «случаев» дало кумулятивный эффект всеобщего (всепроникающего) риска, когда казавшееся сугубо «местным» столкновение интересов практически мгновенно трансформировалось в глобальное

отталкивание и противостояние. Во всяком случае, по историческим меркам.

Однако то объяснение, которое даётся этому скачку российскими аналитиками, на мой взгляд, недостаточно. Да, Европа, пережившая кошмарный XX век (двух мировых войн и лагерей смерти, в которых погибли десятки миллионов человек), стала больше ценить человеческую жизнь. Говорю именно «больше», то есть больше чем раньше, но отнюдь не абсолютно, потому что ЕС ради достижения цели своего территориального расширения бомбил собственную Южную Европу. И сегодня Объединенная Европа готова бомбить Северную Африку (как она это делала и 5, и 10 лет назад), если кто-то нарушит угодный её правящей элите «социальный порядок». Так что утверждение, что для Европы цена человеческой жизни – это очень серьёзный ценностный барьер, и что какие бы циничными их политики ни были бы, они не могут себе позволить через это переступить, сегодня, мягко говоря, сомнительно. Тем более это не относится к политике властвующей элиты США, которая и воюет, где хочет и бомбит, кого считает нужным, не спрашивая никаких разрешений у международных организаций.

Но есть другая, не менее явная сторона в этом ценностном разрыве: ценностная «имперская доминанта» есть стержень Объединённой Европы. И эта доминанта никуда не делась – она просто иногда микшируется «миролюбивой» политической концепцией «мягкой силы». Подчеркну, официальной концепцией Европейского Союза. Отсюда извечное желание англо-саксонского альянса устранить Россию с мировой экономической и политической арены. Тем более что Россия – кладёзь ресурсов, которых Европе постоянно не хватает. К тому же, даже Объединённая Европа продолжает оставаться несамостоятельной, на неё, как и на весь мир, давит военно-политическая мощь США. Геополитических войн никто не отменял, но сегодня явно наступает *новый этап передела мира*. Так что выражение «количество перешло в качество» имеет в «оборонительной» доктрине НАТО и другой вполне материальный смысл: пора указать России её действительное место, то есть место ресурсного придатка и резервной территории Объединенной Европы. Этой ценностной «имперской доминанты» как стержня союза США и Объединённой Европы никто не отменял.

Но наращивание коллективных санкций против России обернулось для Объединённой Европы новыми проблемами. По существу она оказалась между трёх огней. С одной стороны, она не хочет терять тех благ, которые ей дают нормальные отношения с Россией. С другой, она смертель-

но боится новой «горячей войны». С третьей, давление на неё со стороны США возрастает. Поэтому она избрала холодную войну. Однако сегодня «холодную войну», впрочем, как и войну «горячую», уже никто не объявляет. «Холодная война» объявляет себя сама.

Наконец, социологам придётся осознать, что современная «холодная война» как социальный феномен, резко отличается от «холодной войны» 1946-2000 гг. Как я постараюсь показать ниже, сегодня грань между «холодной» и «горячей» войной весьма условна по всем параметрам: масштабу, скорости взаимных трансформаций, характеру вовлечённых в неё сил и ресурсов. Поэтому я и называю эту, пока ещё «холодную войну», «холодной войной» в обществе всеохватывающего и всепроникающего риска».

ГЛАВА 1. ВСЕОБЩИЙ РИСК КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ МАКСИМА

1. 1. О необходимости социологии критических состояний общества

История человечества – это история войн. Только после окончания Великой отечественной войны в течение последующих 40 лет произошло более 250 больших и малых войн, а за последние десять лет – более 150. Если пойти назад, вглубь истории, то за годы существования человечества только 300 лет были абсолютно мирными. А если посчитать время, которое потребовалось на послевоенное восстановление и реабилитацию населения, то этих лет будет ещё значительно меньше.

В царской, а затем и послереволюционной России/СССР/РФ, проблемами войны и мира занимались исключительно военные специалисты или связанные с ними спецслужбы. В 1967 г. был создан Институт военной истории Министерства обороны СССР, а позже – Академия военных наук РФ. Видимо под влиянием этой исторической традиции «военная социология», сформировавшаяся в СССР вместе с другими отраслями социологического знания в конце 1960-х – начале 1970-х гг., и по сей день остаётся важной, но в значительной мере обособленной от других отраслей социологии дисциплиной. Хотя сигналы о необходимости комплексного рассмотрения проблемы «война и мир» шли с разных сторон. Прежде всего, от художественной литературы, осмысливавшей судьбы страны, её народов и отдельного человека в период Отечественной войны и послевоенного восстановления (В. Астафьев, В. Быков, С. Васильев и др.). От историков и публицистов (А. Адамович, А. Солженицын, А. Ярошинская) и от тех социологов, которые эмпирически исследовали последствия Чернобыльской катастрофы [Врона и др., 1996]. Примерно то же происходило и в западной литературе, социологии и публицистике. Во всяком случае, именно эта глобальная катастрофа заставила западных социологов, и прежде всего, У. Бека [Beck, 1992, 1999], рассматривать риски и катастрофы не как «нормальный несчастный случай» [Perrow, 1984], а как *необходимую сто-*

рону социальной эволюции. Ранее экономическую сторону проблемы бедности как глобальной катастрофы исследовал всемирно известный шведский экономист Г. Мюрдаль [Myrdal, 1968]. Но они также занимались именно войнами, а не критическими состояниями ими порождёнными.

Ещё раньше, в 1970 г., неправительственная организация «Римский клуб» по совету известного специалиста в области системной динамики Дж. Форрестера предложила Деннису Л. Медоузу возглавить группу по разработке динамики глобального развития. В результате в 1972 г. вышел первый (из восьми) коллективный труд «Пределы роста. Доклад Римскому клубу» [Медоуз и др., 1991], в котором были обозначены грядущие риски и опасности для человечества. Тем не менее, ещё в течение почти 30 лет учёные всего мира были озабочены проблемой устойчивого развития. И только, кажется, сегодня большинство из них осознало тщетность достижения этой цели. Стабильность возможна только через непрерывные изменения.

Вся советская и российская социология в целом тем более имела чёткий *созидательный вектор*, хотя, естественно, не без элемента критики и рефлексии. Тёмная сторона жизни рассматривалась отдельной группой социологических дисциплин, изучающих различные формы «отклоняющегося поведения». То есть «правильное» (надлежащее, нормативное) поведение индивидов и групп отделялось от изучения «неправильного» (отклоняющегося) поведения. И по сей день, в мировой социологии существует дисциплинарное различие между, условно говоря, «прогрессистской социологией» (или социологией развития), социологией массовых бедствий и катастроф (есть даже специальный журнал «The Mass Emergences and Disasters») и социологией, занимающейся глобальными (комплексными) процессами. Эта, последняя, рассматривает массовые бедствия и катастрофы именно как неотъемлемую сторону эволюции человечества. Критические состояния общин и обществ опять оказались на периферии интереса исследователей аварий и катастроф.

Вот основные причины, вызывающие необходимость трактовать современные войны и порождаемые ими критические состояния как *необходимую сторону глобальной социальной динамики*: риски, порождённые современными войнами, охватывают в равной мере институциональные системы, инфраструктуру жизнеобеспечения, природные и социальные экосистемы и уклад жизни пострадавших; современные войны имеют динамический, развивающийся характер, начинаясь с локальных конфликтов они могут приобретать характер военно-политического противостояния госу-

дарств и их союзов (блоков); процессы социально-экологического метаболизма и порождаемые ими риски, генерируемые современными войнами, не имеют пространственно-временных границ; программируемые и регламентируемые СМИ – мощное оружие современных войн; наконец, всякая современная война и порождаемые ею критические состояния являются источниками «энергии распада». Вот как видит сегодня глобальную ситуацию первый замминистра обороны США: мы должны развёртывать подразделения американских войск «в передовых районах» (!), чтобы обеспечить защиту безопасности и национальных интересов страны от ударов любого противника и в любых районах земли. Причём наращивать эти силы максимально быстро. Только такое направление «военного строительства может сделать Америку истинно глобальной державой и позволит руководству Министерства обороны в любых условиях быстро наращивать свою военную мощь..., где это будет необходимо». ...А также «поддерживать стратегический баланс между миром и войной» [цит. по: Иванов, 2012: 1, 9].

Именно поэтому теоретически и практически важно квалифицировать современные формы войны именно как *состояние общества* всеобщего (всепроницающего) риска [Yanitsky 2011, 2011a, 2010, 2010a, 2004b, 2000, 2000a, 1998; Beck 1999]. И прежде всего, потому, что производство рисков охватывает в равной мере институциональные системы, социальный порядок и мир повседневной жизни, как человека, так и природных экосистем. То есть современная война есть риск без определённых пространственно-временных границ. Порождаемые этой войной, как и любой катастрофой, процессы социального метаболизма так же важны, как и круговорот вещества в природе.

Далее, распространение последствий этой катастрофы носит нелинейный, скачкообразный и вероятностный характер. Например, радиоактивное загрязнение после Чернобыльской катастрофы на Украине носило «пятнообразный» характер (местные охотники составляли для себя самодельные карты таких «пятен»). Обеспокоенность населения также не зависела напрямую от расстояния от источника катастрофы. Известен феномен «старожиллов», то есть людей, вернувшихся в свои дома и продолжавших там жить, находясь в зоне повышенной радиационной опасности. Затем, если в момент своего возникновения продукты распада имели одну поражающую способность, то «в пути», взаимодействуя с другими элементами распада или среды (вода, воздух, почва), эта поражающая способность может возрасти многократно. Наконец, «поражающие элементы» (это могут быть

радиоактивные и химически опасные вещества, но также и отдельные люди и их сообщества) могут неопределённо долго находиться в «спящем» состоянии, пока какие-то процессы внутри их самих, равно как и внешние воздействия, не активизируют их. Вот почему так опасны резкие колебания климата планеты, в биосфере все процессы очень тонко сбалансированы.

Повторю общий вывод: все современные способы производства, включая капиталистический и социалистический, производят риски. Аварии и катастрофы являются лишь частными, но «нормальными несчастными случаями» (Ч. Перроу) любого способа производства. Поэтому на планете уже практически *не осталось абсолютно безопасных мест – есть места только более или менее безопасные*. И что самое неприятное, эти места сегодня могут быть относительно безопасными для жизни, а завтра – нет. Поэтому усилия социологов (так же, как и представителей других наук) должны быть в равной мере сосредоточены как на возможно раннем определении грядущих вызовов и опасностей, так и на ликвидации ближайших и, подчеркиваю, отдалённых последствий катастрофы.

Почему я называю «общество всеобщего риска» социологической максимой? Потому что в самом общем виде, современная война, даже малой или средней интенсивности, есть *всеобщий риск*. Не только теоретически, но и вполне практически сегодня любая опасность (threat, harm), возникшая в некоторой точке мира, может быть разнесена по всему земному шару (как это произошло с геморрагической лихорадкой Эбола). Причём эта опасность может быть «естественной», как, например, вирус, так и сконструированной человеком в лаборатории (другой вирус). И – наоборот. Глобальная угроза, как например, при аварии на АЭС выброс радиоактивных веществ, может поразить практически любую точку на планете. И, сверх того, в ходе процессов социально-экологического метаболизма, то есть непредвидимых физико-химических трансформаций (подробнее об этом явлении ниже), эта опасность может или постепенно снижаться, рассеиваться, или же, напротив, её поражающая способность (вследствие непредвидимых трансформаций другого рода) может резко возрасти.

1. 2. Современная война: время и место

Современные создатели боевиков о Великой отечественной войне 1941-45 гг. («Фронт без линии фронта» или «Фронт без флангов») не подозревают, насколько эти названия соответствуют реалиям войны совре-

менной. Эти войны и создаваемые ими критические ситуации обычно называют гибридными или не-конвенциональными событиями. Это объясняется тем, что они соединяют в себе политические, экономические, социальные, экологические, ресурсные, технологические, научные и другие факторы или силы. Причём действие этих сил может быть попеременным и разнонаправленным. Современные войны являются одновременно глобальными и локальными, вооружёнными столкновениями и борьбой компроматов.

Актуальность проблемы современных войн заключается в её нетрадиционном характере. Известна поговорка, что генералы всегда готовятся к прошлой войне. Современные войны и порождаемые ими критические состояния (зоны бедствия) – это войны без начала и без конца. Конфликты и вооружённая борьба чередуются с перемириями, договоренности – с их нарушением и взаимными обвинениями в их несоблюдении. Поэтому опираясь на опыт множества современных больших и малых войн по всему миру (но, прежде всего, конечно, тех, что случились на постсоветском пространстве), мне представлялось важным выделить их некоторые новые общие черты, отличающие их от войн XX столетия. И связать их с процессами, происходящими в живой природе, которые сегодня также не те, что были 100-150 лет назад.

О специфике современных войн пишут много [Арбатов, 2014; Гундаров, 2014; Киршин, 2014; Сивков, 2014; Чекинов и Богданов, 2013; Кьеца, 2006 и др.]. Основными социальными (социально-политическими и социально-экологическими) характеристиками современных войн являются:

(1) нет грани между миром и войной, ни временной – ни пространственной. «Холодная война» может или разворачиваться отдельно или сопровождать войну «горячую». Так называемые замороженные конфликты могут быть как последствиями современной войны, так и предвестником следующей;

(2) нет разделения на фронт и тыл, поскольку главными целями вероятного противника как раз являются наиболее существенные узлы жизнедеятельности и инфраструктуры их связывающие и обеспечивающие. Нет такого разделения также и потому, что современная война всё чаще ведётся малыми мобильными диверсионными группами. Сегодня «тылом» могут скорее именоваться страны или территории, находящиеся за пределами воюющих сторон. Но и это определение весьма относительно;

(3) нет строгого разделения на вооружённые силы и остальное население, потому что война есть мобилизационное состояние современного об-

щества. А также потому, что военные действия могут осуществляться вполне гражданскими лицами, сидящими дома или в офисе за компьютером (как, например, современные интернет-хакеры);

(4) природная и техногенная среда могут быть в равной мере, как источниками рисков, так и средством (ресурсом) защиты от них. Причём в результате длительных и непредсказуемых процессов социально-экологического метаболизма (см. о них подробнее ниже), предсказать, чем, например, будет данное строение – надёжным убежищем или мишенью для разрушительного удара – будет всё труднее;

(5) таким образом, повторю, в мире сегодня нет абсолютно безопасных мест: есть только более и менее безопасные. Фактически территория войны – это зона всеохватывающего риска, причём риска подвижного, мигрирующего. Известно, что борьба за дефицитные ресурсы, как правило, сопровождается насилием, разрушением природных и человеческих экосистем и, в конечном итоге, оставляет за собой «пустыню». Поэтому на территории планеты Земля (точнее, всей её внешней оболочки и внутренней начинки) будет всё меньше «пространств для жизни» (living spaces), и всё больше актуальных и потенциальных пространств для извлечения и переработки ресурсов (resource areas);

(6) санкции и контр-санкции суть один из возможных *переходных этапов* между «холодной» и «горячей» войной. Война санкций серьёзно нарушает (а иногда и разрушает) сложившуюся структуру хозяйства, международные экономические и культурные связи, повышает градус морального ожесточения противоборствующих сторон, каждая из которых стремится склонить мировое общественное мнение в свою пользу. Санкции, налагаемые отдельными государствами и их альянсами на противоположную сторону, ведут к постепенному разрушению сложившегося мирового порядка, и к замене его на «прецедентный порядок», осуществляющийся, как правило, с позиции силы;

(7) в ходе современных войн формируются критические ситуации (зоны), где жизнь людей и природы течёт по законам современных войн – мало предсказуемых, «бесконтактных», с неопределённым исходом. Но даже если «горячая война» сменяется хрупким миром, то в большинстве случаев критические ситуации консервируются на многие годы и даже десятилетия;

(8) в условиях современных войн происходит милитаризация общественного сознания и сжатие демократических институтов. Коридор возможностей для диалога, взаимных уступок, согласования позиций и т. п. и

принятия решений консенсусом становится всё уже – господствует силовой стиль и ручное управление, как внутри противоборствующих сторон, так и на уровне международных институтов. В конечном счёте, если война и порождаемые ею критические ситуации затягиваются на годы и десятилетия, то, она формирует столь же упрощённые, «директивные» социальный порядок и образ жизни на всей планете;

(9) одним из следствий эволюции современных войн является формирование всё более мощных военно-политических надгосударственных союзов и альянсов (НАТО, ЕС, ШОС), что, возможно, приведёт к ещё большей унификации социального порядка в рамках этих надгосударственных образований;

(10) войны и критические ситуации стимулируют резкое ускорение научно-технического прогресса при одновременном замедлении прогресса социокультурного и развития интеллектуальных потенций для осмысления происходящего. Любая критическая ситуация и меры по её разрешению – барьер для развития демократических институтов и гуманитарной сферы в целом, хотя все они предпринимаются под лозунгом «установления демократии». Так или иначе, в периоды современных войн диалог, рефлексия и сомнение «не в моде»;

(11) в социальной жизни происходит сдвиг от индивидуализации к её массификации и унификации, рвётся тонкая ткань устоявшейся повседневной жизни. В мыслительных и вербальных структурах начинают преобладать жёсткие оппозиционные конструкции типа «мы или они», «жизнь или смерть», «сейчас или никогда», «бежать или оставаться», «пассивно подчиниться обстоятельствам или оказать вооружённое сопротивление» и т. п. Высока и амплитуда колебания психологических состояний индивидов и масс: покорность или гнев, сковывающих страх или гиперактивность «вопреки обстоятельствам» и т. д. [Шубкин и Иванова, 2001];

(12) сквозное просвечивание общества и его институтов при помощи современных информационных технологий ведёт к утере «кокона основополагающего доверия» (Э. Гидденс). То есть к утере права на индивидуальное жизненное пространство (living privacy) и столь же индивидуализированного её ближайшего окружения. А, значит, – и к утере уникальности собственного Я. Возникает феномен «одинокой толпы», то есть скопления людей, управляемых другими, the other-directed [Reisman et al., 2001], но только в качественно иных – критических – обстоятельствах. Пребывание в состоянии «одинокой толпы» может порождать массовое катастрофиче-

ское сознание, требующее длительной социально-психологической реабилитации [Шляпентох и др., 1999].

Возникновение в рассматриваемых обстоятельствах потоков беженцев и вынужденных переселенцев – также постоянный фактор упрощения социальной жизни критических зон, изменяющий не только их социальный порядок, но и структуру жизненного пространства. Она или предельно упрощается (уехал, убежал или остался) и, одновременно, жизнь в них хаотизируется, поскольку в критических обстоятельствах выбор стратегий поведения минимален, приходится действовать по принципу «или–или». Адаптация человека к катастрофам и критическим состояниям – чрезвычайно длительный и сложный процесс [Wilson, 1988].

В конечном счёте, современная война – это, прежде всего, война за ресурсы (природные, людские, территориальные, информационные). Вооружённая борьба за ресурсы, их разработка и транспортировка, необходимые для обеспечения жизнедеятельности населения, одновременно наносят вред природе и людям [Beck, 1992, 1995, 1999, 2010]. Общий рост населения планеты, истощение старых источников природных ресурсов и разработка новых, общее увеличение территорий, непригодных для жизни (опустынивание, засоление, подтопление вследствие гидротехнических мероприятий, наконец, потребность в увеличении жизненного пространства высокого качества) для богатейших слоев населения – всё это увеличивает дефицит ресурсов, необходимых для производства и повседневной жизни [Къеза, 2006].

Перечисленные выше характеристики вновь делают актуальным вопрос: что же сегодня происходит: усложнение общества или его упрощение, архаизация? Как полагает российский социолог С. Кравченко, а также многие западные социологи, сегодня происходит становление сложного общества [Кравченко, 2012]. Однако поскольку в условиях современных войн господствует социально-конструктивный (директивный) подход к управлению государством и обществом, законы самоорганизации в природе и обществе не принимаются во внимание. В результате увеличиваются масштабы и территориальный охват противоположного процесса: *упрощения*. Человеческие сообщества и целые страны, находящиеся в критическом состоянии, не только «упрощаются», но и просто разваливаются, распадаются на наших глазах. Это неизбежно ведёт к снижению совокупного социального потенциала общества, уничтожению высокоценных участков природы, общему снижению биологического разнообразия на планете. Что, в свою очередь, ведёт к снижению устойчивости биосферы, увеличе-

нию риска возникновения экологических катастроф. В целом в условиях современной войны складывается «мобилизационная», то есть директивная, социально-политическая структура общества. Внутри неё идут самые разные процессы реорганизации и самоорганизации, легальные и нелегальные. Заметим, что ни те, ни другие не согласуются с законами динамики природных экосистем и биосферы в целом. Отсюда – снижение устойчивости геосферы как результат сокращения разнообразия природных и социальных систем. Сказанное не отрицает того факта, что сами современные войны и критические состояния могут быть чрезвычайно сложными [Keen, 2009].

Было бы неверным утверждать, что современные войны и критические состояния имеют только негативный результат. Мобилизация сил и ресурсов на узком направлении всегда даёт краткосрочный положительный эффект не только в науке и военно-технической сфере. Так, ещё недавно на Украине планировалось введение «чрезвычайного энергетического положения», то есть мобилизацию всех доступных в настоящее время источников энергоресурсов плюс введение «чрезвычайного» режима их экономии. Такие меры действительно дают некоторый эффект, но без последующего перехода экономики на мирные рельсы всё равно обойтись нельзя. Вспомним «тотальную мобилизацию всех железных вещей» эпохи заката немецкого фашизма.

Наконец, сегодня войну никто уже не объявляет. Напротив, все стараются опираться на принятые нормы международного права, однако каждая из противоборствующих сторон трактует их в своих интересах.

1. 3. Критические структуры и зоны

Научная литература и публицистика содержит сотни работ по проблемам кризиса – экономического, политического, социального и культурного. Или того, что классики марксизма-ленинизма, называли общим кризисом капитализма. Но в современном обществе, в общем и целом, кризис понимается как некоторая точка «бифуркации», после прохождения которой, общество или обновляется и продолжает развиваться, или же деградирует и исчезает с мировой арены.

В последнее десятилетие социологи и политики (теоретики войны делали это много раньше) выделяют *критические структуры и зоны* по критерию их особой значимости для поддержания жизнеобеспечения и боеспособности общества, как в мирное, так и в военное время. Как правило,

прежде всего, к таковым относят ресурсные, транспортные и информационные системы, узлы связи и управления государством и его структурными элементами, системы обеспечения водой, космические системы наблюдения и защиты – всего не перечислишь. То есть по логике вещей, речь идёт именно об обеспечении сохранности и нормального функционирования важнейших узлов и структур общественного организма. В принципе это справедливо, но, учитывая глоболокальный характер современных рисков и опасностей плюс феномен социально-экологического метаболизма, в каждом конкретном случае, как уже отмечалось, локальная «поломка» этого организма может перерасти во всеобщую угрозу. Соответственно, общество ре-структурируется таким образом, чтобы рассредоточить или дублировать свои витальные системы жизнеобеспечения.

Однако это лишь частичное решение задачи обороноспособности. Дело в том, что сегодня противоборствующие стороны всё чаще используют мирное население и структуры их жизнеобеспечения как прикрытие («живой щит») для нанесения ракетных и других ударов по противнику. Что мы периодически наблюдаем в арабо-израильском противостоянии. *И теоретически, и фактически современная война ведётся, прежде всего, против мирного населения*, что бы ни утверждали западные политики и защитники прав и свобод. По разным подсчётам, в современных войнах в 90 до 100% случаев гибнет именно мирное население. Вот это и есть ещё одна, может быть, самая главная характеристика общества всеобщего риска.

Теперь – немного теории. Риск, как уже подчеркивалось, есть вероятность потерь (бедствий, разрушений, катастроф) или приобретений (благ, социального или культурного капитала), имеющих ценность для некоторого социального субъекта [Яницкий, 2003б Yanitsky, 2000]. Этот двойственный смысл риска (двойственная вероятность) заложена в каждом акте социального производства. Риски являются следствием, как действия, так и бездействия. Степень риска может варьировать от незначительных потерь, легко и быстро исправимых, и до критических, то есть разрушительных для данного социального субъекта и среды его обитания.

Критическим я называю состояние социального субъекта или ситуацию, когда производство рисков как потерь (бедствий) является безраздельно господствующим способом социального производства. С метатеоретической точки зрения, критический случай есть предельный – «идеально-предельный», употребляя терминологию П. Сорокина, – случай производства рисков именно как тотальных бедствий: максимальная ставка (уг-

роза распада государства, конкретного сообщества, угроза жизни человека) в условиях максимальной неопределённости ситуации и перспектив.

В обществе риска критические случаи повторяются, воспроизводятся с регулярностью вследствие постоянно воспроизводимого внутреннего раскола в самом обществе, его правящей элите, борьбы конкурирующих групп интересов. В конечном счёте, возникновение подобных случаев коренится в отсутствии у данного общества и его социальных субъектов способности к обучению на ошибках и самокритике, то есть способности к рефлексии.

Теоретически, критический случай как господство производства рисков (именно как потерь, бедствий) в некотором (со)обществе, во-первых, означает тотальное или почти полное прекращение производства материальных и духовных благ в некотором ареале (зоне) и, следовательно, распад и постепенное исчезновение или перерождение всей совокупности социальных институтов и отношений, связанных с этим процессом. Созидание как основополагающая форма социального действия и, следовательно, как социологическая категория теряет смысл. Коллективные социальные субъекты (сообщества, государства, сетевые системы) переключаются на производство средств разрушения и обороны, равно как и на производство разрушительных действий и актов насилия как таковых.

Во-вторых, происходит чудовищная трансформация института труда. Во все времена мирный созидательный труд соседствовал с ратным. Однако в критическом случае фактической целью «мирного» труда становится разрушение, инструментом – насилие, а результатом – нанесение максимального ущерба «противнику». Под категорию «мирного» труда в таком случае подпадают уничтожение мирного населения, издевательства, пытки и убийство пленных, производство и торговля наркотиками, торговля «живым товаром», использование рабского труда, производство различных фальсификатов (продуктов питания, алкогольной продукции, лекарств). Такой «мирный» труд порождает в обществе всеобщее недоверие и страх.

В-третьих, под воздействием этих трансформаций в конечном итоге изменяется всё: социальный порядок, социальная структура сообщества, уклад повседневной жизни, психология людей, их отношение к природе. Поэтому возникающие в этой среде экологические или психические отклонения и аномалии должны социологически интерпретироваться и рассматриваться в качестве социальных фактов («я хочу умереть» – тоже социальный факт).

В-четвёртых, в критическом случае производство отходов и рисков превращается из сопутствующего момента производства материальных и духовных благ в доминирующий способ социального производства, имеющий свои цели, ценности, институты и закономерности. Хотя внешне институты, организующие социальный порядок, могут сохраняться (законодательство, парламент, неписанные правила и нормы), по существу критическое сообщество – это уже иное социальное качество социума.

В-пятых, производство рисков (именно как бедствий, разрушений) не может быть точечным процессом. Подобно тому, как социальное развитие осуществляется поначалу постепенно, «ареалами» и лишь на некоторой стадии становится всеобщим, так и целенаправленное производство рисков из точечного процесса рано или поздно вследствие процессов *социально-экологического метаболизма* превращается во всеохватывающий. Поэтому я именую критические ситуации неотъемлемой производной общества всеобщего риска.

В-шестых, в критической зоне геноцид, насилие, подрывная деятельность, терроризм как массовые действия представляют собой уже не отдельные акты разрушения социального порядка и даже не их совокупность, но организованное производство рисков, нацеленное на разрушение некоторого социального сообщества, его ценностной и организационной основы.

В-седьмых, доминирование производства рисков (обстрелов, бомбардировок, внезапных атак) формирует в критической зоне специфические «пространство и время». Физические расстояния измеряются не скоростью средств передвижения, а масштабом ожидаемых потерь и, соответственно, ресурсом, необходимым индивиду (группе) для обеспечения его минимальной безопасности. Риски и порождаемые ими страх и всеобщее недоверие детерминируют траекторию, скорость и ритм пространственных перемещений людей и ресурсов. Например, день и ночь оцениваются уже не как привычные периоды бодрствования и сна, работы и отдыха, а с точки зрения вероятности причинения ущерба и защиты от него, то есть как более или менее опасные «временные коридоры» для человеческой активности. Но и их обыватель определить неспособен, так как непредсказуемость пространственно-временных ритмов современной войны как раз и является её характерной особенностью.

В-восьмых, логика производства «бедствий» основана на принципе бумеранга: террор порождает антитеррор, насилие порождает насилие, военные действия – сопротивление и т. д. Однако при длительном развитии

критической ситуации складывается некоторое единое «критическое сообщество» (негативный симбиоз) сил вторжения (давления), сопротивления (защиты, обороны) и страдающих мирных граждан. Именно в таких ситуациях возникает феномен *негативной солидарности*, то есть временного союза людей и сил, преследующих, в конечном счёте, противоположные интересы [Yanitsky, 2004].

В-девятых, возникает феномен двойного риска. В сущности, критический случай есть наиболее яркое проявление многосторонности процесса де-модернизации. Производство общественной жизни и социальных ценностей не только минимизируется, но и приобретает архаичные формы (собирачество, натуральный обмен, вынужденное иждивенчество, грабежи, похищение людей, захват заложников). Экономически и социально активное население критических зон резко сокращается. Наряду с этим, технологии разрушения и нанесения ущерба «противнику» становятся всё более изощрёнными, а орудия разрушительных действий постоянно модернизируются. Возникает *институт «обучения насилию и разрушению»* (тренировочные лагеря для обучения террористов, диверсантов, спецподразделений и др.). К тому же, в рассматриваемом случае форма более не соответствует функции: под шапкой организаций созидания (учебных, экспертных, спортивных, развлекательных) может и часто действительно осуществляется накопление и совершенствование разрушительного потенциала. Таким образом, в критическом случае понятие модернизации фактически приобретает отрицательный смысл.

В-десятых, социальная среда критического сообщества не способна служить поглотителем рисков. Его среда трансформируется в их производителя, от которых страдают все стороны, вовлечённые в конфликт (эскалация враждебности и обучение насилию, похищения людей, скота и домашнего имущества, болезни и эпидемии, страх, психические расстройства и самоубийства). Рискогенная среда выталкивает трудоспособное население, ориентированное на созидательный труд, и, напротив, притягивает криминал во всех его формах. Однако главный риск состоит в том, что организация социальной среды целиком детерминируется формами и ритмами критического случая. В подобных ситуациях самоорганизация населения специфические формы: организация сопротивления (партизанская война), посредничество (между враждующими сторонами), криминальный бизнес и создание временных сообществ с целью физического выживания их членов.

Наконец, социально освоенная среда обитания (природный и техногенный ландшафт) необратимо трансформируется. В обществе возникают «зоны», непригодные для ведения хозяйства и нормальной жизни из-за перманентной угрозы невосполнимых потерь вследствие военных действий, загрязнения среды отходами войны или периодических «зачисток» на её территории. Вместе с тем, даже много позже после формального установления мира (прекращения военных действий или введения миротворческого контингента) обжитые ранее человеком территории – зоны созидательного труда и мирной жизни – превращаются в «мёртвые зоны» (земля, непригодная для обработки, не убранные и даже не идентифицированные минные поля, отравленные реки, разрушенные дороги, поселения и ирригационные системы).

Можно ли вернуться в «исходную точку»? Целиком и полностью, на мой взгляд, нет. Потому что современные войны по большей части порождают именно *критические ситуации*. С моей точки зрения, критические ситуации являются не единственными, но всё же фокальными точками конфликтов и войн XXI столетия. И одновременно – узлами экономических и социальных трансформаций. Кризисы приходят и уходят (преодолеваются), а критические ситуации (точки, зоны) – это человеческие поселения, экологические системы и другие эко-социальные системы, которые находятся на грани распада. Их отличительный признак – выделение *энергии распада* в виде потоков беженцев, вынужденных переселенцев, разрушения важнейших систем жизнеобеспечения и т. д. Все эти процессы сопровождается рискогенным социально-экологическим метаболизмом [Яницкий, 2003, 2004, 2004а; Wolman, 1956, 1965; Boyden et al., 1981; Mol, 1995; Fisher-Kowalski, 1997; Fisher-Kowalski and Haberl, 2007]. И, может быть, самое главное в этих негативных трансформациях это – неумолимое снижение устойчивости первичных эко-социальных систем, этой всеобщей основы как индустриального, так и постиндустриального мира [Yanitsky, 2012]. В целом же, происходит процесс утери общественными системами разного масштаба такого *конституирующего признака как системность* и их сползание к ситуации «управляемого хаоса» (И. Пригожин и И. Стенгерс). Хотя, с моей точки зрения, этот термин сегодня уже неадекватен: хаосом можно управлять лишь частично. Когда о каком-то явлении говорят, что это хаос, это лишь свидетельство того, что нет желания или возможности вникать в хитросплетения социальных, технических и природных процессов в некоторой критической зоне. Проще сказать, что она – это очередной «чёрный ящик». В действительности критические состояния

безнадежны в плане их реабилитации, но, как показывает мировая практика, если их и удаётся реабилитировать, то это, в конечном счёте, будут уже качественно иные типы социальных и природных экосистем. Закон социальной сукцессии или, как его называл П. Сорокин, отрицательной селекции, никто не отменял.

Этот тезис можно сформулировать и по-другому. С точки зрения концепции критических состояний, современная война никогда не заканчивается возвращением жизни в исходную точку. Если процесс разрушения (катастрофа) скоротечен, то процесс реабилитации разорённого ею сообщества чрезвычайно длителен, практически бесконечен и, в конечном счёте, заканчивается *конструированием нового сообщества*. Собственно говоря, этим и объясняется стремление государства и бизнеса не восстанавливать разрушенное, а строить на «пустом месте» (начинать с чистого листа). Так им проще, быстрее и дешевле.

Это, в свою очередь, означает, что в ходе критической ситуации люди начинают меняться. В её начальной фазе происходит отток аборигенов и приток пришлых плюс активизация асоциальных элементов (грабителей, мародёров, лиц с отклоняющимся поведением). В критической зоне появляются «чёрные гуси» (иностранные наёмники) и волонтёры, неопознанные вооружённые формирования, гопники, «романтики» и т. д. Одни из них увеличивают свой социальный капитал, другие, напротив, его утрачивают. Одни общности распадаются, другие создаются. Но опять же, это не хаос, а *иной тип «сложного мира»*. Важно, что члены этих новых сообществ и движений по-новому относятся к окружающему их миру, принимая его как неизбежность (как судьбу), или, напротив, начинают с ним бороться, в том числе организуясь и вооружаясь. В конечном счёте, если человеческое поселение всё же выходит из критического состояния, то его социальный и культурный статус оказывается качественно иным.

1. 4. Динамика критических ситуаций

С начала 1990-х гг. процесс глобализации, как правило, трактовался в позитивном ключе, а именно – как новая фаза модернизации, именуемая рефлексивной [Beck, Giddens, Lash, 1994; Castells, 1996, 2000; Giddens and Pierson, 1998]. Ключевыми трендами этого процесса считались интеграция, индивидуализация, мобильность капитала, населения, товаров и услуг, создание глобальной коммуникативной сети. Считалось также, что все страны мира рано или поздно пойдут по пути, проложенному англо-

саксонским «Севером». Показательно, что на недавнем Международном социологическом конгрессе в Японии понятие «критической ситуации» было упомянуто всего один раз (!) среди 7 тыс. абстрактов докладов Конгресса [The Book..., 2014]. Хотя его девизом было «Неравноправный мир. Вызовы для социологии» (An Unequal World. Challenges for Sociology).

Однако социологи и политики, изучающие процессы, происходящие в Африке, Латинской Америке и вообще на «глобальном Юге», подчеркивают, что часть его стран (и обществ) не только демодернизируется и деградирует, но просто разваливается, порождая глобальные угрозы и риски [Сатановский, 2014, 2014a; Soto, 1989, 2000]. Совсем не случайно в последнем номере «Current Sociology. Monograph 1» -2014, Vol. 62, No 2) авторы из Индии и Южно-африканской республики говорят о необходимости избавления их национальных социологий от «академического колониализма», то есть теоретического и методологического диктата западной социологии. Что позволит адекватно оценивать эти негативные тренды [Sundar, 2014: 170; Holdt, 2014: 193]. Очевидно, что и про Украину и, в особенности, про её проблемный юго-восток, можно сказать, что события там (задолго до возникновения критической ситуации) развивались по образцу модернизации, уже не один десяток лет навязываемой развитым «Севером» только встающему на ноги «глобальному Югу» [Holdt, 2014].

Итак, каковы же, на мой взгляд, основные характеристики динамики критической ситуации? Основываясь на информации о текущей ситуации на юго-востоке Украины, об арабо-израильском конфликте, а также о событиях в Ираке, Сирии и Афганистане, можно сказать следующее. Во-первых, каждая из них со временем из локального конфликта всё более превращается в глобальный, чему немало способствуют мировые медиа и международные организации. Причём соотношение сил и позиций в этом глобализующемся конфликте всё время меняется. Во-вторых, ситуация постоянно колеблется между полюсами мира и войны. Всё чаще решения о перемирии и/или о временном прекращении боевых действий, принятые на самом высоком уровне, не выполняются или просто «забываются», обстрелы и бомбежки возобновляются с новой силой, и весь процесс примирения начинается сначала. В-третьих, в последние месяцы наблюдается процесс ужесточения глобального конфликта: одни санкции «перекрываются» ответными, всё более жёсткими санкциями. В-четвёртых, в этом «соревновании санкций» некоторые горячие головы в качестве ответной меры предлагают лишать мирное население противоположной стороны существования. В данном случае я имею в виду не продукты питания, которые

так или иначе можно заместить, а импортные лекарства, которые в короткий срок просто нечем будет заменить. Это уже – угроза жизни для самых незащищённых слоёв населения. Подобные угрозы, если они будут реализованы, есть не что иное, как форма геноцида.

В-пятых, из сказанного следует, что принципы гуманизма (ненасильственного разрешения конфликтов) всё более замещаются угрозами причинения смертельного риска мирному населению или прямым насилием. В-шестых, естественно, что уровень доверия между враждующими сторонами и силами их поддерживающими, понижается. Пресловутый дискурс взаимопонимания, основанный на «коммуникативной методологии» (она же *participative sociology*), столь популярный в Европейской социологии, [Fleha and Soler, 2014], сегодня обернут к нам языком обвинений и угроз. В-седьмых, за этим следует ужесточение политических режимов, всё более воинственная риторика западных лидеров и элиминация из поля массовой коммуникации альтернативных точек зрения на конкретный конфликт. В-восьмых, сейчас уже очевидно, что конфликтная ситуация на юго-востоке Украины дала повод для милитаристской мобилизации, расширения военного присутствия вооруженных сил НАТО вокруг границ РФ, и вынудила правительство РФ резко форсировать программы перевооружения. В-девятых, критическая ситуация раскалывает не только украинское общество, но многие сообщества далеко за его пределами. Социальные философы квалифицировали раскол как одно из состояний общественного организма. Но в нашей ситуации речь идёт о жёстком противостоянии «мы – они». Тем самым, столь желанный для рядовых граждан момент «разрядки напряжённости» (деэскалации конфликта) откладывается на неопределённое время. Заметим, что и во время военных действий, и в условиях затишья и даже перемирия, борьба в информационном пространстве не прекращается ни на минуту. Напомним, в-десятых, что любой исследователь и политик должен учитывать не только поведение социальных акторов, но и самой среды обитания. Наконец, и это, пожалуй, самое опасное: в какой-то момент *критическая ситуация начинает жить по собственным законам*, то есть выходит из-под контроля. Я не уверен, что «ситуация состоит в потере управляемости». Скорее, Глеб Павловский прав, когда говорит, что «растёт реальный риск скачкообразного, внезапного укрупнения конфликта без всяких промежуточных звеньев», то есть что «риск перерастания распределённой, комбинированной паравойны... в настоящую войну – высокий, и он всё ещё растёт» [Павловский, 2014: 5]. Саморазвитие – это именно

внутренний процесс, чреватый неожиданными поворотами и бифуркациями, которые плохо поддаются «управлению» извне.

1. 5. Рынок как фактор современной войны

Современный рынок (в широком смысле этого слова), то есть идей, представлений, образов, товаров и ресурсов – это двуликий Янус. Он одновременно является стимулом экономического и социального развития и одним из главных источников и моторов современных войн и критических состояний. Расширяющийся рынок в условиях роста народонаселения, его потребностей и ограниченности мировых ресурсов – одна из ключевых предпосылок возникновения современных войн, которые по существу имеют сугубо геополитический характер. Как отмечал Нобелевский лауреат по экономике Кеннет Эрроу, «рынок разрушает общество» [цит. по: Кустарёв, 2005: 113]. Растущий дефицит наличных ресурсов, борьба за доступ к новым источникам и видам ресурсов и прежде всего, энергии и питьевой воды, потребность в дешёвой рабочей силе и новых рынках сбыта – ключевые факторы возникновения современных войн, за которыми обязательно следует (геополитический) передел мира. В современных условиях рынок всё более становится политическим инструментом и/или предметом политического торга. Так, например, сегодня Литва может получать сжиженный газ из ЕС или США. Он дороже, чем естественный, но тогда Литва становится менее зависимой от России. Или же покупать более дешёвый естественный российский газ, но тогда её зависимость от России увеличится.

Современные войны порождают рывок прогресса в военнотехнической сфере на фоне общего снижения совокупного социального капитала общества и его отдельных поселений, взвинчивают недоверие, ведут к «затягиванию поясов» большинством экономически активного населения, появлению потоков беженцев и вынужденных переселенцев и увеличению объёмов производимого мусора, как обычного, так и высоко рискованного. Как однажды заявил украинский высокопоставленный чиновник, для ускорения разрешения кризиса на юго-востоке страны предполагается сокращение «никому не нужных» научных программ и концентрация усилий на производстве высокоточного оружия.

Наконец, война – это всегда «чёрный рынок», начиная от продуктов и предметов первой необходимости и вплоть до военных секретов и стратегических материалов. Во время таких войн возникает множество новых,

легальных и нелегальных рынков. Речь идёт о торговле оружием, боеприпасами и военным снаряжением, лекарствами и перевязочными материалами, продуктами питания, неотложной медицинской помощью, в том числе, средствами доставки раненых и пострадавших в медицинские учреждения, легальной и тайной переброске беженцев в более безопасные районы страны или за рубеж. А также о торговле другими предметами и услугами, необходимыми в условиях боевых действий. «Чёрный рынок» не прекращает своего существования даже в сердцевине боевых действий, его агенты рискуют жизнью, но на этом риске хорошо зарабатывают.

1. 6. О медиарынке – особо

Информационные потоки, охватывающие сегодня весь мир, суть одновременно и благо, и бедствие. Или, иначе, эти процессы суть продукт двойного назначения. Без информации никакое развитие невозможно, но информация может быть использована для нанесения вреда соседу и даже глобальному мироустройству. В этом смысле информационные потоки и формируемые ими смыслы и представления суть всепроникающий риск.

В условиях современных войн не меньшее значение имеет медиарынок, поскольку определённым образом выстроенная и запрограммированная информация является не только мощным оружием, но и формой борьбы целенаправленно сконструированных образов «правильного мира», а также войны и критических ситуаций. Строго говоря, информационная война между двумя господствующими социальными системами никогда не прекращалась. Сегодня к ней прибавилась третья мощная информационная сила – исламский мир. В своё время М. Кастельс назвал эту силу «внесистемной», но сегодня она – часть мирового сообщества, причём с весьма мощным идейно-нравственным обеспечением, в ядре которого – претензия на мировое или, по меньшей мере, региональное господство.

Но вернёмся на три четверти века назад. Знаменитая фултонская речь Уинстона Черчилля ознаменовала начало «холодной (то есть, прежде всего, информационной) войны». Все утопические концепции меритократического общества, имевшие в своей основе идею высочайшего уровня владения знанием и информацией массами и вертикальную мобильность индивидов в зависимости от их социального капитала, не выдержали проверки временем. Шаг за шагом гуманистически ориентированная концепция «информационного общества» (информация и знание как безусловное благо) трансформировалась в инструмент информационной агрессии, навязыва-

вания образов «должного мироустройства» по американскому образцу, с которой была тесно связана доктрина силовой территориальной экспансии сил, несущих «правильный» образ бытия «городу и миру».

Сегодня наши заокеанские контрагенты грозят российским властям всё новыми санкциями за возвращение Крыма. Но почему-то они забывают, что со своими партнёрами по ЕС они уже много лет разрабатывали модель «Большого Причерноморья», включавшую не только «дружеское вовлечение» в свою орбиту Крыма и Кавказа, но и всех стран черноморского бассейна. И даже указывали, каким способом этот план может быть реализован: использованием «мягкой силы», то есть сочетанием политического и экономического, а если нужно, то и прямого военного давления [Яницкий, 2008]. Но и в отношении своих ближайших политических союзников американцы не гнушаются тотальным «информационным просвечиванием».

Кратко говоря, есть две основные формы силового информационного воздействия: переключение (или исключение, блокировка) информационных каналов и их перепрограммирование, то есть именно навязывания нужного образа «должного мироустройства» и образа жизни своей аудитории [Arsenalt and Castells, 2008]. Форм же информационного воздействия на вероятного противника бесконечное множество. Это, в частности, борьба интерпретаций текущих событий и война компроматов, маскировка и дезинформация, диффамация, аресты и убийства корреспондентов, работающих в «горячих точках», закрытие каналов, дающих объективную информацию и т. д. Однако сегодня определённым образом препарированное историческое знание у идеологов медиарынка в особой цене. Таким образом, аргументы для современных информационных войн черпаются также и в далеком прошлом.

Ещё одна характерная черта этого рынка: на нём нет рядовых представителей гражданского общества, есть только «проверенные фигуры» – рупоры гигантов этого рынка, которые изо дня в день мелькают на телеэкранах. Социальные сети могут быть достаточно развиты, но их контент контролируется государственными службами. А, главное, эти сети не играют решающей роли в принятии судьбоносных для страны и мира решений.

Заметим, что экологические и техногенные катастрофы, их причины и следствия на этом рынке не анализируются, они используются только как информационный повод или для увеличения рейтинга власть предержащих, осуществляющих «ручное управление» процессами реабилитации

критических зон. Так или иначе, медиарынок – это далеко не свободный рынок знаний, идей, представлений. Скорее, это основное оружие «холодной войны» и неперенный элемент войны «горячей». Наконец, медиарынок – это своего рода самонаводящийся механизм. Чтобы расти, ему необходимы сенсации, breaking news. И если он их не находит, то конструирует их самостоятельно. А какой отзвук находят эти конструкции (чаще всего «утки») в сердцах и мыслях людей, находящихся в критической ситуации, магнатов этого рынка не волнует. Им нужно сконструировать образ врага и навязать его миру, оставаясь при этом «белыми и пушистыми».

Наконец, ещё одно частное, но важное замечание. Все, кто сегодня имеют доступ к прямому эфиру и другим сферам медиарынка, говорят на языках разных профессиональных субкультур и критических ситуаций. Власть предпочитает «вещать» от имени народа, лидеры вооружённой оппозиции – придерживаются «патриотической» и ультрарадикальной лексики с сильным обертоном насилия. Независимые журналисты – говорят на языке той ситуации, которая доступна их обозрению. Спасатели говорят на языке чрезвычайных ситуаций, местная власть – на бюрократическом языке или вообще молчит и т. д. А те, кто оказался в эпицентре войны или смог вырваться из него, – на языке страха, гнева и боли. Или же молчат, уходя в себя на многие месяцы. Такое дробление коммуникативного пространства, снижающее надежду на взаимопонимание и установление доверия, ещё один признак современной войны и критических ситуаций.

В заключение этой главы выскажу мысль, которая многим покажется крамольной. И всё же, на мой взгляд, компьютеризация неоправданно упрощает мышление учёного и вообще – творческих людей. Вместо поиска логических связей, рефлексии, фиксации эмоциональной реакции IT-пользователь занимается перебором вариантов или подсказок. Это особенно отчетливо видно на примере визуальной социологии. Более того, стандартизация является врагом творческого мышления и вообще творчества. На смену творчеству приходит *перебор вариантов* возможных решений, причём то, что всегда было свойственно человеческому языку, – эмоция, интонация, пауза, подтекст – здесь практически исчезают. Сама работа на компьютере в отличие от письма или игры на рояле есть стандартизированный и постоянно повторяющийся набор ограниченного числа «ударов», стандартизирующий мыслительный процесс.

Все смысловые и эмоциональные ударения (паузы, иносказания) в электронном письме не допускаются, или их набор очень ограничен. Вообще, e-мейл уничтожил целую сферу человеческой коммуникации – эпи-

столярный жанр. В коротких сообщениях отпадёт всё: степень доверительности к реципиенту, нюансы смысла сообщения, накал эмоций, степень убеждённости коммуникатора и т. д. Совсем не случайно, по некоторым опросам, 80% опрошенных высказались за сохранение бумажных книг и только 20% – за электронные книги.

Информатизация, особенно в её изощрённых формах, навязывает множество «пустых», но необходимых действий. Необходимо запоминание никак не связанных между собой множества кодов, паролей, шифров. Это, как связка ключей, становится всё более бессмысленно тяжёлой. Одновременно идёт скоротечное упрощение английского языка как основного языка международного общения. В РФ и, тем более, в мире множество местных диалектов и говоров. Как их переводить на basic English? Как быть с эндемичными культурами, которые вообще не имеют письменности? В общем, человек создал «вычислительную машину», теперь она всё более управляет его мыслительным процессом, кодифицируя и программируя его. О том, что информатизация есть средство социального контроля и «промыывания мозгов» мы уже говорили. Все названные процессы – ещё один из инструментов современной информационной войны.

ГЛАВА 2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТАБОЛИЗМ

2. 1. Что это такое?

Изучением процессов коммуникации и информатизации уже давно охвачено едва ли не все социологическое сообщество [Meyer, 1965; Yanitsky, 1970; Castells, 1996, 2000; Diani and McAdam, 2003; De Donk et al., 2004; и др.]. Действительно, при известном усилии всё сущее на земле можно свести к интеракции, процессам взаимодействия. И понятие метаболизма тоже можно редуцировать к сети взаимодействий. Но от этого предмет нашего интереса не становится яснее, потому что любая интеракция указывает на наличие связи между двумя или несколькими процессами или явлениями, но ничего не говорит о характере и результатах этого взаимодействия.

Между тем, для понимания социальных процессов в критических ситуациях изучение *физико-химического взаимодействия* человека и природы, человеческих сообществ с теми природными и техногенными (читай, физико-химическими и биологическими процессами), в контексте которых эти процессы осуществляются и под воздействием которых они изменяются, крайне важно. Здесь возможны самые разные варианты взаимодействия, как-то: непосредственное воздействие природной среды и её аномальных состояний, а также социально-сконструированных физико-химических веществ на сознание, поведение и здоровье человека; загрязнение среды обитания токсическими веществами и химическими соединениями, производимыми современной индустрией. К этой же группе можно отнести эффекты воздействия на человека алкоголя и наркотиков.

По характеру это взаимодействие может быть контактным и одномоментным (молния, шквал, обрушение здания, сход снежной лавины), так и собственно метаболическим, то есть растянутой во времени цепью метаболических трансформаций, вызывающих, в конечном счёте, необратимые изменения в организме человека, его сознании и поведении. С другой стороны, человек обладает физическим полем и сам является источником из-

лучения, что имеет как прикладное (исследование здоровья человека посредством КТ, МРТ и других подобных инструментов), так и теоретическое значение, поскольку, как мы уже знаем сегодня, социальное поведение человека во многих случаях детерминировано физико-химическими факторами. Опосредованное воздействие на планы и структуры поведения групп и общества в целом оказывают также наука и техника, и, прежде всего, новые виды оружия: химическое, биологическое, а сегодня уже и климатическое. Наконец, как мне представляется, можно говорить, во всяком случае, в качестве гипотезы, и о *собственно социальном метаболизме* как изменении интереса, профессиональной деятельности и даже призвания. И, как результат, – перемена труда и/или сферы деятельности, что, в свою очередь, влечёт за собой изменение всей среды обитания личности.

К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали метаболизм между человеком и природой как основополагающий момент процесса труда [Marx and Engels, 1867]. С самого начала зарождения социологии города как самостоятельной научной дисциплины в 1920-х гг. в США [Park, 1928, 1952; Park, Burgess and McKenzie, 1926; Wirth, 1945] её отцы-основатели стремились интерпретировать город того времени как *живой организм*, состоящий из человеческих сообществ, живущих в определённой среде и зависящие от неё. Они полагали, что этот организм имеет фазы своей эволюции: рост, дифференциация, стагнация, загнивание (распад). Отсюда, и название этой школы: Chicago School of Human Ecology. Позднейшие критики этой школы (а ведь она фактически дала мощный толчок развитию всей американской социологии) увидели в ней лишь продолжение органицизма Г. Спенсера. Однако они не заметили главного в этом новом направлении: стремление выйти из узких рамок постулата «социальные факты – только из социальных фактов» (Э. Дюркгейм), вовлекая в теоретический оборот социологии воздействие на поведение людей и сообществ не-социальных сил (вещественных, энергетических, технологических), равно как и пространства и времени. Тем самым, Чикагская школа фактически явилась предвестницей концепции метаболизма в городской социологии.

Сегодня библиография работ западных авторов по социально-экологическому метаболизму насчитывает десятки названий. Работ по метаболизму города значительно меньше. Среди пионерных работ я бы назвал работы американского ученого Рихарда Мейера «Information Theory of Urban Growth» [Meier, 1965], работы автора настоящей статьи «Socio-informational Aspects of Urbanization» [Yanitsky, 1970] и «Towards an Eco-City: Problems of Integrating Knowledge with Practice» [Yanitsky, 1982], пио-

нерное исследование группы австралийских учёных [Boyden et al., 1980], изучение исторических этапов обмена между человеком и природой при переходе от одного типа хозяйствования к другому австрийской исследовательницы Марины Фишер-Ковальски и её коллег [Fisher-Kowalski, 1997; Fisher-Kowalski and Haberl, 2007 и др.]. Прекрасный пример зависимости всей жизнедеятельности конкретного города от всего одного энергетического ресурса дали более четверти века назад австралийский эколог С. Бойден и его молодая команда. В 1970-80-х гг. жизнь города Гонконга на 92% зависела от привозной нефти. Малейший сбой (ураган или военная блокада) умертвили бы это финансовый центр мирового значения за какие-нибудь неделю-две [Boyden et al., 1980].

Весьма характерно, что исследователи городского метаболизма приходили к необходимости изучения функционирования городских экосистем через изучение *роли отходов* в жизни города и общества. То есть именно того последнего элемента в цепи материального производства и ежедневной активности населения, который в те времена менее всего интересовал апологетов рыночной экономики. Так, А. Волман, начав с изучения общей проблемы размещения промышленных и бытовых отходов [Wolman, 1956], через 9 лет пришёл к необходимости изучения городского метаболизма как такового [Wolman, 1965]. Знаменательно, что первая статья А. Волмана об отходах человеческой деятельности вышла в сборнике, под редакцией У. Л. Томаса, одного из основателей Чикагской школы экологии человека.

2. 2. Актуальность проблемы метаболизма сегодня

Во-первых, за прошедшие полвека структурно-функциональная организация крупных урбанизированных ареалов мира, включая структуру и метаболизм её живых и материальных элементов (ресурсов), существенно изменилась под воздействием введения рыночных отношений, научно-технического прогресса, развития информационно-коммуникационных технологий и общей (возрастной, профессиональной и социокультурной) динамики состава городского населения. А также под воздействием сетевых структур, таких, как создание интернета, развития крупномасштабных инфраструктурных проектов (сети национальных электрических сетей высокого напряжения, магистральных трубопроводов), проведения крупных экономических и спортивных мега-мероприятий. И, конечно, под воздействием процессов глобализации, изменивших расстановку сил на геополитическом

тической арене, породивших международную миграцию, экспансию ценностей общества потребления, борьбу за дефицитные ресурсы и т. д. Изучение урбанизации, которая интенсивно развивалась российскими учёными в 1960-80 гг. [см., например, Ахиезер и др., 1969], сегодня явно отстаёт от потребностей теории и практики. Междисциплинарный анализ социально-экологического метаболизма в отечественной науке практически не развит. Недостаточно изучены и адаптированы возможности современных западных социально-экологических теорий и практик к задачам социально-экологического обновления городских систем постсоветской России.

Во-вторых, в течение последних 20-25 лет произошла резкая интенсификация использования наземного и подземного пространства больших городов (развитие ИТ коммуникаций, массовый автомобилизм, уплотнительная застройка, высотное строительство, прокладка новых наземных транспортных систем и линий метрополитена). Всё это привело к сокращению жизненного пространства (*living space*) городского населения и культивированию искусственно поддерживаемых зелёных насаждений. Эти и другие трансформации городского организма были произведены без соответствующих научных исследований и изыскательских работ, что привело к учащению малых и больших рисков и катастроф в российских урбанизированных ареалах, в том числе вследствие не-изученности отдалённых и скрытых последствий СЭМ городов.

В-третьих, под воздействием глобализации и урбанизации, а также вступления России в ВТО, с одной стороны, и изменения геополитической обстановки в мире, с другой, в течение ближайшего 10-летия Россия как экосистема и весь её урбанизированный ландшафт существенно изменятся. Разработка крупных транснациональных проектов добычи и транспортировки нефти и газа, приватизация многих добывающих и транспортных систем, перераспределение частной собственности, силовой захват участков в лесозащитных и водоохранных зонах городов и посёлков, ужесточение законодательства в отношении общественного участия населения в обсуждении и принятии управленческих решений – всё это порождает процессы социально-экологического метаболизма, негативно влияющие на здоровье и благополучие миллионов людей в российских больших городах.

В-четвёртых, ещё раз изменился социально-правовой контекст урбанистической политики. В результате принятия пакета законов (о земельной собственности, об Оценке воздействия на окружающую среду (ОВОС) и государственной и общественной экологической экспертизе, Градострои-

тельного, Лесного, Водного и Жилищного кодексов) и отмены ряда других норм и правил существенно изменились взаимоотношения девелоперов, местных властей, местного сообщества и отдельного гражданина и среды обитания города в целом. Государство фактически сняло с себя ответственность за состояние окружающей среды, переложив её на плечи местных властей и безответственных арендаторов городских земель, лесных и пахотных угодий. Земля фактически перестала быть кормилицей общества, став предметом купли-продажи без какого-либо учёта риска запуска негативных метаболических процессов.

В-пятых, стремительное развитие информационных технологий будет иметь двоякое влияние на структурно-функциональную организацию урбанизированных ареалов и жизнь его обитателей. С одной стороны, уже выполненные проекты [в частности, проект «Настоящее и будущее ближнего Севера: экономика, экология, сообщества», Покровский, 2012] показывают нарастание процессов точечной рурбанизации под воздействием информационных технологий. С другой стороны, даже такое точечное «вторжение» города в сельскую местность и весьма уязвимую природу Русского Севера порождает новые риски и опасности трансформированного социально-экологического метаболизма.

Наконец, предлагаемое направление исследований позволит осуществить, хотя бы в первом приближении реальное междисциплинарное взаимодействие всех наук, имеющих отношение к проблемам развития урбанизированных ареалов. А также – выработать общий язык этого междисциплинарного взаимодействия с целью более глубокого понимания совокупного воздействия функционирования урбанизированных ареалов на биосферные процессы. Существующий сегодня перекося в сторону поисков оптимизации транспортных систем как основного инструмента разрешения коллапса урбанизированных ареалов представляется нам явно недостаточным. «Всё связано со всем, и всё куда-то попадает» – эта максима биосферного метаболизма, сформулированная более 30 лет назад Б. Коммонером, требует междисциплинарной интерпретации как урбанистических процессов, так и процессов, происходящих в критических ситуациях.

2. 3. Основы теории городского метаболизма

Метаболизм – понятие, заимствованное из естественных наук. Оно означает обмен веществ между живым организмом и средой, который со-

проводятся различными биохимическими процессами (реакциями), начиная от момента «входа» веществ, питающих некоторый организм (включая солнечную и другие виды энергии) и до момента, когда «отходы» процесса жизнедеятельности выбрасываются в окружающую среду. Как уже ясно сегодня, человеческое сообщество в форме его групп, организаций и институтов, включено в эти процессы энергетического, информационного и био-физико-химического обмена и поэтому никоим образом *не может быть сведено* лишь к «взаимодействию» социальных форм жизни. Опосредование этих взаимодействий между ними и окружающей средой названными выше процессами – ключевой момент концепции СЭМ.

Принципиальная новизна предлагаемого здесь подхода к анализу городов и иных социобиотехнических систем заключается в том, что жизнь «отходов», выброшенных ими в среду обитания, включая биосферу, *предполагает их дальнейшие метаболические трансформации*. В результате в этой среде могут сформироваться вредные и даже смертельно опасные вещества, которые воздействуют как на названные природные и социотехнические системы, так и на саму среду, в которой совершаются эти превращения. В основе столь разных процессов как природные, демографические или социально-экономические всегда лежат «полезные или «вредоносные» метаболические трансформации.

Поэтому я предлагаю говорить о трёх основных типах социально-экологического метаболизма в отношении жизни большого города: (1) жизнеобеспечения (или, по иному, животворящем); (2) жизнеуничтожения (терминальном); и (3) отложенном, когда СЭМ не оказывает существенного *непосредственного* воздействия на жизнь природы и человека. Строго говоря, не существует таких метаболических процессов, которые не оказывали бы влияния на жизнь человека и природы. О воздействии на социум развития живого вещества планеты говорил ещё в 1920-х гг. В. И. Вернадский [1980, 1988, 2000, 2002]. Именно всеобщность, всеохватность метаболических процессов заставляет рассматривать современный город как один из элементов *глобального социально-экологического метаболизма*. Метаболизм – не просто «обмен» (благами, услугами, товарами или дарами, как это предполагалось в социологии) и не только взаимодействия (interactions) между агентами социального процесса, но именно воздействие одних на других или реакция между ними. В результате эти агенты изменяются, получая необходимые для своего существования энергию и вещества, или, наоборот, эти они деградируют, разрушаются.

Современный город – сетевой метаболический организм. Он в буквальном смысле слова «пронизан» сетями, питающими его энергией и ресурсами, поступающими извне. Люди, создавшие город и живущие в нём, не только конфликтуют или договариваются, объединяются или враждуют. Город – многостороннее пространство, не ограниченное территорией, равно как движением людей, информации или товаров. Он осуществляет перманентную трансформацию вещества, энергии, отходов и т. д., которые в совокупности изменяют его самого, формы социальной организации его жизнедеятельности. Происходит то, что У. Бек назвал «эффектом бумеранга». Я называю это «*химизмом жизни*», имея в виду, что в основе всех социальных процессов всегда есть некоторая физико-химическая или биохимическая составляющая (наиболее очевидный пример: воздействие алкоголя или наркотиков на сознание и поведение человека).

Такая постановка вопроса снимает оппозицию социальных и естественных наук. Не отдельные науки должны решать свои дисциплинарные (отраслевые) проблемы в городе, как это сейчас происходит, например, с наукой о развитии транспортной инфраструктуры в расширяющейся Москве. На наших глазах формируется единая, но сложная наука, которую, по мысли акад. РААСН Л. Б. Когана, следовало бы назвать урбанологией или урбанистикой, наука, которая исходит из изложенных выше принципов структурно-функциональной организации городского организма.

Не только Москва, но и большинство больших городов мира сегодня тяжело больны, и их нужно «лечить». Причём, подчеркну, речь идёт только о *мирной жизни* и её проблемах. Так почему же не взять пример с такой сложной отрасли медицины, как кардиохирургия, где в процессе хирургической операции и постоперационной реабилитации больного с полуслова понимают друг друга и потому синхронно действуют десятки разных специалистов! А конструирование ракет, космических кораблей и их запуск? То же самое: тут уже сотни взаимно понимающих и согласованно действующих специалистов, от теоретиков и конструкторов до техников и монтажников. Если социология и дальше будет сопротивляться междисциплинарному взаимопониманию с естественными науками и синхронному с ними взаимодействию, то от неё останутся только опросы общественного мнения и маркетинговые исследования, которые, как выяснилось, IT технологии позволяют делать дистанционно. Будет социология без людей, поскольку их опросы проще и дешевле заменить подсчётом штрих-кодов на продаваемых товарах.

Сети (они же потоки вещества, энергии и информации), пересекаясь, создают *узлы социального метаболизма*. Конечно, поток (выброс) в воду или атмосферу сразу нескольких веществ может создать новое, высокотоксичное соединение (вещество). Однако чаще всего такие соединения происходят именно на пересечении разных потоков, когда создание нового, опасного для природы и человека вещества наиболее вероятно. Но диалектика жизни такова, что внимание учёных, спасателей и волонтеров сосредоточено именно на этих вероятных зонах опасности. И не только для их нейтрализации, но и для изменения функционирования отдельных агентов города, являющихся потенциальными источниками (слагаемыми) будущей опасности. Так или иначе, узлы социально-экологического метаболизма городских систем всегда наиболее рискогенны.

Проблема, однако, в том, что в современную эпоху сила и направление потоков людей, вещества и энергии беспрестанно меняются в зависимости от экономической конъюнктуры или геополитического расклада сил на международной арене. Значит, «мигрируют» и изменяют свое качество и узлы на их пересечении. Это создает *чрезвычайную неустойчивость всей экосистемы города* и заставляет федеральные и городские власти прилагать серьёзные усилия с целью, как создания запасов необходимых ресурсов, так и нахождения в постоянной «боевой готовности» мобильных сил для борьбы с критическими ситуациями.

Наконец, социально-рискогенные зоны в современном городском организме *эмерджентны*, то есть могут возникать и столь же быстро исчезать (столкновение футбольных фанатов, внезапные уличные драки с поножовщиной и т. д.). И здесь снова ведущая роль может принадлежать сетевым структурам, базирующимся на дисперсии малых непостоянных групп.

2. 4. Непрерывность среды обитания города

Все эти потоки, узлы, «окружающая среда» и внутренняя среда живого организма создают, в конечном счёте, *непрерывность среды обитания* любого обитателя города. Работа, отдых, общение, приём пищи, воспитание детей, обучение и лечение – все эти процессы совершаются в неразделимой среде обитания. Весь вопрос в том, какая она, эта среда: возникшая в результате естественной эволюции, или же вследствие техногенной катастрофы или военных действий? Эта среда может начинаться с катастрофы, подобной Чернобыльской или Фукусиме, и продолжаться в тонких меха-

низмах регуляции человеческого организма. Начиная с любого момента его существования: от зачатия и до гибели или естественной кончины. Более того, трансформации в среде обитания будут продолжаться даже после его физической смерти. Границы нормы устойчивости человеческой жизни весьма узки, они колеблются в пределах 30 градусов по Цельсию. Но главное в том, что любой, молодой и старый, здоровый и больной человек, что бы он ни делал, постоянно варится в сложном физико-химическом «бульоне» среды своего обитания.

Эволюционно сформировавшиеся ритмы жизни человека сегодня постоянно нарушаются как самим обществом (достаточно вспомнить недавнее изменение схемы часовых поясов), так и самим индивидом. Коль скоро любой большой город мира встроен в глобальные процессы, он неизбежно превращается в организм «попеременного непрерывного бодрствования» его отдельных частей, что в литературе поучило название 24-х часовый город (американская исследовательница С. Сассен называет их «глобальными городами»). Живя много лет в Москве между двумя ключевыми «вылетными» магистралями – Ленинским проспектом и проспектом Вернадского, – я до сих пор не могу понять, почему в воскресные и праздничные дни, начиная с 10 часов утра, армада собственных машин несётся к центру города? Ведь не туристы же они! И нет в центре Москвы ни магазинов дешёвых распродаж, ни учреждений неотложной помощи! Или это обязательный утренний ритуал воскресного шопинга?

Непрерывность метаболических процессов может целенаправленно создаваться человеком в благих целях. Но такой социально индуцированный метаболизм должен сочетаться с долгосрочными прогнозами его осуществления и множественными побочными эффектами. «Плановый (руководимый) краткосрочный метаболизм» – весьма опасная вещь. Однако, как это уже часто бывало в нашей и мировой истории, первоначальный краткосрочный успех этих интродукций, затем сменялся длинным шлейфом потерь и других негативных метаболических эффектов, нанесших непоправимый вред природе и человеку. Так было со строительством Асуанской плотины в Египте, освоением целинных и залежных земель в СССР, осушением болот в Белоруссии и Центральном черноземном районе и т. д.

Приведу пример, изученный и рассказанный мне экологом из Института водных проблем Карельского научного центра РАН. В искусственных морях РФ, возникших в результате строительства ГЭС на Волге и других районах, оказалось, что рыболовство в этих рукотворных морях сильно ограничено вследствие недостаточности кормовой базы для рыб. Тогда из

озера Байкал в эти искусственные моря были переселены водные беспозвоночные бокоплавы (*amphipoda*), поскольку они хорошо размножаются в пресноводных водоемах. На языке биологов, это была намеренная интродукция, а на языке экономики – интродукция «во благо». Однако со временем оказалось, что эти беспозвоночные не только, мигрируя по рекам (самостоятельно или с балластными водами плавсредств), в том числе против течения (!), широко распространились в десятках озёр и рек этого региона. Более того, вследствие их интенсивного размножения они начали вытеснять эндемичные виды беспозвоночных водных, изменяя характер водных экосистем этого региона. А затем, тем же путём стали проникать через Финский залив в Балтийское море. Есть предположение, что эта, весьма агрессивная интродукция массы беспозвоночных может достичь как внутренних водоёмов Финляндии, так и берегов Северной Америки. Каковы могут быть отдаленные социальные последствия этого социально-сконструированного биологического метаболизма сегодня сказать никто не может. Подчеркиваю: этот риск возник в результате сознательной деятельности человека «во благо», как ему тогда казалось!

Эта «непрерывность» – тем более далеко не безобидный феномен и в больших городах. Нет больше в них ни ночной тишины, столь необходимой для полного восстановления сил человека, ни столь же необходимого чередования света дня и ночной темноты. Да, человек, в конечном счёте, адаптируется к этой непрерывной карусели городской жизни, но какова цена этой адаптации? По сравнению с жителями села и малых городов москвичи потребляют в день тонны транквилизаторов и других лекарственных средств, чтобы адаптироваться к этой круглосуточной круговерти. Мы плачем по поводу роста наркомании и алкоголизма, но повсюду – сеть круглосуточных магазинов и не менее плотная сеть злачных мест, которые, к тому же, могут размещаться в соседней с вами квартире. И, как показывает нам телевидение, вероятность такого же соседства с частным борделем, бандитской «малиной» или складом наркотических или взрывчатых веществ не меньшая, а может быть и большая.

Все эти бесконечно транслируемые СМИ завлекалки «жить рядом с городом, но наедине с природой» – не более чем рекламный трюк. Ежедневное 3-4 часовое путешествие (большую часть которого занимает стояние в пробках) от пригородного таунхауса до места работы в городе, поиски парковки, съезды и объезды, с лихвой перекрывают блага жизни «наедине с природой». И нет никаких гарантий, что этот райский уголок завтра не превратится в строительную площадку для очередного таунхауса

или кооператива, обнесённого высоким забором (что уже и произошло с элитными подмосковными дачными посёлками после их включения в схему развития Большой Москвы).

С утерей различий между днём и ночью, между временами года («Махнём на январь в Таиланд или Дубай!») у горожан развиваются летняя и зимняя депрессия. «Люди с более распространенной зимней депрессией чувствуют себя вялыми и угнетёнными в холодные месяцы. У них усиливается потребность в сладкой пище, они очень много спят и набирают лишний вес. Больные летней формой <депрессии> часто чрезмерно возбуждены. Они теряют аппетит и мучаются от бессонницы, а в экстремальных случаях нередко думают о самоубийстве». В обоих случаях метаболизм человеческого организма нарушается [Блиев, 2013: 14]. Непрерывность, всеобщность современной городской среды не означает её одинакового воздействия на население. От всех напастей, названных выше, и тем более от природных аномалий и техногенных катастроф страдают, прежде всего, бедные слои городского населения, дети, старики и вообще – люди с ослабленным здоровьем и тощим кошельком, которые, по разным подсчётам, составляют от 30 до 60% населения больших городов, а в Большинстве государств центральной Африки – до 90%.

Наконец, ещё об одной, весьма опасной стороне непрерывности городской среды. Я имею в виду быстрое распространение компьютерных игр среди детей и взрослых. «Если заядлого пользователя оторвать от <этого> излюбленного занятия, он уподобится наркоману в состоянии “ломки”, вплоть до некоторого сходства симптомов. Беспокойство, суета, рассеянное внимание, повышенная возбудимость, раздражительность – далеко не полный их перечень. Особенно удручает... чувство неполноценности, интеллектуальной инвалидности... Посредством чудовищной духовной (не биологической) мутации человек разумный (*homo sapiens*) превращается в человека информационного (*homo informaticus*)» [Зорин, 2013:14].

Но есть и другие опасности, навязанные городскому жителю моделью потребительского общества. Финансовой зависимости человека от этого общества через возможность сносного существования только через бесконечные кредиты капиталисту показалось мало. И сегодня он использует достижения химической науки, меняя состав сахара, соли, воды и напитков с тем, чтобы создать максимум «точек блаженства», то есть продуктов и услуг, от приобретения и/или поедания которых, раз попробовав, уже невозможно отказаться. Капиталистическое производство устроено таким образом, что выгодней (дешевле) изменить химический состав сахара, чем

производить действительно вкусные и полезные продукты питания. Эти «точки блаженства» – предвестники ожирения, алкогольной, наркотической и другой зависимости.

Социальный метаболизм в капиталистическом обществе – тема отдельного разговора. Но один пример я всё же приведу. Согласно исследованию, проведенному World Medical Journal, «только 10-15% своего рабочего времени в жизни врача занимает его профессиональная деятельность. И только 1% от общего объёма поступающей к нему информации – это информация о медицинской этике, общественном здоровье и социальных вопросах» [цит. по: Медицинская газета, 05.04.2013: 6].

2. 5. Диалектика устойчивости и изменчивости

На первый взгляд, в любом большом городе есть элементы стабильные, не изменяемые в течение столетий, и подвижные, периодически меняющие свою структуру, функции, потоки вещества и энергии и т. д. Но понаблюдайте хотя бы год за каким-нибудь «стабильным» его элементом, например, офисным или торговым комплексом. Само здание может оставаться тем же, но его функциональная начинка периодически меняется. Не парадокс ли: в Москве и других крупных городах существуют общественные организации и движения (например, «Архнадзор») следящие за тем, чтобы сохранялась историческая ткань города или хотя бы выдающиеся памятники истории и культуры. Но за последние 20 лет в Москве появилось масса «новодела», то есть зданий-подделок под старину, поскольку это существенно повышало цену их аренды или продажи.

Соответственно, меняется и близкая, и далекая от подобных зданий инфраструктура. А уж если наступает экономический кризис (о войне я сейчас не говорю), то такое здание может быть просто заброшено или снесено. Поэтому единого принципа распределения метаболически рискогенных и, соответственно, – относительно безопасных зон на территории города просто не существует. Относительно чаще зонами риска являются плохо или вовсе неконтролируемые пространства (заброшенные стройки, здания, подлежащие сносу, подвалы, чердаки, сети подземных коммуникаций и т. п.). То есть участки *социально неконтролируемые*. Но есть в больших городах участки столь плотно «населенные», как, например, столичные рынки, что их тоже практически невозможно контролировать. Рискогенными, создающими нестабильность городского организма зонами являются также участки (территории), заселённые или захваченные неле-

гальными мигрантами и вообще «лишними» на данный момент людьми (wasted people), по терминологии З. Баумана.

Проблема нестабильности городской экосистемы и риска её перехода в критическое состояние сегодня усугубляется тем, что эти «лишние» люди или их группы всё чаще проникают в относительно благополучную (устойчивую) ткань городской среды: в частные дома, квартиры дачи и гаражи, внутрь строящихся вполне респектабельных объектов. Ну и конечно, самыми привлекательными для этого контингента людей являются городские рынки и их инфраструктура, с их лабиринтами лавок, проходов, задних дворов, путей подвоза товаров и т. д.

Но самым главным и (и опасным) фактором нестабильности городской экосистемы являются непродуманные (точнее, внезапные) планы их реконструкции или резкого расширения. Что является разновидностью «ручного управления». Для людей, интересующихся проблемами динамики большого города, я рекомендовал бы сравнить процесс реализации нового генплана г. Москвы с тем, который создавался в середине 1920-х гг. Тогда, уже при сталинском режиме (!) была развернута *широкая общественная дискуссия, длившаяся почти десять лет*. В ней участвовали не только многочисленные группировки архитекторов и урбанистов, включая группы студентов профильных вузов, но А. В. Луначарский, Н. К. Крупская, Л. Б. Красин и другие видные государственные и общественные деятели того времени. А также – несколько европейских архитекторов (!), включая знаменитого французского урбаниста Ле Корбюзье [см. об этом конкурсе подробнее: Анциферов, 1926; Хазанова, 1980]. Показательно, что при всех устремлениях и партийных боссов, и западных знаменитостей, в Генеральном плане Москвы 1935 г. была сохранена историко-культурная преемственность концепции российского города: его радиально-кольцевая структура и идея «города-сада», позже получившая воплощение в концепции «зелёного города» [Барщ и Гинзбург, 1930]. Поискам наиболее эффективного взаимодействия города и природы все участники конкурса придавали первостепенное значение.

Наконец, хотя в те годы о социально-экологическом метаболизме города в современном значении этого слова речи ещё не было, но вопросам социальной и санитарной гигиены придавалось первостепенное значение. Генплан города, районирование городской территории, направление основных «вылетных» магистралей создавались в соответствии с розой ветров. Строилось метро, развивался наземный общественный транспорт, в основном электрический, дворы не только озеленялись, но при возведении

новых жилых зданий придавалось огромное значение максимальной инсоляции жилых помещений и их проветриванию, создавалась сеть туберкулезных и других диспансеров, радио ежедневно транслировало уроки утренней гимнастики и т. д. С учётом сказанного, а также произошедших изменений в развитии современных больших городов, я не могу не согласиться с М. Фишер-Ковальски, утверждавшей, что «социально-экономический метаболизм является ключевой концепцией для понимания устойчивого развития общества» [Fisher-Kowalski, 1977: 132].

2. 6. Социально-сконструированный метаболизм

Давно известно, что поведение человека и социальных групп изменяется как естественным, так и искусственным образом. Естественным, то есть в ходе процессов, контролируемых и направляемых семьей, малой группой и профессионалами социализации, и искусственным – под воздействием алкоголя, наркотиков, психотропных веществ и других средств прямого химического или психологического воздействия на сознание человека. А также индустрией развлечений и всей «теневой» (криминальной) жизнью города.

В Россию ежегодно въезжает 13-14 млн. мигрантов. Со многими странами бывшего СССР у нас безвизовый режим, нет медицинского страхования гастарбайтеров (см.: «Медицинская газета» 08.02.2013; и «Медицинская газета» 14.09.2012). Поэтому некоторые врачи называют политику привлечения иностранных рабочих «инфекционной миграцией». Кроме того, если «дорожная карта» медицинского обслуживания регионов привязана к определённой территории, то современное производство, использующее этот вид рабочей силы, всё более обретает мобильный, сетевой характер. Кочующие гастарбайтеры – не только вероятный источник рисков (инфекций, наркотиков, оружия и др.), но и канал поступления в Россию чуждого ей уклада жизни, обрядов, обычаев.

Фактически, социологи в своих исследованиях рассматривают лишь прямые формы социального взаимодействия (война, конфликт, переговоры, социальное давление, общение в группе или трудовом коллективе, опросы общественного мнения и т. п.), то есть весьма узкий спектр социальных интеракций, исключая влияние на них всех остальных видов воздействия (физического, химического, психологического и психотропного). В любых социологических исследованиях, исключая социологию медицины и катастроф, имплицитно предполагается, что респонденты – это здоровые,

вменяемые люди, не обременённые во время опроса какими-либо проблемами (быта, личных взаимоотношений, карьерными устремлениями или элементарными жизненными неурядицами) или болезнями и только ждущими, чтобы их о чем-нибудь спросили.

Есть ли лекарство от загрязнённой, не соответствующей биологическим ритмам жизни человека среды больших городов? Сегодня практикуются два основных направления «лечения»: радикальный, то есть бегство из «античеловечного города», и терапевтический, понимаемый как адаптация к нему при помощи различных лекарств и медико-оздоровительных средств. Спа- и фитнес-салоны дают определённый эффект, в особенности для состоятельных людей. Но, по мнению некоторых учёных (не врачей!), суть искомого «лекарства» состоит в том, «что организм сам может справиться, надо только его настроить соответствующим образом, создав условия для борьбы с болезнью, подняв иммунитет до нормы... При высоком иммунитете заболеваний не возникает» [Родоман, 2013:11]. Интересно, если такого, с позволения сказать, «лекаря», поместить в подвал дома в осажденном Донецке, каким таким способом он будет поднимать свой иммунитет до нормы?

2. 6. Между нормой патологией

Социально-экологический метаболизм – представляет собой суть и процессуальную форму существования городского организма. Этот организм находится в глобальной постоянно меняющейся социально-информационной, физико-химической и органической среде. Часть элементов (веществ) из этой среды он потребляет, часть возвращает в неё в переработанном виде. Эти «отходы» жизнедеятельности городского организма продолжают свой путь двояким образом. С одной стороны, они воздействуют на город, его природу и обитателей независимо от их желания (уже упоминавшийся «эффект бумеранга»), а другая их часть продолжает свой путь в разных средах (воздухе, воде, почве и организме самого человека), изменяя их пока малоизученным учеными способом. В одних случаях в ходе длительных физико-химических трансформаций их «конечные продукты» (метаболиты) могут стать безопасными веществами. В других, напротив, – веществами, весьма опасными для человека и природы. В третьих, оседая на дно рек, водоёмов или в разных органах человека и животных, эти метаболиты могут сокращать время и пространство их относительно безопасной жизни, или саму их жизнь или снижать её качество.

Я посвятил столько страниц «нормальному» социально-экологическому метаболизму города с единственной целью: показать относительность и даже эфемерность этого понятия. Ещё раз: если за городом, как и любой другой искусственной системой не ухаживать, не вкладывать интеллект и материальные ресурсы в её поддержание, она неизбежно будет или деградировать, или же «взорвётся» в самом непредвиденном месте. Фактически, между «нормой» и «патологией» городского организма нет непереходимой границы.

Теперь назову несколько отличительных черт социально-экологического метаболизма в условиях современной войны.

Первое – это непредсказуемый метаболизм. Причём он не симметричен ударам, наносящимся противоположающейся стороной. Все зависит от того, какой критически важный узел или инфраструктура будут нарушены. В условиях современной войны малый удар вовсе не означает незначительный риск (вред). Второе, вся городская жизнь, а с ней и метаболические процессы, перестраиваются таким образом, чтобы в любом случае как-то минимизировать возможный урон, наносимый военными действиями. Но и урон, и рискогенные метаболические трансформации, им вызванные, как правило, непредсказуемы. Третье, в условиях войны одни потоки в городской среде прекращаются совсем, другие осуществляются другими акторами (например, частный извоз замещает общественный транспорт), третьи – носят целиком зависящий от внешних условий характер (от частоты обстрелов, бомбёжек, уличных боев и т. д.). Четвёртое – война это всегда дефицит для мирного населения (товаров, услуг, медицинской помощи, лекарств, перевязочных средств), который частично восполняется или «чёрным рынком», или же волонтерами. Пятое – как уже отмечалось, локальный вооружённый конфликт может иметь глобальное «эхо» в виде изменения потоков товаров, услуг, капиталов и информации, далеко за пределами критической зоны. Мы уже много раз были свидетелями того, как «чих» олигарха или представителя власти может обрушить котировки на биржах всего мира. Шестое – в критической ситуации собственно социальный метаболизм (перемещения и трансформации потоков людей) приобретает «мобилизационный» характер. Одни люди бегут из зоны бедствия, другие срочно ищут убежище, третьи превращаются в «челноков», четвёртые становятся ополченцами и т. д. Седьмое – это конструирование новых акторов, а, значит, и новых потоков людей и ресурсов, опирающихся на самые разные сообщества и институты, находящихся *вне* критической зоны. Так, по некоторым данным, в Украине некоторые частные ох-

ранние предприятия местных олигархов опираются, с одной стороны, на помощь международных националистических организаций, а с другой – имеют своих людей в Верховной Раде и других легальных органах власти. Наконец, в случае прекращения военных действий начинается приток капиталов, людей, строительных материалов и т. п. в пострадавший ареал. Что, естественно, в очередной раз трансформирует его социально-экологический метаболизм.

Итак, сегодня изучение социально-экологического метаболизма является быстро развивающейся отраслью социально-экологических исследований и одновременно существенной частью изучения социальных изменений в обществе любого типа, в том числе в результате войн и критических состояний. Изучение СЭМ важно и по причинам роста народонаселения планеты, массового выброса на мировой рынок химически модифицированных продуктов питания, лекарств, косметики, детских игрушек и т. д., сконструированных химической и биологической наукой, а также вследствие влияния СЭМ на изменение климата планеты.

Поэтому, как мне представляется, давно пора закончить поиски «устойчивости» (sustainability), которые в действительности не имеют ничего общего с жёсткой геополитической конкуренцией сильных мира сего за дефицитные ресурсы планеты, будь то территория, вода, минеральные или энергетические ресурсы или же политическое господство. Сегодня уже начался новый этап передела мира, когда ни о какой «устойчивости» отдельных государств или их союзов, равно как и потоков людей, ресурсов и информации, не может быть и речи. Причём, суверенитет и устойчивость границ государств подрывается одновременно снаружи и изнутри. Поэтому гораздо дальновиднее и продуктивнее было бы строить сценарии и динамические модели возможного развития больших городских систем и целых регионов, включая разработку идеи «глобального города». И обсуждать их как в междисциплинарных профессиональных сообществах, так и на публичной арене. А для этого – стимулировать создание междисциплинарных исследовательских коллективов, не связанных рамками академической или ведомственной принадлежности.

Другая, не менее актуальная задача – это противодействие альянса представителей социальных и естественных наук производству и использованию всё новых средств воздействия на рецепторы человеческого тела и, прежде всего, на мозг человека, для увеличения прибыли компаний, производящих потребительские товары. Визуальная реклама – это уже вчерашний день. Звуки, запахи, электромагнитное излучение и другие

свойства среды обитания человека используются производителями для этой цели, не интересуясь, сколь далеко идущие метаболические процессы эти факторы среды могут негативно воздействовать на человека, модифицируя его сознание, поведение и даже на генетическую структуру.

ГЛАВА 3. УЧАСТНИКИ ВОЙНЫ: МЕСТНЫЕ И «ЧУЖИЕ»

3. 1. Адекватен ли метод массового опроса задаче?

Некоторые из моих коллег полагают, что для выявления прямо и косвенно вовлечённых в критическую ситуацию сил достаточно серии последовательных срезов общественного мнения. Плюс отслеживания позиций и аргументации лидеров общественного мнения. Несомненно, современная война – это, прежде всего, информационная война за умы и кошельки. Но, полагаю, что это необходимо, но совершенно недостаточно.

Для понимания того, что происходит, важны не те группировки (разбивки), которыми социолог пользуется при обработке эмпирического материала (по полу, возрасту, уровню образования и т. д.), а выявление системы акторов (агентов, сил), которые – активно или пассивно – вовлечены в некоторую критическую ситуацию или военные действия. Как было отмечено выше, эта структура реальна, но весьма подвижна. Что, вообще говоря, представляет собой весьма неординарную задачу, как для внешнего, так и для внутреннего наблюдателя и исследователя. Поэтому ниже я изложу своё *видение* данной структуры, двигаясь от её статичных форм к динамичным. Но предварительно рассмотрим некоторые (простые!) вопросы теории социального активизма, которые до сих, как мне представляется, остаются нерешёнными.

Массовые социологические опросы населения с целью выяснения места и значимости «общественного активизма» в жизни общества не являются адекватным этой задаче инструментом. Во-первых, население в своей массе выражает не собственное мнение (зачастую, его просто нет), а оценки и отношения к этому активизму, «впечатанные» (imprinted) в его сознание СМИ. Современные масс-медиа выполняют, по точному определению А. Арсеналт и М. Кастельса [Arsenalt and Castells, 2008] функции «переключения» и «перепрограммирования» массового сознания в направлении, нужном для влиятельных властных или бизнес-структур. Во-вторых, сети массовых опросов населения охватывают только доступные

им слои и группы, среди которых нет ни военных, ни других силовых структур, ни представителей крупного и среднего бизнеса, и уж, конечно, нет представителей властных структур любого уровня – они для массовых опросов просто недоступны. В-третьих, излишняя регламентация (кодификация) сферы публичного массового социального действия (сложные процедуры его согласования, меняющиеся правила и ограничения), с одной стороны, вынуждает действительных гражданских активистов без крайней необходимости «не светиться». А с другой, ограничивать доступ интервьюеров (квалификация которых именно как интервьюеров, как правило, весьма низкая) в свою среду, опасаясь их недобросовестности и просто непрофессионализма. В-четвёртых, российское публичное пространство так устроено, что атрибуция респондентов выражается в обычном ряде (пол, возраст, образование, профессия), тогда как для выявления уровня и форм гражданского активизма нужны именно шкалы, отражающие *степень гражданкой активности всего* или *определенной части населения*. Что хорошо известно западным социологам [Nelissen, 1991], но никак не учитывается отечественными исследователями. В-пятых, сами гражданские активисты и лидеры общественных движений в силу специфики своей деятельности заинтересованы, прежде всего, в распространении знаний об их деятельности в кругу им подобных, включая органы представительной и исполнительной власти. Прошедшие несколько раз «гражданские форумы» не стали площадкой для взаимодействия этих активистов и расширения их доступа к СМИ. То же можно сказать и о деятельности большинства общественных палат в центре и на местах. Там идёт борьба за гранты, а не за публичность. В-шестых, к инициированным и оплаченным государством общественным движениям у большинства населения нет доверия. Поэтому, как показали наши контрольные опросы, о них в ходе массовых опросов респонденты просто не вспоминают. В теории социальных движений эти «инициативы» получили название контр-движений. В-седьмых, массовые шествия и митинги, на чем рядовые граждане могут фиксировать своё внимание, сегодня уже редки – гражданский активизм уходит в социальные сети. А там, как известно, провести массовый опрос «общественного мнения» просто невозможно. В-восьмых, ни членам НКО, ни группам волонтеров реклама в СМИ не нужна. Они делают своё дело, имеют свою сеть поддержки и ресурсного обеспечения, и им больше ничего не нужно. Принцип «у природы везде должны быть свои люди», когда-то сформулированный лидерами студенческого движения охраны природы, по сей день является наиболее эффективным. Поэтому активисты социальных движе-

ний в своей массе непубличные люди, хотя действуют весьма быстро, адресно и эффективно. В-девятых, государство действительно последовательно стремится поставить гражданский активизм под свой контроль, то есть интегрировать ранее независимые инициативы и движения во властные и про-властные организации. Наконец, есть гражданские организации, которые реально нуждаются в публичности и рекламе. Это, прежде всего, благотворительные организации. Им реклама и публичность их активистов приносит свои плоды, хотя анонимные прозрачные ящички, которые стоят в магазинах и аптеках, часто вызывают у массового потребителя недоверие. Так что надо, как минимум, различать *истинное* и *сконструированное* знание о предмете.

3. 2.Ещё раз об инструментарии

Знание о целях, формах и результатах социального активизма является фундаментальным для социологии и политических наук, изучающих формы современной войны и критических ситуаций. Но это знание именно о формах и методах гражданского активизма, его влиянии на бизнес и политику, а не о состоянии и общих тенденциях в массовом сознании нации. Российская (дореволюционная) традиция с наложением на неё советской и западного теоретического инструментария создали терминологическую неразбериху, которая продолжается и по сей день. Социальный активизм, общественный активизм, гражданское и общественное участие, общественные организации, неформальные возможности и низовая самоорганизация, волонтерство, инициативная общественная активность граждан – вот такой набор терминов и понятий используется всего лишь в одной короткой статье на тему общественного активизма [Реутов и Колпина, 2014: 14-18]. Рамки главы не позволяют сделать тезаурус понятий, наиболее употребительных в данной сфере социального знания.

Но всё же: социальный активизм не обязательно принимает форму общественного, то есть публичного, действия. Есть масса форм скрытого социального, в том числе разрушительного, подрывного активизма, но также и индивидуального, принимающего форму «личного» волонтерства (по-старому, добровольчества). Далее, общественное участие может быть сугубо массовым, толпою, а не личным выбором и волеизъявлением, то есть не гражданским в строгом смысле слова. Наконец, что такое «инициативная общественная активность граждан»? Значит, есть и безынициативная общественная активность? Но тогда это просто мобилизация.

О чём говорит опыт моих многолетних исследований в сфере гражданского активизма? Прежде всего, надо на некоторое время стать историком науки в данной области социологического знания, понять, кто были его основными создателями и носителями, в каком направлении эволюционировало это знание. Затем «вжиться» в проблему, понять ценности и мотивы активистов, характер задач, возникающих перед ними, круг сил, с которыми им приходится взаимодействовать, ограничения, налагаемые на инициативу или движение извне. Потом, определить конкретную цель своего исследования. Одно дело если меня интересует эволюция, например, экологического движения в СССР/России. И совсем другое, если я хочу изучить причины и результаты конкретного социально-экологического конфликта, в который данное движение было вовлечено.

Кстати ежегодные встречи на озере Селигер есть форма *государственно-общественного партнёрства*. Президент РФ и эксперты общаются (встречаются, дискутируют) с молодыми активистами, а те демонстрируют им и другим участникам форума свои идеи и разработки, выполненные как инициативные проекты.

3. 3. Роль лидеров

Понимание социальной роли и общественно-политической значимости гражданских инициатив и социальных движений невозможно без исследования проблемы их лидерства, чего также невозможно добиться путём массовых опросов. Как отмечает К. Гаджиев, общество «не может быть жизнеспособным без неких сверхличных идеалов, ради которых каждый отдельно взятый индивидуальный гражданин готов жертвовать своей жизнью. Любой идеал для своей защиты требует героев и мучеников. Иначе человечество не имело бы прометеев, икаров, иисусов» [Гаджиев, 2014: 24]. Лидер есть стержень и мотор любой инициативы, массовой кампании и социального движения. Но, как было выяснено эмпирически, правильней говорить о лидирующем ядре, являющемся двигателем всякой инициативы.

Если говорить только о российском экологическом движении, то в нём в течение почти 50 лет существовало не менее шести разных (по ценностным ориентациям, стратегии, тактике и репертуару действий) направлений. Это – «консерваторы» (занятые только охраной природы), альтернативисты, традиционалисты, анархисты, технократы и политики [Яницкий, 1996; 2013]. Все эти группы действовали как отдельно, так и совме-

стно. Так или иначе, у всех у них было общее лидерское ядро. Проанализировав деятельность таких ядер на протяжении двух десятков лет, я пришёл к выводу, что их разнообразие теоретически укладывается в дихотомию типов «лидеры рациональные и харизматические». Здесь я не касаюсь типологии лидеров криминальных сообществ и сект, поскольку их практически нет в российском экологическом движении.

Для первого типа характерны рациональность мышления и действия, трезвый расчёт сил и ресурсов, стремление получить максимум информации о потенциальных и реальных союзниках и противниках, грамотность в отношении стратегии и тактики предстоящих действий. Эти лидеры, как правило, законопослушны, действуют в рамках местных неписаных правил и обычаев, но одновременно критичны по отношению к существующему социальному порядку. Лидеры первого типа, как правило, биологи и представители других естественных наук, для которых рациональный стиль мышления и действия является нормой. Они постоянно рефлексировали по отношению к себе и своему непосредственному окружению и готовы учиться. За 20 лет наблюдения они коренным образом изменили свою ценностную позицию. В 1960-80-х гг. рационалисты были убеждены, что поскольку они – профессионалы, то «они всегда знают лучше». Сегодня их лозунг иной: «Вместе с народом будем бороться за охрану природы и гражданские права и свободы». Второй, харизматический тип является, почти всегда, идеологом движения, им руководят нравственные ценности, которые он стремится транслировать не только в свою лидерскую группу, но и в общество и во весь мир. Он, по преимуществу, глобалист, поскольку исходит из принципа, что в природе и обществе «всё связано совсем, и всё куда-то попадает» (Б. Коммонер). «Просвещённые харизматики» всегда привлекают к себе массу людей, особенно из провинции, которые стремятся найти под его крылом своё место в жизни. В пределе, харизматики – это те самые «прометеи и икары», о которых говорил Гаджиев. Для обеих групп характерны честность, искренность, жажда справедливости и доброты, тяга к истине, трудолюбие и искренняя любовь к Родине и её природе, бескорыстное следование идеалам, причём идеалам не навязанным, а собственным точкам зрения.

В экологическом и других социальных движениях всегда есть своя элита. Если в период перестройки она представляла собой некое «единство в разнообразии», то со временем эта элита также разделилась на две группы. Рационалисты, обладавшие естественнонаучными знаниями, хорошими организаторскими и коммерческими способностями, тяготели к контак-

там (и ресурсам) с крупными международными экологическими организациями, такими, как Фонд охраны дикой природы и Гринпис (впоследствии наши рационалисты создали российские филиалы этих международных организаций). И фактически перестроили свою деятельность по их образу и подобию, распространив принципы их деятельности и организации на все местные филиалы. Они организовывали летние школы и курсы, посылали своих активистов за границу, учили местные инициативные группы подсчёту и мобилизации ресурсов (*fund-raising*'у и *resource-mapping*'у). Харизматики, в особенности выходцы из российской глубинки, были плоть от плоти своей среды обитания, природной и культурной. Они вели борьбу за сохранение их среды обитания «во что бы то ни стало», потому что это была борьба за выживание, за сохранение той среды обитания, которая их кормит и поит. Такая бескомпромиссная борьба была особенно характерна для лидеров коренных малочисленных народов Сибири, Севера и Дальнего Востока. Эти лидеры как никто другой видели, как исчезает их уникальная культура и столь же уникальное разнообразие природной среды. Если первых можно назвать политическими авторитетами (авторитетами в экологической политике), то вторые были, прежде всего, нравственными авторитетами.

Соответственно, различались и способы достижения целей. Если «рационалисты», овладев технологиями социального действия, заимствованными, прежде всего, у своих западных коллег, строили свои проекты по иерархическому принципу (руководитель проекта – его менеджер – исполнители), то «харизматики», опираясь на местный (социальный и культурный опыт), действовали, прежде всего, малыми группами единомышленников, часто не обладая практически никакими материальными ресурсами. Для первых результатом был отчёт, презентация, карьерное продвижение, возможность получения новой порции ресурсов для последующих проектов, то для вторых главным итогом было, прежде всего, моральное удовлетворение от исполненного долга. Для последних такое понятие как карьера отсутствовало вовсе.

3. 4. Транснационалы и местные

Эта линия размежевания вообще никак не отражается в массовых опросах, потому что в привычных группировках типа «малый город» и «большой город» могут быть и те, и другие. Но это размежевание чрезвычайно существенно для понимания структуры акторов, вовлечённых в вой-

ны и критические ситуации. Вот их основные различия: (1) первые, ресурсно-обеспеченные имеют собственную разветвлённую сеть междисциплинарных проектов и там, и сям. Вторые – это группы и движения «одного пункта»; (2) первые всё чаще обслуживают власть и крупный бизнес, или, по крайней мере, сотрудничают с ним. Вторые нацелены на разрешение местных социальных (социально-экологических и других) конфликтов с целью сохранения уникального местного ландшафта, создания условий для неистощительного землепользования; (3) первые ориентированы на пере-говоры и поиск компромисса с властными структурами, тогда как вторые вынуждены отстаивать интересы местного населения, во что бы то ни стало; поэтому они социально и политически более радикальны; (4) первые всё более становятся бюрократами от политики, занимаются распределением финансовых потоков, не забывая и о себе; (5) большинство «рациональных» лидеров суть выходцы из академической, но также и из партийно-комсомольской среды, а позже – из числа «новых русских». Хотя транснационалы структурно являются глобалистами, но, по сути, они – корпоративно ориентированные. Местные же, хотя по роду своей активности «локалисты», по существу же они глобалисты, так как понимают уникальность «места», каждого вида растений, животного и человеческих сообществ. Они тем более «локалисты», так как очередного присланного из «центра» начальника, какие-то там местные жучки, козявки и даже национальные святыни (горы, рощи, камни) никак не интересуют; (6) и те, и другие включены в транснациональные сети, но по-разному. «Рационалисты», управляя финансовыми потоками, стремятся сохранить свой международный статус, тем самым дистанцируясь от многих неотложных местных проблем; (7) «рационалисты» зависят от успеха fundrising'a, тогда как «харизматики» исходят из того, что нужно сделать именно *здесь и сейчас*, иначе уникальная экосистема или человеческое сообщество будут утеряны безвозвратно. Этот тип лидера честен, искренен, пользуется уважением своих коллег-активистов, его мнение воспринимается не как директива, а как нравственно мотивированная рекомендация, побуждающее к защите «малой родины». Любовь к ней – весьма сильный побудительный мотив, а необходимые знания он получает в самом процессе своей экологической активности (learning by doing); (8) само время для этих двух групп течёт неодинаково. «Рационалисты» ориентируются на «поточное время», то есть время, детерминируемое финансовыми и информационными потоками. Тогда как для «харизматиков» важно, прежде всего, течение «местного времени» в человеческом сообществе и самой

природе. Иначе местные экосистемы и населяющие их малые народы рискуют превратиться в «памятники культуры»; (9) утверждение, что «в России и Украине является дефицитом социальная солидарность, причём на разных уровнях – от социетального до локального» [Реутов и Колпина, 2014: 16] ошибочно в отношении большинства социальных движений и, тем более, групп волонтеров. Сомнительна и позиция, что общественный активизм осуществляется «преимущественно на безвозмездной основе» (там же). Сегодня экологическое, благотворительное и другие движения в высокой степени солидарны, и они не могли бы и шагу ступить без постоянного притока финансовых и иных ресурсов. И уж совсем странным является утверждение, что «нежелание и неспособность выйти за рамки семейного дискурса предопределяют и неготовность к массовой самоорганизации <граждан> за пределами семейно-родственных и клановых структур» (там же). Прессинг государства и его силовых структур, боязнь расправы, чинимой радикальными и откровенно профашистскими группами (при попустительстве сил правопорядка), а не «семейный дискурс» – вот основное препятствие на пути массовой самоорганизации сегодня. Тем более удивительно, что на следующей странице те же авторы солидаризируются с точкой зрения, согласно которой наблюдается «рост интереса к разнообразным неформальным возможностям низовой самоорганизации, волонтерству, движениям «одного требования». Что же касается именно российского движения за мир, экологического и других общественных движений, то они самоорганизовались более чем полвека назад, ещё в советское время.

Рассмотренные типы лидеров и их групп различны, но не антагонистичны. «В целом, если транснационалы суть корпоративно ориентированные экологические глобалисты, озабоченные рационализацией потребительского общества “по возможности”, то местные могут быть квалифицированы как альтер-глобалисты, озабоченные объединением всех местных сил для сохранения уникальных экосистем и защитой прав коренных народов во что бы то ни стало» [Яницкий, Давыдова, 2009: 55].

3. 5. Эволюция социального активизма

В этом вопросе эвристический потенциал массовых опросов как инструмент познания критических ситуаций еще более ограничен. Если даже опросная сеть не меняется (хотя это маловероятно: респонденты мигрируют, стареют, умирают), то ряд последовательных опросов за период от нескольких месяцев до 2–3-х лет может дать лишь представление лишь об

изменении пропорций между «да», «нет» и «не знаю». Но о *динамике* социального активизма населения и, тем более, об изменении ценностных предпочтений отдельных инициативных групп, массовые опросы ничего сказать не могут. Между тем, за последние 5-8 лет всё яростней процесс угасания «классических» массовых социальных движений, и разделение социального активизма на две ветви. Одна – это всё более многочисленные и разнообразные по своим функциям НКО, другая – это развитие волонтерского движения.

Российские НКО – хорошо изученная форма социального активизма. А вот о волонтерском движении надо сказать подробнее. Во-первых, есть волонтеры государственные и гражданские. Государство сегодня активно формирует, обучает и спонсирует активистов – помощников ведомств и про-государственных общественных организаций – для поддержания порядка на массовых мероприятиях (форумы, олимпиады, универсиады) [Шакирова, 2014, Яницкий, 2014в]. В 2014 г. на Олимпийских играх в Сочи работали 25 тыс. волонтеров, перед этим сотни из них прошли тренинг на Олимпийских играх в Лондоне 2012 г.

Во-вторых, есть волонтеры лишь «помогающие», то есть участвующие в государственных и частных спасательных акциях, и есть те, кто представляет собой новую форму социального активизма. Эта, последняя фактически представляет собой возрождение низового активизма (*grassroots*), но по сравнению с *grassroots* 1990-х гг. гораздо более профессионально и организационно подготовленного. В-третьих, эти новые формы волонтерства мобильные, гибкие структурно и многофункциональные. В-четвертых, поиск форм самоорганизации и легализации, столь характерных для 1990-начала 2000-х гг., для них давно пройденный этап. Сегодня критериями их активности являются скорость реакции на «запрос», мобилизация хорошо подготовленного контингента гражданских спасателей через социальные сети (поисковиков, врачей, специалистов по логистике и т. д.). Это также их способность оказывать квалифицированную и *адресную помощь*, коммуникабельность, умение переключаться с жизни в обычных условиях к действиям в условиях катастроф, навыки самоорганизации в критических условиях. Важны также их обеспеченность амуницией и умение ориентироваться на незнакомой местности. Когда риски и опасности становятся всё более разнообразными, волонтерём волей-неволей приходится становится «мастерми на все руки». Если в прошлом низовые гражданские инициативы такого рода были, как правило, локальными, то сегодня они постоянно расширяют ареал своей деятельности. Фактически,

волонтёрские организации превращаются в одну из форм гражданской обороны и одновременно – срочной помощи жертвам войн и катастроф, где бы они ни находились. При этом повторяюсь, что альтруизм и жертвенность – индивидуальное действие, не противоречащее идее свободного индивида. Волонтёрство в его высшем нравственном значении, в терминологии П. Сорокина, есть *«неэгоистическая творческая любовь, которая... представляет собой потенциально огромную силу»* [Сорокин, 1992: 139].

По целям и функциональной организации волонтёры разделяются на поисковиков, спасателей, «реабилитантов», защитников гражданских прав и свобод, добровольных помощников по уходу за пострадавшими (в больницах, хосписах и др.). Во всех этих видах добровольческой активности есть теневая сторона: «чёрные копатели», «примазавшиеся» с тем, чтобы в очередной раз попиариться, группы бандитов и уголовников, а также «безбилетники», то есть «прилипалы» (free riders) [Яницкий, 2014в].

Наконец, что уже совсем недоступно массовым опросам среди столь разнообразного контингента социально активных граждан, так это морально-этический аспект добровольческого движения. А это, как выясняется, сегодня ключевой вопрос не только для обществоведов, изучающих гражданскую активность, но и для путей развития общества в целом особенно в посткризисных (пост-критических) ситуациях.

Речь идёт о роли добровольчества в культивировании идеалов доверия, человеколюбия, взаимопомощи и справедливости. Это, в свою очередь означает сознательный отказ от индивидуалистических и потребительских ценностей в пользу ценностей гражданственности, делания добра и социальной солидарности. Реутов и Колпина утверждают, что после кризиса в Украине ближайшее время, вероятно, произойдёт понижение уровня «межличностного и институционального доверия. Практики общественно-го активизма будут носить очаговый характер»... и «будут сосредоточены в основном в пределах неформальных групп и организаций, имеющих доктринальный характер, в т. ч. националистических» [Реутов и Колпина, 2014: 18]. «Очаговый» – это возможно, но вряд ли весь юго-восток Украины можно назвать «очагом». Возможно, что активизируются «доктринальные» и «националистические» группы. Однако если речь идёт о волонтёрах, то, как показали эмпирические исследования, платой населения волонтёрам за их безвозмездный труд был самый высокий уровень доверия к ним по сравнению со всеми другими категориями спасателями и их помощников [Костюшев, 2013].

Наконец, волонтерство (точнее, добровольчество) как безвозмездная помощь больным, раненым, обездоленным есть неотъемлемая часть русской и советской гражданской культуры. Нет ничего удивительного в том, что добровольцы, равно как и меценаты, благотворители и другие «жертвователи» сотрудничали с государством. Добровольцами были не только члены монарших фамилий. Добровольцами были Джузеппе Гарибальди и мать Тереза. Для А. И. Герцена, И. С. Тургенева добровольчество – одна из центральных нравственных идей их творчества. Вопреки распространенному сегодня мнению, что анархизм – почти синоним экстремизма, послушаем главного русского анархиста, П. Кропоткина. В своей работе «Взаимопомощь как фактор эволюции», он писал: «...на какой бы низкой ступени умственного развития ни стоял человек, ... он всё-таки считает добром *то, что полезно обществу, в котором он живёт, и злом то, что вредно этому обществу*» [Кропоткин, 1991: 295; курсив Кропоткина]. Радиопередачи советской поэтессы Агнии Барто «Найти человека», розыски, произведенные писателем и общественным деятелем Сергеем Смирновым, наконец, передача «Жди меня» на Первом канале российского ТВ, идущая уже более 13 лет, уже превратилась в социально-политический проект, потому что с его помощью было найдено более 100 тыс. человек! А о нравственном, воздействии этого проекта на миллионную аудиторию нечего и говорить.

3. 6. Влияние контекста (изучение случая)

«Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты» – эта древняя максима актуальна и сегодня. Речь идёт о влиянии на сознание и поведении человека не только информационной среды, в которой он постоянно находится, но и среды институциональной и организационной. Вот характерный пример *критической ситуации во вполне мирное время*. Акцию «Волна здоровья» придумал известный хирург Лео Бокерия. Она проводится в РФ бригадой врачей из ведущих московских клиник уже в восьмой раз. Ее цель: обследовать детей с наиболее сложными патологиями и дать квалифицированные рекомендации. Акция бесплатная, то есть фактически это – государственно-гражданское волонтерство. Нынешний маршрут теплохода с врачами высшей квалификации: Москва – Калязин – Мышкин – Череповец – Рыбинск – Тутаев – Кострома – Ярославль – Дубна – Москва. Соответствующие медицинские ведомства на местах были предупреждены заранее. А что получилось на деле?

Прибытие теплохода (по независящим от врачей обстоятельствам) обычно задерживается на несколько часов, но когда он, наконец, прибывает, вместо того, чтобы быстрее начать осмотр детей, начинается торжественная встреча с «хлебом-солью». На осмотр будут приходить не только самые «проблемные» дети, но и «прорываться» те матери, для которых это шанс не ждать месяцами очереди в районной поликлинике. Очереди и сопутствующие ей разговоры. В частных разговорах с ожидающими прибытия врачей выясняется, что на местах зачастую нет специалистов, способных отличить врождённую челюстную патологию от простого кариеса. Начинается череда местных проблем: где-то теплоход не мог подойти к пристани из-за снижения уровня воды в реке, где-то детей не привезли, потому что автобус для них надо было заказывать заранее. Где-то не нашлось сложных детей к нефрологу и лору, а где-то стоит толпа матерей с детьми просто, чтобы «хороший доктор посмотрел».

«Уставшая медицина» – такой диагноз медицинскому сообществу в российской провинции поставили сопровождавшие акцию журналисты. А вот мнение руководителя проекта «Волна здоровья»: «Самое обидное, что к нашей акции в регионах... отношение чисто формальное. Мы просим прислать самых сложных детей... А присылают типичные случаи,... такое ощущение, что местные доктора опасаются, что если они направят их к нам, то тем самым распишутся в собственном непрофессионализме, а значит, рискуют потерять место работы. Равнодушие к своим больным просто удручающее. Мы за две недели разослали в местные поликлиники по маршруту телефоны наших врачей с просьбой звонить им по любым вопросам: какое исследование надо дополнительно сделать ребенку, ...каких детей направить в первую очередь. Не позвонил никто». К тому же сами родители редко правильно ориентируются в диагнозе ребенка [Чернова, 2014: 18-19]. Вот такая густая смесь «образованщины», усталости, равнодушия и бюрократизма и создаёт социально-информационную среду (местный контекст) в российской глубинке. Эту ситуацию дистанционным массовым опросом не выявишь – в неё надо окунуться и пожить в ней хотя бы несколько дней, посмотреть с разных сторон, то есть побыть инсайдером.

Подведём предварительные итоги. Когда-то наш великий физик, нобелевский лауреат академик Лев Ландау сказал, что метод важнее теории. Потому что правильный метод позволяет делать новые открытия и углублять уже имеющиеся знания. Я критически отношусь к методам массовых опросов как к инструменту познания гражданского активизма, так как они дают слишком общие, агрегированные и статичные «картинки» общест-

венной жизни, порождающие слишком приблизительное, а то и неверное социально-политическое знание. Жизнь общества слишком подробна, многообразна и всё более динамична, всё менее предсказуема, а «дьявол всегда кроется в деталях».

С методологической точки зрения, желательно работать в какой-то одной системе взаимосвязанных понятий. Это не только требование «методологической чистоты», но и социально-политический императив, позволяющий облегчать взаимопонимание между учёными разных гуманитарных дисциплин, переводить на язык социологии и политики результаты естественнонаучных исследований, а также доводить свою точку зрения до местных властей и своих коллег по социологическому цеху. Если же исследователь хочет ввести какое-то новое понятие или пересмотреть значение уже употребляемого термина, то он обязан обосновать свою новацию.

С теоретической точки зрения, для изучения общественного активизма в России или за рубежом необходимо следить одновременно за эволюцией его принципов и форм социального действия и той рефлексией, которая совершается в научном сообществе по этому поводу. Как и в естественных науках, парадигматика в данной сфере социально-политического знания со временем изменяется. К сожалению, в российской общественной мысли в области гражданских инициатив и движений понятийный аппарат до сих пор не отработан, и борьба между «западниками» и «славянофилами» продолжается. В связи с наметившимися трендами контрглобализации вполне возможно, что в России и других регионах мира потребуется свой особый теоретико-методологический аппарат.

В любой науке есть золотое правило: эмпирические (экспериментальные) *методы изучения* должны соответствовать задаче исследования и структуре изучаемого субъекта. В нашем случае для изучения гражданских инициатив и социальных движений метод массовых опросов общественного мнения наименее адекватен. Мой 30-летний опыт изучения теории и практики гражданских инициатив и социальных движений говорит, что наиболее эффективным методом здесь является системный подход, то есть лонгитюд (длительное наблюдение), соединенный с анализом документов, продуцируемых движением, а также методы глубинных интервью, построение хроник динамики движения. Необходим также контроль результатов исследования посредством метода «изучения случая» (case-study) тех социальных ситуаций и политических конфликтов, в которые вовлечены гражданские активисты. Идеально, когда исследователь может попеременно играть роли стороннего наблюдателя и инсайдера. Фактически, речь

идёт о сочетании разных методов качественного анализа, осуществляемых специалистами высокой квалификации. В то время как массовые опросы дают, как правило, искажённую картину или «среднюю температуру по госпиталю».

Наконец, результаты исследования должны быть доступны не только социологическому сообществу, но и более широкой аудитории (публике). К сожалению, у нас никак не прививается практика публичных лекций ведущих социологов сразу же по окончании научных сессий и секционных заседаний на российских и зарубежных конгрессах. Ещё 30 лет назад я наблюдал в Барселоне, сколь высоким был интерес рядовой публики к итоговому докладу М. Кастельса по результатам только что закончившейся международной конференции «Большие города мира». Общества «Знание» больше нет, но есть же Российское общество социологов и такое же общественное объединение в сфере политологии. А ещё есть и Сообщество профессиональных социологов. У населения надо возбуждать интерес к доступному социологическому знанию. Поэтому здесь я целиком на стороне М. Буравого, который говорит о том, что публичная социология, то есть социология для людей (*public sociology*) может быть только результатом пересечения, взаимодействия академической социологии и поля политики (*political field*) [Burawoy, 2014].

3. 7. Структура активности и пассивности

Вернёмся к критической ситуации на юго-востоке Украины. Начну с простого (точнее, кажущегося простым и устойчивым): с того населения, которое, несмотря на тяготы и лишения, остаётся в пределах критического ареала.

Первая группа – это, как правило, больные, старики и матери с маленькими детьми. Это довольно большая группа населения, по моим подсчётам (по разным источникам), составляющая от 30 до 50% местного населения. И это, несмотря на то, что многие из них хотели бы покинуть эту зону. Часть из них эмигрировала в приграничные районы России, но при всяком удобном случае возвращается, чтобы решить свои текущие дела (получить пенсию, пока её платят, полить огород и т. п.). Несмотря на свою малую мобильность, эти люди при любом затишье стараются помочь другим: таким же, как они, или же воюющим на их стороне.

Вторая группа населения, также социально мало мобильная, это те, кто эмигрировал в Россию или во внутренние районы Украины. Хотя и бо-

лее подвижная, по сравнению с предыдущей, группа населения. По моим подсчётам она составляет на сегодня где-то 8-10% от всего населения Луганской и Донецкой областей. Это – потенциальные репатрианты. Однако как их примут на новом месте? И куда и с каким настроением они вернутся, и, главное, как их встретит новая власть (государственная? местная?) – вопрос тоже открытый.

Третья группа – это работающее на предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях население, которое во время войны занимается добычей пропитания для своих близких, или же ремонтом (восстановлением) разрушенных войной инфраструктур и коммуникаций. Или по мере возможности пытается продолжить свою профессиональную деятельность. Для них выживание близких и собственное самосохранение – главная цель. Поэтому они могут прийти на митинг, но поддержка ими той или иной из враждующих сторон скорее пассивная. Они составляют (по очень приблизительным подсчётам) от 15 до 20% населения региона.

Четвёртая группа – это мелкий, в данных условиях очень рискованный, но весьма прибыльный бизнес, обеспечивающий местное население продуктами питания, лекарствами или средствами передвижения. Это в своём большинстве люди аполитичные, но не лишённые собственного мнения, если оно высказывается в своем кругу.

Пятая группа – это местный криминалитет, подсчитать его число не представляется возможным. Единственное, что можно предположить, опираясь на российский опыт «лихих 90-х», что часть предыдущей группы иногда промышляет сбором металлолома или вещей и/или предметов быта из разрушенных или брошенных жилищ. «Сбор мусора» – это очень древнее занятие во все времена.

Шестая группа – это «ополченцы», воюющие на стороне непризнанных Донецкой и Луганской республик. Эта группа – наиболее социально и политически активная. По разным подсчётам, в ее составе от 10 до 15 тысяч добровольцев из России и других стран. Их статус и будущее неопределенны, так как зависит от множества внутри- и внешнеполитических факторов и национального и международного права.

Седьмая группа – это «проплаченные добровольцы», воюющие на противоположной стороне. Как правило, это частные вооружённые формирования, финансируемые местными олигархами и, возможно также, из-за рубежа. Внутри этой группы тоже есть различия: «идейные» (по религиозным или национальным мотивам) и просто сброд, уголовники.

Восьмая группа – это части регулярной украинской армии, состоящие по большей части из новобранцев и понесшая большие потери.

Девятая группа – это местная интеллигенция, представленная в основном профессурой и преподавателями Луганского и Донецкого университетов, а также техническими вузами Украины.

Десятая группа – это студенты высших и средних учебных заведений, о роли и позиции которых в отношении событий на юго-востоке Украины я ничего не слышал. Как заявили российские официальные лица, студентам из Крыма и юго-востока Украины будут выделены квоты, причём перевод в российские вузы будет осуществляться без потери года.

Наконец, есть ещё один давно известный, но и по сей день действующий фактор: различие в социальных типах военнослужащих, вовлечённых в критическую ситуацию. В особенности если речь идёт о рядовом составе и их непосредственных командирах, что ярко проявилось в недавнем конфликте в Украине. Прежде всего, если части регулярной армии Украины состояли во многом из новобранцев (мобилизованных по призыву), то «ополченцы» – это были люди с боевым и житейским опытом в прошлом. Многие из «ополченцев» уже участвовали в подобных локальных войнах в прошлом. Если первые только что прошли «учебку» и у них была минимальная воинская квалификация, то о вторых этого сказать нельзя. Естественно, что мотивация у этих двух контингентов разная. У первых была минимальная военная квалификация или же её не было вовсе, тогда как вторые, как правило, ею обладали, причём часто далеко не одной из воинских профессий. Далее, если первых готовили, прежде всего, к «фронтальной» войне прошлого, то вторые обладали опытом ведения боев в самых разных условиях, в том числе в малых и больших городах. А, как известно, *guerilla* – это особый род партизанских действий и среды, в которой совершаются боевые действия. Данный род военных действий характерен борьбой малыми группами, мобильностью, изобилием тактических приёмов (в частности, тактикой *hit-and-miss*, то есть внезапного удара по «болевым точкам» обороны противника и столь же стремительного отхода). К тому же в «ополченском» контингенте было довольно много военнослужащих, уже воевавших в самой разной природно-климатической и техногенной среде, опыт партизанской (диверсионной) войны и знание местных условий. Что было для них большим плюсом. Затем, если мотивация первых была выражена формулой «отслужить положенный срок и поскорее вернуться домой», то у вторых она была совершенно иной. «Ополченцы» в своей массе были людьми, убеждёнными в том, что они борются за правое

дело. К тому же среди них со временем становилось всё больше местных, защищавших свой дом и семью и горевших желанием отомстить. Первые лишь изредка пользовались поддержкой местного населения, вторые же – практически всегда, даже в самых критических ситуациях. Если для рядовых из первой группы их командиры были «начальниками», отдававшими приказы, то для вторых это были свои люди, выходцы из их собственной или родственной среды борцов «за справедливость». Конечно, такое размежевание – не универсально. В конфликтах и войнах в Африке и на Ближнем Востоке мы видим как бы обратную картину: регулярные войска ведут борьбу против «ополченцев». Но отмеченные выше типологические различия между новобранцами регулярной армии и «ополченцами» всё равно сохраняется. Не случайно поэтому, некоторые российские военные теоретики выступают за реструктуризацию армии и пересмотр стратегии и тактики боевых действий.

Хотя кажется возможным разобрать социальную структуру акторов, вовлечённых в критическую ситуацию, вот так, «по полочкам», в действительности ситуация одновременно в высшей степени неопределённая и одновременно «герметичная». Неопределённая, потому что обе воюющие стороны грозятся ввести военное положение, что резко сузит права и свободы местного населения. «Герметичная», так как и обе воюющие стороны, и силы, их поддерживающие, чаще всего чего-то недоговаривают или просто не в силах управлять ситуацией.

Но и это ещё не всё. В анализе расстановки и взаимодействия разных сил необходимо учитывать инклюзию и эксклюзию *de facto*. Приведу мнение ведущего военного специалиста. «Проведение диверсионных операций методами партизанских... действий станет одним из главных компонентов наступательных операций в будущих войнах малой и средней интенсивности... Боевая практика фактически стерла различия между действиями диверсионных групп регулярной армии и партизанских подразделений». Основными качествами таких групп являются: их малая размерность, высокая автономность и маневренность, скрытность и внезапность действий, способность оказать ошеломляющий эффект на противника. Но и в оборонительных операциях должны быть задействованы высококвалифицированные, мобильные и автономные малые группы [Зайцев, 2014: 04].

Почему я обо всём этом говорю? Потому что названные выше 10 элементов социальной структуры – это только таксономия, пригодная лишь для академического анализа. В критической ситуации *реально действуют* (и оказываются наиболее эффективными) малые мобильные, профессио-

нально подготовленные группы. Так мы неожиданно возвращаемся к теории малых групп только в условиях современной войны. В названной выше ситуации коллективным актором являются не «интеллигенция» и «рабочие» или «ресурсообеспеченные» и «малоресурсные» таксономические группы. Но именно акторы, то есть профессионально подготовленные группы комбатантов, спасателей, волонтеров и даже отдельные местные жители, если они столь же мобильны и профессионально подготовлены.

Но малые группы – лишь одна сила среди множества других сил, реально задействованных в подобных ситуациях. Реальными акторами являются также силы, находящиеся как *вне*, так и *внутри* критической зоны. «Вне» – это, прежде всего, мощные группы интереса (interest groups), начиная от финансово-промышленных групп, непосредственно вовлечённых в конфликт, и до международных альянсов типа НАТО или ШОС. Далее, «вне» – это также СМИ, интерпретирующие и транслирующие результаты опросов общественного отношения относительно критической ситуации. «Вне» – это ещё и мощные природные силы, начиная от летней жары и зимних холодов и кончая природными аномалиями (засухой, наводнениями и ураганами).

Гуманитарные конвои, которые Россия посылает на юго-восток Украины, абсолютно необходимы для поддержания бедствующего населения. Но ведь эти конвои тоже оказывают реальное (а не только морально-психологическое) воздействие на людей, оказавшихся в критической ситуации. Кроме того, и до них, и параллельно с ними действовали малые мобильные группы спасателей и волонтеров, вся эта мелкодисперсная сеть помощи и поддержки. Такая же сеть активистов действовали и внутри критических зон. А разве мы сами, социологи, не работаем постоянно малыми интеллектуально мобильными группами?

Мелкодисперсность, мобильность, постоянные трансформации форм социального активизма – это принципиальный пункт. Потому что каждая критическая ситуация, если она не результат «ковровой бомбардировки» или тотального радиоактивного заражения, в сущности, представляет собой множество разнообразных и быстро изменяющихся ситуаций. Одни из них уже действительно критические, другие лишь находятся под угрозой риска, третьи пока еще не затронуты боевыми действиями. Значит, одни люди (группы) уже исключены из сети жизнеобеспечения, и им требуется срочная помощь, а другие ещё могут быть включены в спасательные операции или же в состав боевых подразделений. Кроме того, эксклюзия *de jure*, вовсе не означает эксклюзии *de facto*. Те, кто не участвуют непосредственно в боевых действиях, заняты не менее важной работой: их планиро-

ванием и логистикой, мобилизацией ресурсов, налаживанием контактов с национальными и международными гуманитарными организациями, а также – восстановительными работами и т. д. И подготовкой тех самых мобильных автономных групп, о которых речь шла выше. Но что не менее важно, так это подвижность, неопределённость самой критической ситуации. Наконец, сделаем ещё один шаг назад, к «мирному времени». Как ни печально, приходится признать, что сегодня понятия «мирного» и «военного» времени суть не только относительны, но они могут обозначать одну и ту же территорию, которая находится в ситуации «ни мира – ни войны». Вот такая странная «экология» получается.

И это не красивые слова, а лишь краткий перечень сил (и реальных угроз), сплетение которых необходимо учитывать социологу при анализе критических ситуаций, неважно, складываются они в высоко урбанизированной среде или же в «чистом поле». Уже известный нам автор напоминает, что «к настоящему времени <резко> выросло количество критически важных объектов на территории России. Атомные и гидроэлектростанции, предприятия оборонной промышленности, в первую очередь ракетно-ядерной и космической отраслей, аэродромы, крупные базы горюче-смазочных материалов, склады государственного резерва» [Зайцев, 2014: 04]. А я бы ещё добавил систематически взрывающиеся склады устаревших боеприпасов, лесные пожары и наводнения. Так что мой тезис об отсутствии сегодня абсолютно безопасных мест на планете подтверждается [Яницкий, 2014a]. Это означает, что мы должны не только чистить и украшать российские города и веси, но и постоянно заботиться о наличии в них (или около них) мобильных и находящихся в мобилизационной готовности сил «территориальной обороны». Сил, способных ликвидировать не только последствия «единичных» (разовых) терактов и катастроф, но и одновременной «множественной» катастрофы с длительным социально-метаболическим эффектом. А также сил и ресурсов, готовящих население и среду его обитания к возможному возникновению критической ситуации.

Но вернёмся в день сегодняшний. Те, кто хоть сколько-нибудь систематически следил за ходом событий на юго-востоке Украины, в секторе Газа, в Сирии и Ираке, наверное, обратил внимание, что ни в одном из двухсторонних или многосторонних соглашений о прекращении огня, мире или перемирии не было ни слова о *реабилитации пострадавшей среды обитания*. Неважно среды природной, технической или социальной. Нет смысла приводить цифры необходимых затрат – важен принцип: кумуляция рисков не может продолжаться бесконечно, она неизбежно заканчива-

ется сломом экосистемы. То есть среда является тоже «актором», причём весьма активным и мало предсказуемым. В конечном счёте, её активизм может носить тотальный, иначе говоря, всеразрушающий характер. И тогда миру грозит «полная эксклюзия».

3. 8. Местные жители, состояние их умов и психики

О них политики и журналисты, как правило, забывают. Скучная материя. Куда интереснее и престижнее писать о глобальных силах современных войн и «мировой закулисе». Забывают или не интересуются, потому что понимают: борьба идёт не за благополучие и умы этих «местных», а за *политическое влияние, территорию и ресурсы* сильных мира сего. Сейчас завести несколько сот тысяч мигрантов из любой точки планеты не проблема. Тем более что отряды наёмников, «частные батальоны» или «неопознанные вооружённые формирования» – они ведь тоже не местные, они – пришлые, вахтовики, только с оружием. Но может случиться и так, что, значительная часть и местных, и пришлых превратится в «лишних людей» [Яницкий, 2004; Bauman, 2004].

Местные – это по преимуществу, обыватели. В этом слове нет никакого укора. Просто это люди индустриальной (и доиндустриальной) эпохи, жившие всегда тяжёлым физическим трудом пополам с хронической безработицей, обремененные безденежьем, болезнями, хроническим недоеданием. С большими семьями и нищенскими пенсиями для стариков, а то и вообще без них. Что же удивительного в том, что местные из Донбасса, Египта или стран Северной Африки хотели бы жить, как в России или на юге Европы?

Да, если взять Донбасс, то поначалу новая власть их обнадежила, и часть из них (в основном 35-45-летние) встали на защиту этой власти и своего дома, посёлка, города. Но когда против обывателей началась настоящая война киевской власти, война с человеческими жертвами и разрушениями их жилищ, с мародерством и грабежами, а самопровозглашенная власть отступила, первоначальная эйфория рядовых граждан сменилась, сначала страхом, а потом оцепенением. Тем более что и уйти поначалу было некуда: «официального безопасного коридора для беженцев и гуманитарных грузов между Россией и мятежными регионами Украины не появилось до сих пор» [Бурская, 2014: 4]. Хотя уже случились три волны украинских беженцев в Россию, долгое время они оседали главным образом в приграничных районах. И при первой возможности стремились вер-

нуться домой: кто пенсию получить, кто огород полить, свиней накормить и т. д. [Макаренко, 2014: 2]. До края эти люди будут держаться за свой дом и хозяйство, за свою «малую родину». И, как мы видим, многие сегодня действительно возвращаются, часто просто на своё пепелище.

Но далеко не все местные жители стремились уехать и, тем более, присоединяться к ополченцам. «До тех пор, пока народу платят здесь зарплату, и пока они не пострадают лично, то исправно будут ходить на работу, спокойно жить, ни о чём не беспокоиться и наблюдать за происходящим со стороны». Психологически это было оцепенение, «люди были как бы в футлярах», как сказал один волонтер [Боброва, 2014: 4]. Замечу, что волонтеры более надёжны в своих оценках ситуации, чем журналисты. Но всё же истинную картину случившегося можно будет составить много позже, и основными информантами будут, прежде всего, местные граждане во всём многообразии их мнений. Тем более что современная техника (смартфоны) позволяет фиксировать то, что не могут сделать ни журналисты, ни тем более официальные лица.

Правозащитники опять утверждают, что «эти люди должны быть услышаны. Гибель гражданского населения требует тщательного и объективного расследования со стороны властей Украины» [Локшина, 2014: 5]. Но это произойдёт когда-то потом, если вообще произойдёт. Тем более, кто-то за это время уедет, эмигрирует, умрёт. А люди и их жилища гибнут здесь и сейчас. На место упавшего малайзийского Boeing'а сбежался чуть ли не весь мир. Но за время артиллерийских и авиаударов армии Украины по мятежным регионам погибло или было изувечено на порядок больше людей. И никакие международные организации эти жертвы не собирают и не «документируют», даже правозащитники. Вот это – *критический разрыв* между трагическим настоящим и спекулятивным политическим будущим. Я бы назвал таких правозащитников новым и быстро растущим отрядом международной бюрократии. Кто, когда и по каким источникам будет документировать эту быстро меняющуюся и многоаспектную критическую ситуацию? – вот ключевой вопрос для нас, социологов.

3. 9. Подводя итоги

Подчеркну ещё раз: жизнь общества слишком подробна, многообразна и всё более динамична, всё менее предсказуема, а «дьявол всегда кроется в деталях». Тем более – в критической ситуации. Поэтому, с моей точки зрения, все дистанционные методы и, в первую очередь, метод массовых

опросов публики здесь, если и применим, то весьма в ограниченных масштабах.

Для понимания механизмов развития критических ситуаций необходимо взаимопонимание между учёными разных гуманитарных дисциплин, умение переводить на язык социологии и практической политики результаты естественнонаучных исследований, а также доводить свою точку зрения до местных властей и своих коллег по социологическому цеху.

Как и в естественных науках, парадигматика в интересующей нас сфере (критического) социально-политического знания со временем изменяется. К сожалению, в российской общественной мысли в области гражданских инициатив и движений понятийный аппарат до сих пор не отработан, и борьба между количественниками и качественниками продолжается. В связи с наметившимися в мире трендами контр-глобализации возможно, что и в России для познания современных войн и критических ситуаций потребуется иной теоретико-методологический аппарат.

Методы изучения должны соответствовать задаче исследования и структуре изучаемого субъекта. В нашем случае для изучения гражданских инициатив и социальных движений метод массовых опросов общественного мнения наименее адекватен. Мой 30-летний опыт изучения теории и практики гражданских инициатив и социальных движений говорит, что наиболее эффективным методом здесь является системный подход, то есть лонгитюд, соединенный с анализом документов, продуцируемых движением, а также методы глубинных полу-структурированных интервью, построение хроник развития ситуации. Необходим также контроль результатов исследования критических ситуаций посредством метода «изучения случая» (case-study). Идеально, когда исследователь может попеременно играть роли стороннего наблюдателя и инсайдера. Однако в нашем случае подготовленных для такой опасной роли социологов нет.

Результаты исследования критических ситуаций должны быть доступны не только социологическому сообществу, но и публике. К сожалению, доступа к центральным каналам ТВ наиболее смелых инсайдеров-ученых, уже не раз побывавших в горячих точках, нет. Тем не менее, есть же Российское общество социологов и такое же общественное объединение в сфере политологии. А еще есть и Общество профессиональных социологов. «Критическое» социологическое знание так же необходимо, как и другие его виды. Апатия студенческой молодёжи по отношению к событиям на юго-востоке Украины настораживает. Правы те, которые говорят,

что публичная социология может быть только результатом пересечения, взаимодействия академической социологии и поля политики.

ГЛАВА 4. ЛЕГИТИМНЫ ЛИ «СОЦИАЛЬНЫЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ»?

4. 1. Вопрос пока изучен мало

Этот вопрос является предметом острых дискуссий едва ли не на протяжении всего существования социологии, а также исторической и политической наук. Поэтому я попытаюсь обозначить лишь некоторые «реперные» точки этой проблемы, с одной стороны, уже не требующие сегодня специальных исследований, а с другой, непосредственно связанные с темой современной войны и критических состояний обществ и сообществ.

История человечества – это история непрерывного процесса возникновения и распада, интеграции и дезинтеграции государств, империй и других крупных институциональных образований. В этом смысле XX век ничем не отличался от предыдущих веков и исторических периодов. И сегодня в таком крупнейшем агломерате государств, каким является Европейский Союз, постоянно идут процессы его институциональной реструктуризации, которые сопровождаются цепью меж- и внутригосударственных конфликтов, этнополитических столкновений и малых войн. Глобальные войны, коими были Первая и Вторая мировая войны, привели к коренной переделке политической карты мира, хотя лидеры ведущих стран в Ялтинских и Хельсинских соглашениях стремились утвердить незыблемость сложившихся государственных границ. Одновременно эти войны дали мощный импульс национально-освободительным движениям и борьбе народов многих стран Африки и Азии за независимость от политического диктата стран-победителей во Второй мировой войне. Далее, начавшаяся в 1946 г. «холодная война» супердержав дала дополнительный толчок к формированию новых надгосударственных союзов и альянсов «по обе стороны баррикад». Даже в короткий период «разрядки международной напряжённости», когда, казалось бы, надо было подтвердить суверенитет и незыблемость границ новых национальных государств, возникших в результате распада Британской и других империй, борьба за легитима-

цию новых государственных новообразований не прекращалась ни на минуту. И, надо сказать, что в большинстве случаев она оканчивалась сначала частичным, а потом и полным признанием их суверенитета. Наконец, сегодня приходится признать, что оппозиция «суверенитет» versus «право наций на самоопределение» возникает постоянно. Возникает потому, что её разрешение возможно лишь в ходе самого исторического процесса. Если борьба тех или иных «сепаратистов» справедлива и ведётся настойчиво, то мировое сообщество, в конечном счёте, вынуждено будет признать, что «новообразование», возникшее в результате такой длительной (и, как правило, вооружённой) борьбы, должно быть признано мировым сообществом легитимным. Во всяком случае, недавний референдум Шотландии по вопросу её отделения от Великобритании был вполне легитимным. И в случае победы шотландских сепаратистов он, скорее всего, был бы признан мировым сообществом как легитимный акт. Но ведь на очереди Каталония, Фландрия, Венеция, явно стремящиеся к независимости. Так что процесс соединения-разделения даже внутри сверхлегитимных образований, каким является Европейский Союз, продолжается. Тот же путь от возникновения на политической арене новых институциональных субъектов явочным порядком и до полного признания их легитимности прошли множество социальных и политических движений во всём мире.

Вообще, социальные движения – сильнейший мотор социальных перемен в государстве и обществе. Ещё 25 лет назад У. Гамсон показал, что существует целый континуум взаимоотношений вновь возникшего социального движения и государства, внутри которого оно родилось. От полного отрицания легитимности этого движения, к перехвату его ценностей и лозунгов и до (сначала) формального его признания как нового социального актора и до принятия (полностью или частично) его повестки дня [Gamson, 1990]. Но сегодня я бы сформулировал мысль Гамсона по-иному: не государство решает, признать или не признать какое-то социальное движение легитимным. Наоборот, социальное движение начинает перекраивать границы уже существующих государств. Правда, надо признать, что это происходит в государствах и обществах, единство и легитимность которых до того, уже были сильно подорваны извне вторжением вооружённых сил одной или нескольких стран НАТО под надуманными предлогами, как это случилось в Афганистане, Ираке, Ливии и многих других странах.

Но есть и другие, не менее показательные процессы. В мире набирают силы непризнанные мировым сообществом прото-государственные обра-

зования, а также мощные социальные движения, ставящие своей целью не только создание нового государства, но и включения в него целого ряда уже существующих государств, например, под шапкой Исламского Халифата. Так, группировка (или, скорее, армия) «Исламского государства Ирака и Леванта» стремится к созданию Исламского Халифата на захваченных ею территориях Сирии и Ирака.

Правда, коллеги-постмодернисты считают, что самоопределение – это суверенное право любого социального агента, начиная от индивида и малой группы и до государства как коллективного субъекта в целом. Они также полагают, что реальной политики (*realpolitik*) не существует вообще – есть только совокупность сменяющихся дискурсов. Однако для меня, как специалиста, изучающего социальные движения, они, их ценности, лозунги и программы существуют реально, а не только дискурсивно.

4. 2. Майдан: от массового протеста к критической ситуации?

Начиная с «оранжевой революции» 2004 г. в научном сообществе идут споры, была ли она массовым протестом или хорошо сконструированным и направляемым извне массовым действием? В любом случае тот массовый взрыв недовольства не был беспричинным. Напротив, он пал на хорошо подготовленную почву: нищета, коррупция, деградация материального производства и систем жизнеобеспечения и т. д. Но меня как социолога интересует также и другой вопрос: можно ли считать прошлый и настоящий майданы социальным (протестным) движением? Или же это – новый вид сидячей забастовки, лагеря или митинга протеста, но не социальное движение в современном его понимании?

За прошедшие почти 10 лет ситуация в Украине не улучшилась: разрыв между бедными и богатыми ещё более увеличился, углубление экономического кризиса, коррупция, взяточничество, торговля должностями на всех уровнях власти – всё это продолжалось. А вместе с этим накапливалась «горючая масса» для социального взрыва. Так или иначе, и местные протестанты, и заокеанские социальные конструкторы учли эту негативную динамику.

Поначалу этот протест имел спонтанный или, точнее, стихийный, характер и, подчеркнём, «внепартийный» характер. Как это, впрочем, было и в других, самых разных странах: в России, Египте, странах Северной Африки в США и даже совсем недавно в Гонконге. Но такой мирный протест – нормальное легитимное явление. Право на такой протест обозначено

в конституциях большинства развитых и развивающихся стран. Однако, как отмечают исследователи этого социально-политического феномена, «на Майдане не возникло новых устойчивых структур общественной самоорганизации, подобных польской “Солидарности” или Партии трудящихся в Бразилии, которые смогли бы эффективно трансформировать антиавторитарный общественный протест в <протест> политический, хотя общественный запрос на такого рода структуры в Украине был очень сильным» [Ворожейкина, 2014: 11]. Это действительно так, но всё же, как мы помним по примеру движения Запатиста в Мексике, легитимация массового (да там ещё и вооружённого) протеста могла произойти и без стадии превращения массового протеста в политическую партию [Olsen, 2005].

Но вот что происходило далее. Хотя по мере усиления (и ожесточения) протестных действий их партийная составляющая постепенно усиливалась, «с первого месяца противостояния в Украине стало очевидным колоссальное несоответствие между уровнем протестной волны и способностью оппозиции, как политической, так и гражданской, создать эффективные структуры, которые могли бы послужить прообразом новой демократической власти» [Ворожейкина, 2014: 11]. Сегодня, уже имея возможность оглянуться назад с позиции почти годичного срока, смею утверждать, что такой возможности легитимации гражданского протеста не было ни тогда, ни тем более, сейчас, в конце 2014 г. Во-первых, уже изначально спектр сил, представленных на Майдане, был слишком широк: от действительных демократов до крайних радикалов. Во-вторых, события на Майдане всё активнее контролировались извне: самоорганизация переходила в организацию. В-третьих, как справедливо заметила Ю. Латынина, если на Западе в 1968 г. восстало не угнетённое большинство – восстало «меньшинство, сладкое, сытое поколение, которому впервые в истории человечества не пришлось утверждать себя войной и тяжким трудом – и они самоутверждались на баррикадах. Бунтовали ...вообще. Против капитализма и за всеобщее счастье» [Латынина, 2014: 12]. Здесь же, на Майдане шёл противоположный процесс: он всё более привинциализировался и радикализировался. К началу февраля 2014 г. «доля киевлян в этом противостоянии упала с 19 до 12 процентов, доля приезжих выросла с 81 до 88 процентов. Больше половины приезжих (55 процентов) составляли жители Западной Украины, из Центральной Украины приехали 24 процента, с Востока и Юга – 21 процент. При этом почти вдвое – с 23 до 42 процентов – выросла доля жителей небольших (до 100 тыс.) городов за счёт вы-

ходцев из областных центров (их доле сократилась с 32 до 20 процентов) и крупных городов (с 23 до 17 процентов). Майдан стал, таким образом, более провинциальным, более “западным” и несколько более организованным. Однако 70 процентов участников Майдана, как и ранее, не относили себя ни к каким партийным и или общественным объединениям» [Ворожейкина, 2014: 14].

Здесь нужны некоторые комментарии. Прежде всего, сам по себе количественный рост приезжих из Западной Украины уже означал, что это не могли быть образованные и политически грамотные «демократы-интеллигенты». Западная часть Украины, за исключением «бандеровцев» и других радикалов, это – наиболее бедная и наименее образованная часть этой страны. Что москвичи хорошо знают по множеству выходцев оттуда, которые работают в столице шофёрами, уборщицами, сиделками и т. п. Поэтому это был, как мы уже сегодня знаем, не призыв на баррикады по велению души и сердца, а чистый «рекрутинг» боевиков из числа молодых людей спортивного телосложения, чья деятельность оплачивалась и направлялась состоятельными украинскими людьми или из-за рубежа. Недаром, украинские политологи констатировали факт трансформации стихийного гражданского протеста в военную самооборону. Только эта самооборона не была таковой в прямом смысле, то есть самообороной «очага демократизации страны». Нет, это были именно боевики, разбитые на группы («пятерки») со вполне воинской дисциплиной. Ночью они били демократов и кого попало на Майдане, а днём отсыпались в пригородах Киева в специально созданных для них лагерях. Вообще, чем дальше, тем больше Майдан радикализировался в самом худшем смысле этого слова. Недаром «Антимайдан» провалился. Как заключает Т. Ворожейкина, «силы самообороны стали той формой военно-политической организации, которую породила радикализация Майдана. Элементы гражданской самоорганизации – кухня, сцены, медпункты – имели второстепенный и вспомогательный характер. Понимая естественность и практическую неизбежность этого процесса, следует признать, однако, что возникшие военизированные структуры имели мало общего с теми новыми прозрачными общественными и политическими институтами, за которые первоначально выступил Майдан [Ворожейкина, 2014: 15]. Действительно, как показали последующие события эти военизированные структуры, превратившись в частные армии (батальоны «Азов» и др.), уже были ударной силой контрреволюции. Во-вторых, не могу согласиться со столь узкой трактовкой (кухня, сцены, медпункты) сил гражданской самоорганизации. Как показали по-

следующие события эти, действительно гражданские силы превратились, с одной стороны, в политические институты (Донецкая и Луганская республики), а с другой, – во множество акторов, выполнявших самые разнообразные функции гражданских организаций и институтов (доставка продуктов питания, помощь раненым и больным, логистические, информационные и другие функции). Но самый главный вывод состоял в том, что сам Майдан всё более превращался в *критическую зону*, с вооружёнными столкновениями, убитыми, ранеными, с поджогами и множеством форм ожесточенного насилия. Именно насилие сегодня легитимировалось в форме наиболее радикальных, националистически ориентированных политических партий и движений. Это были уже не силы «самообороны», а их ударные отряды, которые наводили страх на всех граждан. День за днём на свет Божий всплывают всё новые факты насилия и устрашения, осуществляемые этими силами по всей Украине. Тем самым, «позиция радикальных националистов открыто и полностью противоречила тем европейским ценностям, которые протестующие отстаивали на Евромайдане». Лозунги Украинской повстанческой армии «Слава Украине! Героям слава», который до того использовался «только радикально-националистическими организациями, перестал восприниматься в качестве такового и превратился в лозунг всего Майдана» [Ворожейкина, 2014: 15]. Что и требовалось доказать. Однако это была не просто «позиция», это была повсеместная политика насильственного подавления любого инакомыслия, принимавшая со временем всё более жестокие формы.

4. 3. Критическая ситуация и международное право

Сегодня нормы международного права, созданные после окончания Второй мировой войны, всё более вытесняются политическими сделками основных игроков на международной арене. Но поскольку состав этих игроков со временем меняется, то и «правовой баланс» тоже не стоит на месте. Так или иначе, эти краткосрочные (ситуативные) сделки оставляют после себя в лучшем случае «замороженные конфликты» а в худшем – пустынню, как это случилось в Афганистане, Ираке, Ливии и других странах.

Сегодня, как и ранее, на первый план выходит «право сильного», то есть право изменять существующий миропорядок по лекалам одной или нескольких наиболее сильных мировых держав. Юристы, составляющие костяк надгосударственных организаций (ООН, ОБСЕ), всегда толкуют международное право в пользу сильного, не учитывая того вреда, который

этот принцип наносит социальным и природным экосистемам и биосфере в целом, благодаря которой только и может существовать жизнь на Земле. Сама сущность прецедентного права, то есть возведения ситуативного решения в закон или принцип международной политики, противоречит принципу всеобщей взаимозависимости как фундаментальному принципу существования биосферы.

Как отмечал Ф. Лукьянов (Эхо Москвы, 04.07.2014), по сравнению с прошлой эпохой глобального противостояния двух сил (СССР – США) сегодня мир разделился на «преференциальные зоны» (другие политологи называют их «политическими кластерами»). Это ещё более ухудшает общую социально-политическую ситуацию на планете, так как эти «зоны» определяются (назначаются) по политико-экономическим критериям тех или иных групп интереса (*interest groups*), разрезающим каждый раз по-новому сложившиеся в течение многих веков природные и социальные экосистемы (лесные береговые, полярные и т. д.). Так как, продолжает Лукьянов, ни один блок стран и, тем более, отдельная страна не в силах быть «международным полицейским» (то есть силовым регулятором глобального миропорядка), эти «преференциальные зоны» постоянно перекраиваются, подрывая тем самым несущую способность сложившихся технобиосоциальных систем и провоцируя дальнейшую деградацию геосферы и появление новых критических зон.

Никогда ещё в истории ни одна страна (или их союз) своё «право сильного» никому добровольно не отдавала. Напротив, по названным выше причинам (рост народонаселения планеты, истощение источников старых и потребность в новых природных ресурсах) борьба главных мировых стейкхолдеров будет только усиливаться. Значит, в обозримом будущем пространств, пригодных для жизни, на планете будет всё меньше, а мусора (отходов) от новых мест добычи полезных ископаемых, мигрирующего производства и военно-политических конфликтов будет всё больше.

Ирония истории: интеграционные процессы в мире случаются, как правило, после глобальных потрясений (мировых войн, глобальных экологических или техногенных катастроф). Пока же мы наблюдаем дезинтеграционные процессы административно-политических систем, новые размежевания и устремления к автономии и/или независимости. Естественно, что эти субъекты международного права рассматривают геосферу только как ресурс или жизненное пространство, необходимое для себя. Вот такой вселенский эгоизм.

Чтобы снова запустить интеграционные процессы, говорят политики, надо начать с экономической интеграции (государств или их альянсов), потом (со временем!) может быть подойти к интеграции политической. О соотношении этих планов с законами природы речи вообще не идёт. Пока что мировое сообщество находится в состоянии «ни прочного мира – ни горячей войны», когда поддержанием устойчивости биосферных процессов не занимаются никакие международные институты. А, как известно, ничегонеделание, то есть тактика выжидания, только увеличивает риск деградации социально-экологических систем.

Сегодня противоборствующие стороны уповают на переговоры как на первую ступень де-эскалации вооружённых конфликтов. Но на практике затяжка переговоров выгодна противоборствующим сторонам, но она чрезвычайно негативно сказывается на мирном населении и состоянии природной среды. Пока идут переговоры (а ситуация в Ираке, Афганистане или Украине показывает, что они могут тянуться месяцами), критическая ситуация имеет тенденцию к ухудшению: население страдает или бежит, системы жизнеобеспечения не восстанавливаются, начинается голод и болезни и т. д. В иных случаях переговоры могут даже усилить военные действия: пока суд да дело, передышка может быть использована в интересах обеих воюющих сторон. Это ещё раз подтвердила ситуация на Украине: международные организации всё договаривались и договаривались, а украинская власть готовилась к следующей фазе войны.

Но даже если удаётся о чём-то договориться, то до разоружения и начала реабилитации – ещё очень далеко. Как отмечает акад. РАН А. Арбатов (Эхо Москвы, 23.06.2014), после прекращения огня необходимо разделение воюющих сторон, гарантии для безопасности обеих сторон (кто их даёт?), введение международного миротворческого контингента, долгие в несколько этапов переговоры, и лишь потом поэтапный отвод войск и их разоружение. Замечу, что все эти меры *предшествоуют началу этапа реабилитации* человеческих поселений и природных систем.

В заключение этого маленького раздела попробую суммировать существующие точки зрения относительно развития ситуации на юго-востоке Украины после завершения военных действий. Безо всяких политических или других оценок – только изложу точки зрения. Одни говорят: мятежные республики надо задавить силой (то есть довести до победного конца антитеррористическую операцию). Затем, «зачистить» территорию в прямом и переносном смысле и сдать её в аренду западным компаниям с тем, чтобы они там создали совершенно новое производство (и, значит, туда будут

рекрутироваться совершенно новые люди). Так мы сохраним и укрепим унитарное украинское государство. Другие говорят: зачем нам вообще этот Донбасс, отсталый экономически и технологически, и разорённый войною. Лучше отгородимся от него валом или стеной (как Израиль отгородился от Сектора Газы) и тем самым сохраним компактное унитарное государство под «зонтиком» ЕС. Ни о каких автономиях внутри Украины не может быть и речи! Третьи говорят: так не выйдет, потому что Россия все время будет нарушать наш суверенитет, и мы не сможем вступить в Европейский Союз. Поэтому надо как-то договариваться и с непризнанными Донецкой и Луганской республиками, и с Россией. Россия всё это затеяла – пусть теперь она и кормит их! Наконец, четвёртые, находящиеся в основном вне пределов Украины, полагают, что Украина нужна Западу как «кордон», отделяющий ЕС от России. Что она также нужна Западу как новые рынки сбыта. А то, что она сейчас политически слаба и раздроблена, так это нам на-руку.

Показательно, что к интересам и предложениям на сегодня реально противоборствующих групп никто (кроме социологов и политологов) не прислушивается – как обычно, все решения как принимались, так и будут приниматься наверху. Почему-то западные державы, столько лет ведущие малые и большие войны по всему миру, признают только один инструмент легитимации власти: выборы. Их социологи никогда даже не пытались изучить позиции и мотивацию противоборствующих сторон, бедствующего населения, беженцев и вынужденных переселенцев, равно как и точки зрения множества радикальных групп по обеим сторонам баррикад. Они признают только выборы, потому что знают, что всегда смогут этот процесс контролировать, то есть получить нужные им результаты. А если что-то пойдёт не так, тогда, говорят они, мы покинем эту страну и пойдём устанавливать «нашу единственно правильную демократию» на новом месте. То есть получается, что легитимно только то, что признано с позиции силы (читай США и ЕС). Вот это и есть *современная силовая легитимация*.

В этой взрывоопасной ситуации в Украине (да и не только в этом государстве), избрание легитимной представительной власти оказывается, как и во всякой другой критической ситуации, делом ещё более трудным, чем проведение президентских выборов. Что мы наблюдали в Ираке, Египте, Афганистане и других странах, переживших (фактически) военную оккупацию и состояние *всеобщей критической ситуации* и потенциального риска для любого гражданина страны, если он активно не поддерживает правых радикалов, по существу захвативших власть в свои руки. Помимо

Донецкой и Луганской республик, есть масса других протогосударственных образований. Их резоны надо бы, как минимум, сначала выслушать, а не сразу проводить антитеррористическую операцию.

Ответ на вопрос: был ли Майдан социальным движением, скорее всего, будет отрицательным. Майдан – это новая форма социального протеста, сначала гражданского, затем политического, еще позже – уже вооружённого противостояния, быстро перешедшего в гражданскую войну и т. д. Другими словами, майдан можно квалифицировать как новую форму критической ситуации, сформировавшуюся на пересечении множества разных силовых линий *неприятя данной реальности*, внешних и внутренних, экономических, политических, конфессиональных и многих других.

Наконец, все вышесказанное приводит нас к фундаментальному вопросу политической теории. Если государство находится в глубоком кризисе, если политические институты практически не работают, если все уровни бизнеса и власти насквозь коррумпированы, если, наконец, общество раскалывается на абсолютное меньшинство «жирных котов» и абсолютное большинство нищающих граждан, права которых не защищает коррумпированный суд, то почему же такая власть должна считаться легитимной? И почему тогда устранение от власти этого меньшинства силой не считается легитимным? Неужели дорога к нормальной по человеческим меркам жизни лежит только через кровь и страдания огромных масс людей?

4. 4. Зоны «серые», «белые» и снова «серые»

Между противоборствующими сторонами всегда есть «нейтральная», или, скорее, «ничейная» полоса. Но она – отнюдь не «пустая». Она есть просто часть некогда непрерывной жизни людей и среды их обитания, волею судьбы, ставшая разделительной полосой между воюющими сторонами. Там, в этой критической зоне, продолжается жизнь, но жизнь, намертво вплетённая в военные действия. Жизнь и смерть здесь неразделимы. «Серая» зона – это не значит никакая. Напротив, это – самая опасная и самая непредсказуемая в своей динамике зона жизни, как комбатантов, так и местных жителей. Самая опасная не только потому, что она ближе всего к вероятному противнику и потому подверженная его разрушительным ударам. Но и потому, что в современных войнах наносящие удары противнику комбатанты, используют жилую инфраструктуру и местных жителей в ка-

честве «защитного щита». «Серые зоны» – это территории (полосы), где человеческая жизнь является «разменной монетой» войны.

И всё же, когда военные действия затихают (или живущее в этих зонах люди научаются приспособлять свою жизнь к ритмам войны), жизнь там продолжается. Искалеченная, подавленная, запуганная, – но продолжается! Более того, если острая фаза вооружённого конфликта закончилась (хотя бы на длительное время), то «серая» зона, особенно если она достаточно обширна и плодородна, используется обеими сторонами для выпаса скота, сбора даров природы, заготовки дров и всего того, что нужно для мирной жизни. С той только разницей, что природный ресурс здесь используется до предела. Что нередко приводит к опустыниванию, изменению климата – вот вам ещё один пример социально-экологического метаболизма. Так было в Афганистане, на его границе с Таджикистаном, в Карабахе, между Грузией и Южной Осетией и во многих других местах. «Серой» я её называю ещё и потому, что там есть чем поживиться «лихим людям».

«Белой» эта разделительная зона становится тогда, когда объявляется «день тишины», тяжёлое вооружение отводится на безопасное для противоборствующих сторон расстояние и, наконец (не всегда, но, как правило), в эту разделительную зону (полосу) вводится международный миротворческий контингент, так называемые «белые каски ООН». Но – это лишь акт разъединения воюющих сторон, но отнюдь не начало процесса восстановления и реабилитации пострадавшего населения.

Так что, по сути, эта зона остаётся «серой», хотя и без угрозы бомбежки или артиллерийского обстрела. Как отмечалось выше, промедление, неоказание помощи в должное время – это тоже риск, иногда приводящий к необратимым последствиям. Эта зона снова может стать «серой», если, как это было после арабо-израильской войны, израильтяне стали строить стену, отделяющую Израиль от арабских территорий. Арабы возмутились и начали сопротивляться этому строительству. Та же ситуация может возникнуть и в ходе строительства укрепленной полосы, будущей границы между Украиной и Россией, потому что она разделит некоторые деревни и их угодья произвольным образом и разрушит местные природные экосистемы безо всякого согласования с учёными, властями и местным населением. Наконец, всякая новая местная сила может подвергнуть пересмотру эти ранее согласованные размежевания, выдвинет свои политические требования, сделает свои предложения по демаркации и т. д. Тогда снова может начаться вооружённый конфликт, и появятся новые «серые зоны».

ГЛАВА 5. ГУМАНИТАРНАЯ КАТАСТРОФА?

5. 1. Гуманитарная катастрофа в терминах социологии

В предыдущих главах мы рассмотрели суть критического состояния некоторого общественного организма (города) и формы его воздействия на природу и людей, способы его смягчения или устранения [Яницкий 2013, 2013а]. Крайней степенью критического состояния некоторого социального организма является *гуманитарная катастрофа*, понимаемая мною как тотальное разрушение природной и социальной среды его обитания, вызывающее массовый исход и страдания населения вследствие голода, физического и психического истощения, эпидемий, отсутствия жизненно необходимых лекарств и средств существования. Представляется, всякая катастрофа, в конечном счёте, становится гуманитарной.

Однако несколько принципиальных вопросов остаётся невыясненными. Во-первых, данная катастрофа – это состояние субъекта, объекта или же это некоторый субъектно-объектный феномен? Думаю, что последнее, потому что социальные общности и среда их обитания сегодня связаны настолько тесно, что разделить их попросту невозможно. Во-вторых, всякая катастрофа по существу является гуманитарной, поскольку наносит ущерб человеку и его среде обитания (даже если углубиться в историю человечества, то периоды похолоданиями, в частности, малый ледниковый период, также были гуманитарными катастрофами). В-третьих, какого масштаба субъект-объект имеется в виду? Исходя из принципа глобальности, его масштаб, по крайней мере, теоретически, должен быть также глобальным, тем более что человеческая история уже дважды в течение XX века явила нам их в виде первой и второй мировой войны. Сегодня, по мнению некоторых аналитиков, уже началась третья мировая война, пока что «холодная». Если современный мир – это общество глобального, то есть всеобщего, риска [Beck 1999; Yanitsky 1998, 2000], то рассмотрение гуманитарных катастроф меньшего масштаба надо вести именно в этих предельных рамках. В-четвёртых, даже если предметом научного анализа является «ло-

кальная» гуманитарная катастрофа (город, регион, природная экосистема), то её последствия, согласно концепции социально-экологического метаболизма [Fisher-Kowalski and Haberl 2007; Яницкий 2013], вполне могут быть глобальными, как это показали катастрофы на Чернобыльской и Фукусиме-1 АЭС. Наконец, сегодня вне зависимости от того, чьи интересы затрагивает та или иная катастрофа, эта катастрофа практически любого масштаба может быть квалифицирована как гуманитарная.

Так, если судить по сообщениям современных СМИ, то таким субъектом может быть один или несколько индивидов, группа или местное сообщество и даже население целого региона или континента. В первом случае речь идёт о социально значимых, публичных фигурах, коими, например, являются журналисты, работающие в «горячих точках». Во втором, как это недавно случилось в Ираке, речь идёт о группе беженцев, блокированных террористами в горном районе и умирающих без воды и пищи. В третьем, как это было в 2004 г. в Юго-Восточной Азии, речь уже идёт о сотнях тысяч погибших и пострадавших от мощного землетрясения и вызванной им гигантской волны.

В политологии и теории международных отношений сложилось некоторое институциональное разделение: проблемами пострадавших (пропавших без вести и т. д.) индивидов и малых групп занимаются неправительственные правозащитные и благотворительные организации, в то время как массовыми катастрофами занимаются правительственные структуры и надгосударственные организации (ООН, Международный Красный Крест). В первом случае речь идёт, прежде всего, о соблюдении, гражданских прав и свобод, которые были нарушены в ходе войны, тогда как во втором – о продовольственной, медицинской и иной гуманитарной помощи массам пострадавших от природных и социальных катастроф. Деятельность и тех и других организаций также является предметом социологического анализа. Однако чтобы понять, как они должны действовать, прежде всего, надо уяснить суть и характер произошедших изменений на месте и вокруг.

Представляется, что в данном случае главной проблемой для социологии и политических наук является *изменение социального порядка*: критическое в зоне катастрофы и в разной степени значительное (рискогенное) в районах прилежащих к данной зоне и более от неё удалённых. В данном случае изменение социального порядка трактуется мною расширительно: как *тотальное изменение всей среды обитания человека, группы и сообщества*, начиная от состояния природной среды и социальной инфра-

структуры и до деформации (вплоть до полного бездействия или тотального разрушения) существовавших до катастрофы социальных институтов.

А возможна ли гуманитарная катастрофа без внешнего воздействия? Вопрос выглядит провокационным только на первый взгляд. Население критического ареала постепенно сокращается (или даже растет за счёт приезжих), природная среда ещё не подает сигналов SOS, социальные институты как-то функционируют, образ жизни как-то устоялся и внешне может казаться даже стабильным и т. д. Но такое медленное угасание, если его не остановить, – тоже форма гуманитарной катастрофы. Потому что совокупный социальный капитал местного населения сокращается, институты поражённого ареала всё менее отвечают вызовам времени, потому что потребление берёт верх над производством общего блага, а иждивенчество процветает. Наконец, потому что (со)общество, которое не воспроизводит ни себя, ни среду своего обитания, в конечном счёте, обречено на распад и разложение. Медленное угасание системы, а потом резкий слом, – такой сценарий хорошо известен не только экологами. Он вполне применим и к сценарию «гуманитарная катастрофа без катастрофы». Например, если реформа пенсионной системы РФ не будет решена должным образом. Вообще, причины гуманитарной катастрофы могут быть самые разные – экономические, социальные, природные. Но её суть одна – разрушение социального организма, будь то посёлок, малый город или мегаполис, и выделение в ходе этого процесса энергии распада.

5. 2. Это – форма общества всеобщего риска

Почему теоретически и практически важно квалифицировать её именно таким образом [Yanitsky 2011, 2011a, 2010, 2010a, 2004в, 2000, 2000a, 1998; Beck 1999]? Прежде всего, потому, что производство рисков, производимых современными войнами, охватывает в равной мере институциональные системы, социальный порядок и мир повседневной жизни, как человека, так и природных экосистем. То есть это всеохватывающий социальный риск без пространственно-временных границ. Порождаемые любой катастрофой процессы социального метаболизма так же важны, как и круговорот вещества в природе. Далее, распространение последствий гуманитарной катастрофы носит нелинейный, скачкообразный и вероятностный характер. Например, радиоактивное загрязнение после Чернобыльской катастрофы в Белоруссии носило «пятнообразный» характер (в ходе интер-

вью с местными охотниками выяснилось, что они составляли для себя са- модельные карты таких «пятен»).

Обеспокоенность населения также не зависела напрямую от расстоя- ния от источника катастрофы. Известен пост-чернобыльский феномен «старожилов», то есть людей вернувшихся в свои дома и продолжавших там жить, находясь тем самым в зоне наиболее высокой радиационной опасности. Затем, если в момент своего возникновения продукты распада имели одну поражающую способность, то «в пути», взаимодействуя с дру- гими элементами распада или среды (вода, воздух, почва), эта поражающая способность может возрасти многократно. Наконец, «поражающие эле- менты» (например, радиоактивные и химически опасные вещества, но также и отдельные люди и их сообщества) могут неопределённо долго на- ходиться в «спящем» состоянии, пока какие-то процессы внутри них са- мих, равно как и внешние воздействия, не активизируют их. Вот почему так опасны резкие колебания климата планеты – в биосфере все процессы очень тонко сбалансированы. Если среднемесячная температура повыша- ется или понижается всего на какие-нибудь 1-2 градуса по Цельсию, жди непредвиденных рисков.

Повторю общий вывод: все современные способы производства, включая капиталистический и социалистический, производят риски. Ката- строфы являются лишь «нормальными несчастными случаями» (Ч. Перроу) любого способа производства. Поэтому на планете уже прак- тически нет абсолютно безопасных мест – есть места только более или ме- нее безопасные. И что самое неприятное, эти места сегодня могут быть от- носительно безопасными для жизни, а завтра – нет. Поэтому усилия со- циологов совместно с представителями других наук должны быть в равной мере сосредоточены как на возможно раннем определении грядущей ката- строфы, так и на ликвидации её ближайших и более отдаленных последст- вий.

5. 3. Рамки определения: количественные или качественные?

Исходя из сказанного выше, у любой гуманитарной катастрофы тео- ретически и практически не может быть чётко очерченных границ, не только территориальных, но даже и в четырёхмерном пространстве. Лишь само общество в силу своей культуры, традиций, социального порядка и ресурсных возможностей определяет условную границу гуманитарной ка- тастрофы и назначает ответственных за ликвидацию её последствий. Ана-

лиз катастроф в современном обществе свидетельствует о политически ангажированности как самого процесса квалификации того или иного события как гуманитарной катастрофы, её субъекта, определения субъекта, ответственного за её возникновение, так и ресурсов, необходимых для ликвидации или смягчения её последствий. Получается, что, легитимация некоторой катастрофы именно как гуманитарной и, тем более определение набора мер и ресурсов для её преодоления, – вещь в современном мире *относительная*. В зависимости от политической ситуации и наличия ресурсов государство или международная организация объявляет данную критическую ситуацию «чрезвычайной ситуацией», «геноцидом» или даёт ей другую квалификацию.

Если возьмём последние критические события в Донецкой и Луганской областях Украины, то, прежде всего, выделяются такие качественные характеристики, как гибель мирных граждан и их бегство из разрушенных поселений, разрушение жилищ и всей транспортной, инженерной и социальной инфраструктуры городов, риски, возникающие вследствие повреждения химически опасных производств, нефте- и газохранилищ, вероятность возникновения эпидемий. Для нашего рационального и технократически-ориентированного века весьма показательным, что такие признаки гуманитарной катастрофы, как разрушение *собственно социальной ткани города* или сообщества, потеря социального капитала его населением, а также долговременные последствия для здоровья и психического состояния тех, кто остался в живых, выявляются очень редко. И практически они никогда не оцениваются количественно (время и ресурсы, необходимые для реабилитации).

По тому, как мир и общество реагируют на гуманитарную катастрофу, как борются с её последствиями, можно определить, *насколько это общество гуманно* и вообще – какие ценности в нём преобладают. Как показывает мировая практика, общество под воздействием гуманитарных катастроф практически не меняется и использует привычные для него экономические и социальные практики реабилитации. Главный принцип: получить от участия в этом процессе экономическую выгоду и политический престиж, прежде всего на мировой арене. Нужно чтобы случилась действительно тотальная национальная катастрофа, в результате которой изменится моральное состояние большей части общества, как это произошло, например, в послевоенной Германии. Тогда общество «прозреет».

Чаще всего именно непосредственные культурные и социальные последствия катастрофы, и тем более – отдалённые (10-20 лет), никем не

оцениваются, а конкретные реабилитационные усилия в качестве плановых заданий распределяются по ведомствам. Разве кто-нибудь из коллег-социологов или работников ведомственных структур пытался оценить долговременные социокультурные последствия лесных и торфяных пожаров 2010 г. или наводнения в Уссурийском регионе в 2013 г.? Между тем, гуманитарная катастрофа может оказать на общество как мобилизующее, модернизирующее, так и тормозящее воздействие. После Чернобыльской катастрофы система АЭС была проверена и частично модернизирована, но в самом обществе сколько-нибудь значимых социокультурных изменений не произошло: распад СССР, слом всей социальной системы вытеснили вопрос о последствиях Чернобыля с первых строк национальной повестки дня. Напротив, эти последствия старались преуменьшить или вовсе замолчать. Гуманитарная помощь, которую РФ оказывает населению Донбасса, своевременна и важна, но на ход разрешения сложившейся там критической ситуации она вряд ли окажет решающее воздействие.

5. 4. Её инерционность и трансформативность

Посмотрим, насколько соответствует нашей задаче концепция «стрелы времени», отражающая саморазвитие материи и ускоряющейся динамики человеческих сообществ [Пригожин, Стенгерс 2000] и, следовательно, как фактор, детерминирующий этапы катастрофы. Их, на первый взгляд, три: (1) пред-катастрофный период; (2) время самой катастрофы и (3) период пост-катастрофного состояния поражённой территории и/или человеческого сообщества.

Хотя гуманитарная катастрофа действительно развивается во времени, очевидно, что данное трёхчастное деление является упрощённым. Начать с того, что в каждом конкретном случае временные границы каждого из названных этапов более чем относительны. В самом деле, длительность первого этапа катастрофы зависит как от характера надвигающегося природного или социального бедствия (торнадо, аномальная жара, пожар, землетрясение, социальный конфликт, вооружённое столкновение), так и от состояния социальной и природной среды в той зоне, где ожидается или уже начала разворачиваться гуманитарная катастрофа. Природный и социальный мир настолько разнообразен, а реакция на катастрофу зависит от множества трудно предсказуемых факторов, что сценарии её развития построить очень трудно. Кто мог предсказать, что майдан осенью 2013 – зимой

2014 гг. в одной точке (г. Киеве) выльётся в полномасштабную гражданскую войну с глобальными политико-экономическими последствиями?

Социолог или политолог может приблизительно предсказать время возникновения гуманитарной катастрофы только в том случае, если им известны все «действующие лица» и «привходящие обстоятельства». Но в том-то всё и дело, что *гуманитарная катастрофа динамична*: по мере её развития одни её агенты теряют силу, другие, напротив, её увеличивают. По мере её развития в неё вовлекаются новые игроки, в том числе международные. Очевидный пример: развитие гуманитарной катастрофы в Сирии в 2012-14 гг., в Украине и в Ираке летом 2014 г.

Как отмечалось нами ранее [Яницкий, 2013б], в теории природных катастроф огромное значение имеют «афтер-шоки», то есть повторяющихся с разным интервалом времени и силы удары стихии. Но бывают и политические афтер-шоки, как это случилось недавно в Египте. Имеют значение также размеры и характер территории, на которой эти шоки повторяются. Одно дело, если это редко разбросанные посёлки в лесах Сибири, и совсем другое, если это – плотно заселённая высоко урбанизированная территория, как это случилось в московском регионе в 2010 г. или в столице Турции в 2014 г.

Потом, какой ожидается социальный и/или политический ответ на данный вызов? В каком политическом и социально-экономическом контексте этот вызов будет встречен? Борьба за новые рынки плюс безответственность (или, напротив, заинтересованность некоторых мировых игроков в разжигании конфликта) бюрократических структур разного уровня, их символическое поведение (стереотипные рапорты «наверх», что «всё под контролем»), резко отличающееся от их реальных действий, – всё это неблагоприятные условия для мобилизации сил и средств на предотвращение или смягчение последствий гуманитарной катастрофы. Как правило, в период катастрофы даются большие обещания, но они далеко не всегда выполняются. Но об этом ниже.

А можно ли сделать так, чтобы хотя бы некоторых видов катастроф не было вовсе? Например, лесных пожаров? Кажется, что это невозможно. Но приведу мнение руководителя Лесной программы Гринпис-Россия А. Ярошенко: «Исключить пожары совсем, наверное, нельзя. Но свести их к минимуму можно. К примеру, в конце XIX века одним из наиболее горящих регионов Российской империи была Финляндия. Сейчас Финляндия не горит, причём не горит настолько, что они годами не могут обучить своих специалистов тушению крупных пожаров, потому что у них их нет.

Глава 5. Гуманитарная катастрофа?

Власти этой страны отправляют своих пожарных на обучение за границу, в те страны, где эта проблема сохранилась, в том числе к нам и в Испанию. Этот пример говорит о том, что в принципе проблему решить можно, но для этого нужны десятки лет полноценного развития лесного хозяйства» (из интервью автора с А. Ярошенко, 2012 г.).

Обращаю внимание читателя, что подготовительный период, хотя и короткий, существует, когда катастрофа *уже* случилась. Существует так называемая концентрическая концепция катастроф. Суть её проста и хорошо известна всем, профессионалам, гражданским и военным: от эпицентра катастрофы (или её «начала», скажем, выхода цунами на берег) и до того места, где её разрушительная энергия окончательно иссякнет, проходит определённое время. То есть, она уже где-то ударила, но до пункта N она ещё не дошла, и есть время на мобилизацию сил и средств.

Наконец, есть ещё два взаимозависимых типа *социального* и *политического времени*, оказывающих существенное влияние на время подготовки к надвигающейся катастрофе. Это, во-первых, время «вращения» бюрократической машины, которая может, а может и не прореагировать на надвигающуюся опасность вообще. И, во-вторых, время, необходимое учёным, на распознавание, освоение и практические выводы относительно «вдруг» возникающих лакун не-знания (knowledge gaps). Иногда это просто бывают недалёковидные расчёты. Цунами, обрушившееся на юго-восточный берег Японии, было несколько ослаблено отбойной стенкой вдоль берега. Но одновременно эта стенка не позволила подойти к нему спасательным судам, чтобы начать восстановительные работы на АЭС Фукусима-1 и оказать первую помощь пострадавшим.

Поэтому, исследователь Линделл, отмечая общепринятое деления фаз катастрофы на предшествующую ей фазу, время самой катастрофы и пост-катастрофный период, оговаривается, что это – лишь самая общая схема. В действительности некоторые катастрофы имеют периодически повторяющийся характер (например, афтер-шоки после основного землетрясения), вторичный характер, когда в результате катастрофы происходит новая утечка радиоактивных и других веществ, опасных для жизни, и т. д. Поэтому, говорит он, точный тайминг фаз катастрофы затруднителен. Альтернативная концепция фаз катастрофы определяется в терминах смягчения её эффекта, готовности к катастрофе, мобилизующему ответу на неё и устранению её последствий. Однако, отмечает Линделл, «этот подход не был принят как единственно возможный, тем более что названные фазы скорее не фазы, а функции. Более того, они не взаимоисключающи, потому

что, например, “смягчение” и приготовление к катастрофе могут в ходе первой фазы осуществляться параллельно. Такое же перекрытие фаз случается и в пост-катастрофный период, когда одни члены местного сообщества, которое было подвергнуто удару стихии, были заняты ликвидацией её последствий, тогда как другие начинали восстановительные работы и оказывали помощь пострадавшим. Во всяком случае, часто смягчение (устранение) последствий катастрофы выполнялось одновременно с оказанием подобной помощи» [Lindell, 2011: 2].

Определение времени *самой катастрофы* также проблематично по нескольким причинам. Во-первых, если мы возьмём, например, лесные пожары или землетрясения, то эти удары стихии могут повторяться или накладываться друг на друга. Пожар может быть потушен в один приём, или же на то, чтобы добиться желаемого результата, необходимо длительное время (несколько недель непрерывных дождей, пониженная температура воздуха и др.). При разборке завалов после катастрофы могут случиться обрушения зданий и конструкций, обнаружение тлеющих источников ядерного поражения, ранее недоступных для спасателей из-за этих самых завалов и многих других ранее скрытых источников опасности. Они, как правило, быстро локализуются. Но, как это случилось на АЭС Фукусима-1 в Японии, более чем через месяц после землетрясения и цунами обнаружилось, что утечка радиоактивной воды, охлаждавшей поврежденный реактор, в прибрежные воды продолжается. Если вернуться к аварии на Чернобыльской АЭС, то в том случае тоже до сих пор не ясно, что можно считать окончательным завершением второй фазы: дезактивацию прилегающей к ней территории, отселение людей или строительство саркофага?

А вот другой вопрос: как оценивать время катастроф, таких, как, например, «случайное» обнаружение полсотни скотомогильников в Сибири, в которых находятся трупы скота, заражённого сибирской язвой? Как то время, когда они были обнаружены, или отсчитывая время катастрофы от того момента, когда эти «бомбы замедленного действия» были заложены ещё в советское время? Вот строки из скупых сводок Роспотребнадзора: «...в Центральном федеральном округе на территории трёх его субъектов расположены восемь сибиреязвенных скотомогильников, которые в период паводков могут быть затоплены (Ивановская область – два, Курская область – два, Смоленская область – четыре). Ситуация может осложниться при затоплении некоторых из указанных скотомогильников, так как у них не определена хозяйственная принадлежность и некому будет приводить их в надлежащее состояние в случае их разрушения». Или, наконец, счи-

тать ли время такой катастрофы по времени введенного в ряде районов Алтайского края карантина по сибирской язве? В целом по России только от контактов с очагами природных инфекций (геморрагическая лихорадка, клещевой энцефалит, болезнь Лайма и др.) заболевают более 30 тыс. человек, а «ежегодно умирают 30 человек и, кроме того, многие больные становятся инвалидами» [Власова, 2012: 15]. А если учесть при этом процессы социально-экологического метаболизма и, в частности, перенос по воде и воздуху миазмов этой смертельной болезни или радиоактивных частиц, полупериод распада которых составляет 50, 100 и даже 1000 лет, то вопрос о продолжительности времени второй фазы катастрофы становится практически неразрешимым.

В ещё большей степени тезис о неопределённости временных границ катастрофы относится к её третьей фазе: реабилитации. Ведь, по сути, она складывается из действий, которые можно отнести ко всем трём фазам. Одни люди и организации заняты поиском, локализацией и ликвидацией оставшихся очагов катастрофы. Другие в это же время уже приступают к действиям по реабилитации людей, социальных сообществ и природных экосистем. Третьи – уже заняты работой по совершенствованию методов борьбы с новыми катастрофами, или – борьбой с повторным (как это было летом 2012 г. на Кубани) наводнением, хотя и менее разрушительным чем то, которое снесло г. Крымск и станицу Баканскую в июле. К тому же, повторные катастрофы, хотя и меньшей разрушительной силы, наносят значительно больший урон природе и людям, если они «падают» на изувеченные предыдущей катастрофой территории и ослабленное и напуганное население.

Строго говоря, в современных условиях крупные *катастрофы имеют начало, но не имеют конца*. Если же исходить из высказанного выше постулата, что катастрофы суть кумуляция цепи событий повседневности, то тогда можно сделать ещё более общий вывод: *катастрофы не имеют ни начала, ни конца*. А представляют собой некоторые критические «пики» кумулятивного развития повседневных практик. Что, в свою очередь, является подтверждением гипотезы, согласно которой «в настоящее время активно формируется новая нелинейная глоболокальная социальная реальность» [Кравченко, 2009: 5]. Видимо были правы те, кто назвал ситуацию в Европе последнего десятилетия не «кризисом», а «турбулентными временами». Тем более это справедливо сегодня, причём уже для всего мира. То есть история развивается не отдельными критическими или кризисными периодами, а именно «сплошной полосой» малых и больших рисков и ка-

тастроф, что вполне соответствует сути процессов глобализации и концепции общества всеобщего риска.

Вывод: действия по ликвидации гуманитарной катастрофы должны осуществляться *одновременно*, как в отношении пострадавших, так и в отношении разрушенной среды обитания. То есть действия по устранению/локализации «средовых источников опасности» (рисков) должны осуществляться *параллельно* с оказанием помощи пострадавшим (их вывоз и размещение в безопасных местах, неотложные меры по их лечению и последующей реабилитации).

5. 5. Бюрократия как непреодолимый барьер

Потоки информации, извещающие о приближении или уже состоявшейся гуманитарной катастрофе, идут из самых разных источников: от научного сообщества, от политиков и других публичных фигур, от специальных служб наблюдения и оповещения и, наконец, от самого населения. Но все эти потоки завязаны в одной точке: бюрократии отечественной и международной.

Бюрократия как особая отрасль квази-рыночного хозяйства не может быть гуманистически ориентированной. Чем больше транзакций, то есть процедур согласований, подтверждений и т. д. (читай: препятствий) она создаёт на пути гуманитарной помощи к пострадавшему населению, тем больше её прибыль и тем выше политический престиж. Международная бюрократия, включая организации, прямой обязанностью которых, является помощь пострадавшему населению (например, Международный Красный Крест), преподнесла недавно всему миру пример своей «тормозящей» эту помощь (в интересах определённых политических сил) роли. После всех возможных политических согласований и получения нужных бумаг (что заняло не одну неделю), российский гуманитарный конвой помощи страдающему населению Донбасса простоял на российско-украинской границе ещё целую неделю.

Удивительно, но факт: главной заботой работников этой международной организации была не помощь страдающим людям, а прежде всего собственная безопасность! Но, уважаемые господа из Женевы, там же шла война, там по определению не может быть для вашего персонала абсолютной безопасности – даже не от обстрелов, а от разрушений и рисков, причинённых этими обстрелами. Или же реальная помощь пострадавшим может быть оказана только волонтёрами, да специалистами, поехавшими

Глава 5. Гуманитарная катастрофа?

спасать людей в зону боевых действий на свой страх и риск? Потребовалось ещё 10 дней, чтобы вопрос доставки гуманитарной помощи мог быть (и тогда только в принципе) решён на совещании президентов Белоруссии, Казахстана и России плюс полномочного представителя ЕС!

Правительство России уже оказало, и впредь будет оказывать гуманитарную помощь мирному населению Донбасса. Такое же намерение выразили Казахстан, Белоруссия и некоторые другие страны СНГ. Но что же гражданское общество Европы и упомянутых стран? Есть версия, что политические партии ЕС и связанные с ними общественные движения, опасаясь обвинений во вмешательстве в конфликт третьих стран, тоже оказывают гуманитарную помощь, но руками «нейтральных» гражданских организаций. Во всяком случае, следует различать волонтёрские организации государственные и гражданские [Яницкий, 2014в]. Однако достоверно известно, что, например, известная в России гражданская организация «Справедливая помощь», созданная врачом-реаниматологом Елизаветой Глинкой, уже не раз оказывала пострадавшему населению Донбасса через свой фонд [Фонд доктора Глинки..., 2013]. Но есть и собственно европейская организация «Европейский фронт» [2013], а также Гуманитарный батальон «Новороссия» [Гуманитарный батальон..., 2014].

Но даже когда речь идёт о катастрофе в такой высокотехнологичной стране, как Япония, к тому же обладающей многовековым опытом борьбы с последствиями самых разных катастроф, бюрократическая машина остаётся непреодолимым препятствием для оказания срочной гуманитарной помощи. Авария на АЭС Фукусима-1 произошла 11 марта 2011 г. Но только в декабре стали публиковаться списки погибших и начались подсчёты числа беженцев. К тому же их статус не был определён. Хотя официальной зоной эвакуации была объявлена зона с радиусом в 20 км, эксперты утверждали, что она должна быть радиусом не менее 80 км. Система мониторинга зоны, находящейся в непосредственной близости от реакторов, и до сих пор не выработана, а квалификация экспертов, привлечённых к этой работе, оказалась недостаточной. Так, информация о поражённых радиацией продуктах питания появилась лишь в июле-августе 2011 г., а данные об окончательных сроках ликвидации последствий радиоактивного заражения колебались от 10 до 30-40 лет. Своевременная и достоверная информация о масштабе и рисках катастрофы, особенно в первые дни после начала аварийной ситуации, отсутствовала, что вызвало панику среди населения всего столичного региона. «Власти по несколько раз меняли нормы допустимого облучения, и в результате окончательный вариант безо-

пасной дозы в 20 раз превышал первоначальный». Причины взрыва реакторов до конца так и не выявлены. Была создана масса комиссий, национальных и международных, но их выводы были опубликованы лишь частично [Новикова, 2013: 8, 11, 12, 14].

Но ещё более существенно, что эта комплексная природно-техно-гуманитарная катастрофа ничуть не изменила общей стратегии развития страны. Хотя вновь обострила проблему жертв радиационного заражения («хибакуся»). Эта проблема «носит комплексный характер. Во-первых, люди, пострадавшие от ядерного заражения в различных дозах, требуют специализированного медицинского наблюдения. Так и не выяснен пока вопрос о компенсациях жителям всей префектуры Фукусима, и не только их объём, но будут ли они выплачены вообще. Во-вторых, среди населения, не пострадавшего от ядерного заражения, *хибакуся* могут вызывать самые разные чувства, включая негативную реакцию: начиная с зависти... и заканчивая паническим страхом». Поэтому жители не пострадавших <от этой аварии> районов очень неохотно принимают у себя пострадавших, опасаясь переноса радиационного заражения. «При переселении в другую местность *хибакуся*, таким образом, могут оказаться в изоляции, которая, как свидетельствует история японского общества, может стать едва ли не страшнее <самого> ядерного заражения» [Новикова, 2013: 30].

Наконец, А. Новикова отмечает, что международные эксперты выделяли три типа отношения в посткатастрофном политическом дискурсе: «прежний курс», «новый курс» и «обратный курс». Сторонники «нового курса» рассматривали природное бедствие как проверку готовности страны к ядерному удару. Сторонники «прежнего курса» акцентировали вопрос совершенствования национальных сил самообороны. Сторонники «обратного курса» призывали к разоружению и критиковали хорошо известный нам принцип «покорения природы». Естественно, что победили сторонники «прежнего курса» [Новикова, 2013: 33-34].

5. 6. Пределы и способы устранения (смягчения) последствий

Пределы – это пределы возможностей такой помощи. История социологии и сама социальная практика уже давно показали, что ключевой вопрос здесь – это сохранение и воспроизведение первичной эко-структуры [Яницкий, 2013б; Yanitsky, 2012] на прежнем или на новом месте. Скорость разрушения всегда превышает (иногда на несколько порядков) скорость восстановления, реабилитации, а главное – возможности развивать-

ся, двигаться вперед, идти «в ногу с быстротекущим временем». Ещё в прошлом столетии социологи показали, что даже при самых благоприятных условиях, как это было, например, при освоении мигрантами из Европы территорий Среднего и Дальнего Запада в США, их адаптация к новым условиям наступала, как правило, лишь в третьем поколении. Как известно, столыпинская идея освоения Сибири переселенцами из сельских районов Центральной России тоже не сработала. Наши наблюдения над судьбой погорельцев в результате лесных и торфяных пожаров в Центральной России показали, что 2-3 года – это срок лишь первичной реабилитации. И это при том, что эти люди практически не меняли ни места жительства, ни работы, а только переехали в новые дома [Yanitsky, 2012]. Так что модель современного человека «в легких тапочках и с мобильником в руке» (З. Бауман) не годится не только для России, но и для большинства населения земного шара. Особенно если оно придерживается иных, нежели христианство, религиозных конфессий. Сегодня российское правительство приняло беженцев из Донбасса, оказало им первую помощь и предоставило жильё и работу, но как смогут они интегрироваться в совершенно иные условия жизни, скажем в Якутии или Сибири, и сколько это займёт времени, – вопрос открытый.

Теперь – о способах устранения и смягчения. В работах российских исследователей выделяются два сценария адаптации на новом месте: приспособительный и адаптационный [Кузнецов, 2006; Кузнецов, Мукомель, 2005]. Как подчёркивает Е. Арутюнова, фактически приходится приспосабливаться обеим сторонам, поэтому «имеет смысл говорить о взаимной интеграции/адаптации» [Арутюнова, 2014: 52]. Сегодня есть явное противоречие между местным, условно автохтонным населением и постоянными и временными мигрантами (гастарбайтерами). Противоречие, которое проявляется практически повсеместно, но особенно остро – в сельской местности на юге России, где плотность населения высока [Монин, Беребицкий, 2011; цит. по: Арутюнова, 2014].

Теперь – о способах устранения и/или смягчения последствий гуманитарной катастрофы (я говорю именно о них, а не о финансовой и иной помощи молодым людям, нацеленным на социальную мобильность). Здесь я вступаю в противоречие с цитированными и многими другими авторами, занимающимися проблемами приспособления и адаптации. Во-первых, ими почти никогда не рассматривается вариант дезадаптации или, точнее, попытки сохранить целиком свою этнокультурную идентичность и, более того, постараться навязать её другим, по крайней мере, своему ближайше-

му окружению. Что происходит сегодня сплошь и рядом в странах Европы, Азии и Африки. Во-вторых, при приспособлении и тем более при адаптации часть прежней культуры мигранта неизбежно теряется, и ещё надо исследовать, что это факт – положительный или отрицательный. Во всяком случае, как показывает история переселенцев из Европы в Америку, из Африки в Европу такой человек неизбежно становится «маргиналом», двуликим Янусом. Он один – в новой для него среде, и совсем другой – в среде своих компатриотов. И такое раздвоение личности вредит его психическому здоровью и опасно для окружающих, если мигрант «вдруг» забудет в какой именно среде, своей или чужой, он находится. В-третьих, если гуманитарная помощь вдруг кончается, то это является ударом по психике мигранта, что, как показывает та же история США, это может привести к социальному взрыву. Если же, как в некоторых странах арабского мира гуманитарная помощь мигранту является постоянным источником его существования в течение двух-трёх поколений, то, скорее всего, сформируется тип личности, который О. Шпенглер обозначил в своё время как «кочевника, паразита, жителя больших городов». Что мы сегодня наблюдаем в США и ЕС. Часть мигрантов уходит в криминал, или же они становятся «лишними людьми». Наконец, до сих пор до конца нерешённой проблемой является переход от адресной поддержки вынужденных переселенцев гуманитарной помощью к жизни в обезличенной городской среде, так сказать, на общих основаниях. С другой стороны, как справедливо заметила та же Е. Арутюнова, взаимная адаптация/интеграция – далеко не безоблачный процесс, потому что приток мигрантов создаёт (особенно в российской глубинке) конкуренцию на весьма ограниченном местном рынке труда плюс проблемы несовместимости жизненных укладов.

Сказанное выше не означает, что субъекты гуманитарной катастрофы являются навсегда потерянными людьми. Это лишь означает, что переход от состояния субъекта этой помощи к жизни в новых условиях «на общих основаниях» есть долгий процесс, обременённый трудностями, потерями и конфликтами.

5. 7. Что в результате?

Статус человека, оказавшегося в условиях гуманитарной катастрофы, и его переход в статус «рядового обывателя» исследован ещё недостаточно. Однако уже ясно, что, осмотревшись на новом месте, вынужденные переселенцы будут требовать для себя некоторых привилегий или даже осо-

Глава 5. Гуманитарная катастрофа?

бого статуса. Так или иначе, гуманитарная катастрофа и её последствия – область, малоизученная социологами. «Просто мигранты» и беженцы и/или вынужденные переселенцы, пережившие ужасы гуманитарной катастрофы (бомбежки, потерю имущества, смерть близких родственников и, как результат, стресс или психический надлом) – это разные социальные категории.

Бюрократия – это труднопреодолимый барьер для гуманитарной помощи, и он будет лишь расширяться и усложняться, потому что бюрократическая машина, в особенности, международная, только и может существовать за счёт создаваемых ею же всё новых правил и ограничений (на более элегантном социологическом языке, «тотальной кодификации»). Так что своевременная и адресная помощь может приходить только от гражданских организаций. Некоторые весьма уважаемые мною авторы уповают на формирование сложного гуманистически ориентированного общества [Кравченко, 2014]. Однако параллельно идёт и противоположный процесс: распада сложных социальных систем и/или их объединение в политически ориентированные «кластеры», использующие во всё большей мере обман, дезинформацию, прямое насилие или угрозу его применения. В руках лидеров этих «кластеров» гуманитарная помощь – лишь орудие достижения своих военно-политических (геополитических) целей.

Те социологи, которые являются сторонниками теории всеобщей мобильности (мобильности всего и вся), как, например, Дж. Урри [Urry, 2008], не берут в расчёт, что есть и непрерывно растёт категория людей, для которых мобильность в её современных формах означает критические социальные и психические потери. Эти учёные также забывают об обратной стороне медали: о людях, которых бедность и бесправие привязали к одному месту, где им нечего есть и некуда идти. У современной глобализации всегда есть тёмная сторона: нищета, голод, отсутствие гражданских прав и свобод, а главное – перспектив стать нормальными членами «свободного общества», которое им каждый день показывают по телевизору. Это – то состояние, которое я обозначил выше как гуманитарную катастрофу без катастрофы.

ГЛАВА 6. САМОСОХРАНЕНИЕ В КРИТИЧЕСКИХ ЗОНАХ

6. 1. К определению понятия

Самосохранительное поведение – это поведенческая норма для социального порядка любого общества. Норма, заложенная в человеческую популяцию генетически, и поддерживаемая социально. Кризис, критическое состояние, катастрофа, революция суть также специфические формы социального порядка, детерминирующие специфические образцы самосохранительного поведения. В самом общем виде самосохранительное поведение индивида или группы в критических условиях может быть определено как совокупность их усилий (действий), направленных на сохранение жизни, здоровья, имущества и накопленного социального капитала. Одной из важнейших целей данного типа поведения является сохранение своей первичной социально-экологической структуры [Yanitsky, 2012].

Способы самосохранительного поведения индивида или группы целиком детерминируются степенью критического состояния всей среды их обитания и теми материальными, информационными и иными ресурсами (возможностями), которыми индивид и группа обладают в данном месте и на данный момент времени. Поскольку критическое состояние сообщества может возникать как неожиданно (природная или техногенная катастрофа), так и формироваться постепенно в результате длительного социально-политического или экономического кризиса, то ступени (фазы) эволюции самосохранительного поведения будут различными. Важной стороной этого специфического типа поведения являются формы адаптации пострадавших индивидов или групп к новым условиям «нормального» человеческого общежития. Естественно, что формы самосохранительного поведения на разных этапах критической ситуации и выхода из неё могут быть как активными, так и пассивными.

В отечественной литературе проблема самосохранительного поведения разрабатывалась в основном Л. С. Шиловой, но по преимуществу применительно к поведению индивида по отношению к первичному уровню

медицинского обслуживания с акцентом на способах социальной помощи населению и формах социальной политики в сфере здравоохранения [Шилова 1998, 1999а, 1999б, 2000, 2007, 2008, 2009 и др.]. В более широком поведенческом плане эта проблема изучалась коллективом под руководством В. А. Ядова [2010]. В макросоциальном ключе эта проблема исследовалась в рамках предложенной мною концепции *общества всеобщего риска* и возникающих в нём риск-солидарностей [Яницкий 2003, 2004, 2004а, 2004в]. Это – сугубо временные, ситуативные солидарности, порождаемые общностью высоко рискогенной среды, именно с целью самосохранения и выживания.

6. 2. Отличие критического состояния от катастрофы

Катастрофа, природная или техногенная, это – для властей и общества внезапное (хотя и предсказанное учёными или практиками) событие, которое требует немедленного вмешательства. Собственно говоря, именно для этого требуются МЧС, Лесная служба и другие государственные организации спасения людей, имущества и купирования других последствий катастрофы. Катастрофа, как считалось до недавнего времени, это именно событие, локализуемое во времени и пространстве. Типичными примерами таких событий являются Чернобыльская и другие катастрофы на АЭС, локальные или региональные лесные пожары в России или в других частях света, разрушительные последствия ураганов и тайфунов и т. п.

Напомню, что критическая зона (территория) – это постепенно формирующееся образование, возникающее в результате длительного противостояния враждующих сторон или их вооружённого конфликта. То есть, с моей точки зрения, причиной возникновения критических зон являются, прежде всего, борьба социально-экономических и политических интересов, то есть причины сугубо *социальные*.

Однако в современных условиях эти два явления (и соответствующие им понятия) сближаются. Во-первых, они оба из события (явления) постепенно трансформируются в многомерные процессы (потoki) негативных факторов и сил, распространяющихся по всему миру. Во-вторых, если последствия разрушений на месте (*in situ*), как, например, восстановление жилищ, инфраструктуры жизнеобеспечения, санацию и дезактивацию поражённых территорий, удастся купировать относительно быстро (за полгода – год), то вследствие процессов социально-экологического метаболизма места катастроф и вокруг них превращаются в критические зоны со всеми

вытекающими отсюда последствиями. Примеров такой трансформации множество: Ливан, Ирак, Ливия, сектор Газа на Ближнем Востоке, юго-восток Украины и т. д.

В-третьих, для нормального расследования причин катастрофы и разработки мер по её купированию нужно соблюдение трёх основных условий, а именно, заинтересованность всех заинтересованных сторон в таком расследовании, доступ компетентных лиц к месту катастрофы для изучения её последствий и «нетронутость» её следов.

Но в критическом случае эти базовые условия объективного расследования невыполнимы. Прежде всего, ситуация постоянно меняется извне и изнутри (даже если такой случай был сконструирован извне, то с некоторого момента он начинает «жить собственной жизнью»). Так, выясняется, что «вероятный противник» был подготовлен к боевому столкновению гораздо лучше, чем казалось противоположной стороне. Далее, доступ в критическую зону чрезвычайно затруднен и смертельно опасен. Заметим, что «точечная информация», даваемая журналистами с места событий, никогда не даёт целостной картины такого случая. Затем, поскольку критический случай – зона столкновения политических интересов противоборствующих групп, вряд ли они допустят туда независимых экспертов и наблюдателей. При всём моём уважении к экспертному сообществу, оно, как правило, политически ангажировано и т. д.

Наконец, помимо всего прочего, для современных гражданских войн характерно *несоответствие* между высоким интеллектуальным уровнем тех, кто способен профессионально строить сценарии развития критических ситуаций, и низким уровнем технической и организационной подготовки комбатантов. То есть, говоря социологическим языком, для построения сценария выхода из критического состояния нужен многосторонний лонгитюд, то есть длительное наблюдение за ситуацией изнутри и снаружи. Однако в обозначенных выше условиях он невозможен. Достаточно одного примера «подземной войны», которую ведет ХАМАС против Израиля, чтобы убедиться в правоте сказанного [Шафран, 2014: 7]. Но главная проблема в том, что тактическая цель выхода из данной критической ситуации достижима (снижение уровня «допустимых потерь»), а стратегическая, то есть уничтожение самой причины возникновения критических зон – нет. Как пишет Г. Мирский «в конечном счёте, Израиль уйдёт (из Газы – О. Ян.), а ХАМАС там останется... Но и уйти из Газы совсем, как оказалось, Израилю тоже нельзя: «...мы ушли из Ливана – получили «Хезболлу» с ракетами, ушли из Газы – получили ХАМАС с ракетами» [Мирский,

2014: 8]. Но и продолжать рискованно: вот уже в Париже развивается арабско-израильский конфликт [Сафронов, 2014: 13], что является типичным примером глобализации данного вида социального риска.

6. 3. Об идеологии самосохранительного поведения

Эта идеология порождена исторически сложившимся превосходством совокупной среды обитания (природной и социальной) над отдельным человеком, группой и даже общественным организмом. Поэтому человеку как существу биосоциальному и одновременно общественному присуще чувство самосохранения и необходимости создания для этого определённых условий или выбора определённой жизненной стратегии и тактики повседневного поведения.

Здесь я позволю себе маленькое литературное отступление. У книги З. Баумана «Wasted Lives» есть важный подзаголовок: «Modernity and its Outcasts». Речь, очевидно, идёт о париях современного общества, то есть о его дне, отходах, отбросах, лишних людях в прямом смысле этого слова. То есть о «социальном мусоре» (социальных отходах, о чём подробнее будет сказано ниже).

Эта линия анализа и критики всегда была очень сильна в русской и европейской культуре XIX века. «Отверженные» В. Гюго, «Тяжёлые времена» Ч. Диккенса, «Бедные люди» Ф. М. Достоевского, «На дне» М. Горького – это всё о людях, оказавшихся «мусором» (париями, по Бауману) того общества, однако не потерявших человеческого облика. Сравните речи персонажей из пьесы «На дне» или жителей московских трущоб из книги «Москва и москвичи» В. А. Гиляровского и современных бомжей или алкоголиков, равно как и таких отверженных, как арабская молодёжь, живущая десятилетиями в лагерях беженцев или вынужденных переселенцев, и вы увидите, общую тенденцию деградации культуры.

Что касается А. И. Герцена, то в его романе «Кто виноват» ставится нравственная проблема возвышения человека над социокультурной средой, его породившей и взрастившей. Иначе человек становится мещанином в худшем смысле этого слова (*narrow-minded*), то есть серостью, посредственностью. На Герцена как непримиримого критика мещанства ссылается Д. С. Мережковский. Вообще эта проблема «возвышения личности над средой» Герцена чрезвычайно заботила. Она сейчас ещё более актуальна в условиях потребительского общества и массовой культуры в худшем смысле этого слова.

Эта линия сейчас продолжается в западной социологической литературе под слоганом: «who have and who have not» или в рамках парадигмы «инклюзия – эксклюзия». Но у большинства западных авторов преобладает материальный обертон, иногда и чисто утилитарный, потребительский: проще накормить несколько тысяч не желающих работать или просто бездельников и дать им дешёвое жильё, чем тратить огромные средства на их образование, воспитание и медицинское обслуживание, тем более что образованных и воспитанных и так уже избыток.

Впрямую проблема «отбросов общества» (криминал, проституция, вымогательство, обман) исследовалась в художественной литературе в романе В. В. Крестовского «Петербургские трущобы», по которому был снят многосерийный фильм «Петербургские тайны» (1994-96). Ту же линию ранее развивал и французский новеллист Л. С. Мерсье, русский мистик О. Сенковский и многие другие.

Но вернёмся к теории. Здесь полюсами *рациональной дихотомии* для анализа самосохранительного поведения являются, с одной стороны, подчинение человека обстоятельствам (социальному порядку), а с другой, стремление действовать наперекор им, чтобы изменить социальный порядок или установить свой собственный. Но это – только в рамках рациональной дихотомии. Есть вариант дихотомии 2.0, то есть *дихотомии иррациональной*. Тогда на одном из её полюсов будет тоталитарное общество, то есть полное подчинение мыслей и действий человека сконструированной сверху среде его обитания. А на её другом полюсе – произвол и насилие (я не рассматриваю здесь «романтической» или утопический полюс, хотя в реальной жизни он играет вполне действенную роль).

Таким образом, весь вопрос о типе самосохранительного поведения упирается в проблему реального сочетания свободы и порядка в той среде, в которой социализируется, а затем живёт и действует данный индивид. Сам факт появления такой идеологии свидетельствует о том, что индивид вынужден заботиться о сохранении себя сам. В такой дилемме нет ничего необычного. Весь вопрос заключается в *соотношении конкретных параметров* существующего социального порядка и тех возможностей (ресурсов), которыми располагает индивид для самосохранительного поведения.

В этой проблеме есть обратная сторона: как себя вести, чтобы не стать парием («отходом», «мусором») современного общества? Здесь опять же есть несколько стратегий: полностью подчиниться его социальному порядку или, напротив, восстать против него? Попытаться навязать обществу некоторый новый социальный порядок, или же не сопротивляться существ-

вующему порядку и опуститься на «дно» общества? Или же, наконец, выбрать *ситуативную стратегию самосохранения*: каждый раз искать оптимум между желаемым и реально достижимым?

Как правило, «средний человек» (человек массового общества) выбирает именно последнее. Но этот его выбор существенно зависит от его жизненных установок, предпочтений и, не в последнюю очередь, – от среды его обитания, то есть от ценностей и форм жизненного уклада, присущих кругу его семьи, ближайших друзей и родственников, то есть от его первичной социально-экологической структуры.

6. 4. Критическая ситуация как среда обитания

Критический социальный порядок означает разрушение «нормального» (привычного) порядка жизни и регулирующих его фоновых практик. Вместе с тем, этот порядок есть среда, заставляющая находящегося в ней «нормального» индивида пересматривать присущую ему систему ценностей и повседневных практик под единственным углом зрения – самосохранения и выживания. То есть, в конечном счёте, формирование иного, отличного от «нормального» взгляда на окружающий его мир.

Критический социальный порядок – это отсутствие не только права жителей на жизнь и безопасность, но и отсутствие гарантий их основных гражданских прав и свобод: на жилище, труд, образование, медицинское обслуживание, права на свободное передвижение и волеизъявление, в общем – на всё. Внешние угрозы и риски, а также страх за собственную жизнь и жизнь близких, отсутствие средств существования – *основные «организаторы»* такого социального порядка в критических зонах. Вот некоторые ключевые семантические блоки, отражающие практику подобного порядка: «сами мы ничего не можем», «ничего не знаем», «ни на что не надемся» и т. п.

В сущности, критический порядок представляет собой совокупность приватизированных порядков. В социологической литературе преобладает точка зрения, согласно которой в «критических случаях» социальный порядок устанавливается и регулируется сверху (государством и его силовыми структурами). Эти структуры формируют и реализуют данный порядок посредством совокупности директивных (и даже насильственных) практик, легализуемых идеей отпора «внешнему врагу» и обеспечения национальной безопасности. Гражданская администрация имеет подчиненное значение, выступая в роли исполнителя директив силовых структур. Однако, как

было показано выше, реально в формировании критического порядка участвует и противоборствующая сторона и даже несколько акторов. Поэтому функции институтов, обеспечивающих «должный» порядок, деформируются: органы прокуратуры из надзирающих за поддержанием порядка зачастую превращаются в наблюдательные, армейские части периодически берут на себя функции розыска и дознания и т. п. Наконец, длительное существование критического случая порождает неподконтрольные ни той, ни другой стороне военизированные формирования, устанавливающие в зонах своего влияния собственный порядок. Такая чересполосица «приватных» социальных порядков создаёт ситуацию высокой неопределённости, разрушающую основы легитимного социального порядка и дезориентирующих местных жителей в отношении выбора наиболее безопасной модели самосохранительного поведения.

Эта неопределённость есть средство поддержания критического порядка. Государство как социальный институт реагирует на каждый критический случай, однако «управлять» его разрешением не может. Слишком разные интересы задействованы в каждом конфликте, ресурсы недостаточны, мотивация заинтересованных сторон противоположна. Кроме того, всякий подобный случай есть легимация сохранения существующей бюрократической машины, которая, в свою очередь, постоянно поддерживает систему «коллективной безответственности». За порядок в Чечне ещё недавно фактически отвечало полдюжины федеральных силовых структур и столько же гражданских.

Теперь – о структуре данного порядка. Если в стабильном обществе социальный порядок покрывает всю подконтрольную территорию (страны, региона), действуя повсеместно и постоянно, то в критическом случае социальный порядок ограничен во времени и пространстве. Например, блокпосты и иные опорные пункты силовых структур – это дневная сеть порядка, которая к тому же не покрывает всей территории критического региона. Ночью эта сеть превращается в очаги самозащиты «защищающих» (блокпосты на ночь запираются изнутри). Но и ночная власть боевиков, диверсантов и частных армий тоже ограничена сетью определённых точек. В итоге за социальный порядок ночью не отвечает никто, значит, и устанавливать его на свой страх и риск может кто угодно. То есть его структура является частичной, временной и что хуже всего – мало предсказуемой.

Вообще, всеобщий страх и столь же всеобщее недоверие – важные детерминанты критического социального порядка и, соответственно, воздействуют на поведение мирных граждан. Все боятся всех. Как писала во вре-

мя второй чеченской войны А. Политковская, «В Чечне до такой степени никто никому уже не доверяет и столько пережито предательств, что от любой колонны, проходящей на скорости, блокпост инстинктивно ждёт выстрелов в упор... Группировка в Чечне – это очень заметно – живёт в состоянии перманентного страха, и тогда ты до конца доверяешь только тем людям, которые рядом, плечом к твоему плечу» [Политковская, 2001: 7]. Всеобщий риск в терминах социального порядка – это максимальная дисперсность страха и недоверия, фактическая невозможность определения источника опасности и её степени. Источником опасности может быть, по отзывам, как воюющих, так и мирных жителей, кто и что угодно – любой военный или гражданский, любой предмет, дорога, лежащая на дороге детская игрушка, «зелёнка».

Поскольку в ситуации критического случая вся социальная среда выступает по отношению к легальным силам поддержания порядка как враждебная, рискогенная, эти силы не имеют ни чётких критериев, ни реальных возможностей для различения законопослушных и криминальных акторов. Поэтому часто так называемые адресные зачистки имеют своей целью не столько установление порядка, сколько уничтожение источников опасности для самих силовых структур.

Напомним, что по закону, антитеррористическая операция, как и всякая силовая акция, направленная на защиту социального порядка, есть действие против конкретного преступника (индивида, группы, сообщества). Однако в критических случаях идеологической основой устанавливаемого социального порядка фактически является доктрина «коллективной ответственности», то есть коллективная ответственность местного населения за преступления, совершаемые отдельными лицами и группировками. По существу, местное население воспринимается противоположной стороной как «враждебное сообщество». Что особенно характерно для современных конфликтов на религиозной или этнической почве (Афганистан, Пакистан, Ирак, Ливия и др.). Практики «нормального» социального порядка, как-то: обращение к прокурору, коменданту, службам социальной защиты, наконец, к любому другому «начальству» для того, чтобы легальным способом зафиксировать вред, причинённый индивиду или его близким, здесь неосуществимы. В этих условиях доминируют практики силовые, самозащиты или же самосохранения.

Вместе с тем, как оказалось, многие социальные институты и, в первую очередь, именно службы социальной защиты населения, привыкшие работать в «нормальных» условиях и под защитой закона, оказались со-

вершенно неготовыми к действию в условиях критического случая, то есть в рискогенной, атомизированной и силовым образом организованной социальной среде.

Например, в «мёртвой зоне», каковым был Грозный во время первой чеченской войны, уже не энергией распада, а полумёртвыми *продуктами распада* этого когда-то нормального человеческого сообщества были так называемые «ничейные люди». Что тоже является одним из отличий критического случая. Государственная система помощи оказавшимся в беде неизвестным старикам, больным и беспризорным детям не прошла испытания критическим случаем. Трудно сказать, что может сделать в подобных условиях и другое защитное ведомство – по гражданской обороне и чрезвычайным ситуациям, когда эти «ничейные люди» спасаются по землянкам и подвалам огромного, находящегося под периодическим обстрелом города, и ситуация в каждой его точке – чрезвычайная. Нестыковки, проволочки, бумажная волокита, имевшие место при прохождении российского гуманитарного конвоя на территорию Украины, ещё один пример «гуманитарной бюрократии», цена которой измерялась сотнями человеческих жизней.

В операциях по устранению (смягчению) последствий критического случая участвуют различные силовые ведомства, имеющие разные задачи. А логика силового взаимодействия враждующих сторон вынуждает российские силовые структуры действовать изолированными малыми группами и подразделениями (блокпосты, группы зачистки, поддержки, прикрытия, местная милиция, группы самообороны и др.), эти социальные акторы начинают формировать собственные практики установления и регулирования социального порядка. Наличие подобных практик – ещё одно свидетельство приватизации и тенденции к распаду социального порядка в условиях критической ситуации.

Теоретически, логическим завершением развития критического случая является *беспредел*, представляющий собой совокупность практик, порождённых «свободной волей» силовых акторов при фактическом бездействии правовых ограничений или санкций со стороны общества. С точки зрения концепции общества риска, беспредел есть максимальный (смертельный) риск для риск-потребителей при минимальной ответственности для риск-производителей. Другими словами, беспредел есть максимальная ставка для некоторого социального субъекта (жизнь) в ситуации полной невозможности непосредственного ответа на угрозу (все в чужих руках). Беспредел – это социальное пространство, где невозможно жить, но откуда

невозможно и убежать. Наконец, беспредел обозначает «чёрную дыру» социального порядка, то есть зону, где велик шанс исчезнуть без следа, без возможности найти погибших, опознать, и похоронить их, как полагается.

Беспредел имеет двойственное происхождение. Его корнями является слабость государственной власти, теневой рынок, криминализация части силовых структур, дедовщина, отсутствие гражданского контроля над армией. Вместе с тем, беспредел чаще всего возникает в зонах вакуума социального порядка, то есть, прежде всего, в зонах правового и информационного вакуума. Там, где прокуратура, милиция, гражданская администрация, равно как и СМИ, и общественные организации, должным образом не осуществляют своих функций. Беспредел, как правило, легитимируется двумя принципами: «достижение цели любой ценой» и «война всё спишет».

Как и другие риски, беспредел как жизненная ситуация (и как среда обитания), порождает двойственную реакцию. С одной стороны, *непосредственно* беспредел означает экзистенциальное молчание, бездействие, отказ от какого-либо проявления себя как личности – не говорить, не называть себя по имени, никак не обнаруживать себя. И уж тем более ничего не требовать. Потому что всякое «обнаружение» может стоить жизни себе или близким.

Беспредел как безвыходная ситуация заставляет местных жителей готовиться к смерти, страх и усталость переходят в апатию: «Не всё ли равно, как умирать, если жить нельзя?» Однако в ситуации беспредела находятся практически все, находящиеся в критической зоне. Необходимость молчать, постоянные унижения, страх, невозможность кому-то пожаловаться, написать правду домой или рассказать её журналистам, призвать на помощь представителей правозащитных организаций – таков удел также и многих солдат-срочников с противоположной стороны. Отсюда, желание многих из них выбраться из этой зоны любой ценой, бежать куда угодно, лишь бы там были еда и закон.

С другой стороны, у оставшихся в живых беспредел стимулирует накопление потенциала мщения. Это желание мстить – всем, без разбора, без адреса (то есть всему обществу) за унижения, болезни, за содержание в незаконных следственных изоляторах, за попрание элементарных гражданских прав. То есть длительное воспроизводство беспредела в одном конкретном месте порождает *отложенную реакцию* на локальную критическую ситуацию для всего общества. Что и произошло в октябре 2002 г. в Москве, в Каире в 2012 г, в г. Фергюссоне, США, в 2014 г. и т. д. Но это

также и формирование «беспредельных» групп и сообществ, сбивание их в «стаи», выдвижение «своих авторитетов» для того, чтобы защититься от таких же «своих». Наконец, из зоны беспредела есть, хотя и эфемерный, но единственно возможный выход: откуп и выкуп, но опять же «беспредельный» – без всяких гарантий, контроля со стороны правозащитных организаций и при полной информационной блокаде, которую ошибочно именуют информационным вакуумом.

6. 5. Опасности негативной социодинамики

В интересующей нас проблеме историческая детерминанта играет существенную роль. На наших глазах отдельные человеческие сообщества и целые социальные миры быстро катятся назад (вниз) по лестнице человеческой эволюции. Ни одна из революций арабской или среднеазиатской весны не закончилась движением в сторону демократии и уважения к правам личности. Сходные факты обозначились и на постсоветском пространстве. Даже доисторический человек не убивал своего соседа просто так. Даже в примитивных обществах людей не убивали из любви к искусству. Да, в архаических обществах существовали ритуалы приношения людей в жертву высшим силам. Позже, жестоко наказывали и казнили, но на это существовали выработанные обществом правила и нормы. Конечно, были и разбойники, и корсары, и наёмные убийцы, и отравители. Напомню, что в те времена большинство людей имели при себе оружие.

Но вот так, чтобы, как сегодня, выбрасывать маленьких детей из окна городской многоэтажки или в пьяном угаре убивать подряд жену и малолетних детей, чтобы на улицах городов пьяные водители давили всех подряд, чтобы были такие средоточия насилия и убийств как Кущёвка или Согра, такого ещё не было. Причём почти любое насильственное действие совершалось не просто так, а со словами: «Сейчас я его уделаю!» Или урою, закопаю и т. п. Азарт безнаказанности насильника, неважно в интернет-игре или на улице, – ещё одна характерная черта «избывательного права». И это не только наша страшная социальная болезнь – здесь нас обгоняют Америка, Норвегия и многие другие страны, которых мы считали образцами европейской цивилизации. Бедный К. Маркс, ведь он считал, что «воздух города делает человека свободным». Да, сегодня город сделал «правильных пацанов» свободными от всех и всяческих моральных обязательств.

Есть несколько причин массового распространения этого «всеобщего избивательного права». Первая – это либеральная идеология, понятая массами как свобода безо всяких ограничений, которая породила «массовую отрицательную селекцию» (П. Сорокин) во всех сферах общества. Вторая – это столь же искажённое понимание рынка как возможности отъёма собственности и самой человеческой жизни. Ведь убийство конкурента – всегда самый простой и быстрый способ обогащения, если ты не умеешь делать деньги из воздуха. «Всеобщее избивательное право» здесь применяется наиболее широко. М. Вебер со своей протестантской этикой тоже переворачивается в гробу. Третья причина, которую неправильно называют «бытовой», это та, которую Д. Мережковский назвал Грядущим Хамом. Мережковский называл его духовным мещанином, но сегодня он превратился в мещанина воинствующего, признающего только право сильного и отрицающего все остальные моральные нормы. Из общества индивидуалистического мы быстро превращаемся в общество эгоистическое. В сущности, «всеобщее избивательное право» есть порождение постмодернистской идеологии с её культом «свободной воли», волюнтаризма и проповеди эстетического имморализма (Ф. Ницше).

Самое страшное, что эту социальную болезнь сегодня некому лечить. Российская интеллигенция в своей массе политически и духовно умерла, другая её часть эмигрировала, третья деградировала, став сервильной. Массовый обыватель запуган, старается меньше показываться в местах скопления людей, ставит железные двери, врезает хитроумные замки. Уже не грядущий, а Пришедший Хам не может, подобно барону Мюнхгаузену, вытащить себя из этой трясины за собственные волосы. Остаётся государство и его бюрократия. Но сможет ли она, проросшая коррупцией, кумовством и стяжательством, остановить сползание общества к ситуации, описываемой биологами всего двумя словами «хищник – жертва»?

6. 6. Формы самосохранительного поведения

Самое главное – это то, что в критической ситуации самосохранительное поведение всё чаще из активного превращается в пассивное, то есть адаптацию поведения людей к данной ситуации (практически полное подчинение внешним обстоятельствам). Это и сжатие до минимума витальных потребностей, не покидая при этом привычного места жительства, когда всё большая часть жизни проводится в бомбоубежище, погребе, подвале. Это и упомянутое «сжатие» плюс упование на помощь извне, откуда

бы она ни пришла. Это, соответственно, и подчинение всех форм самосохранительной «активности» (добыча еды, воды, лекарств) времени и ритмам внешних воздействий (времени бомбежек и артобстрелов, периодам затишья между боями, времени подвоза и раздачи гуманитарной помощи и т. п.).

Конечно, человек не был бы человеком, если бы он даже в критической ситуации не пытался сохранять хотя бы некоторые элементы привычного для него жизненного уклада. Например, хоть как-то обустраивать свой быт в подвале, продолжать ухаживать за своим огородом и живностью (если таковые имелись), что-то приобретать или обменивать на «летучих» рынках, созваниваться с родственниками во время коротких периодов работы сетей сотовой телефонии и т. д. Но всё же эта активность всецело подчинена внешним обстоятельствам.

Следующую ступень (фазу) этого поведения я называю «временным бегством», хотя по сути это – маргинальное состояние. Она выражается в распаде семьи: взрослые дети с внуками бегут из страны (или в её более безопасную часть), а немощные и старики остаются на месте. То же можно было наблюдать в конфликте на юго-востоке Украины, когда деморализованные и голодные бойцы регулярной армии Украины на время переходили на российскую территорию, где они отсыпались, их кормили. А потом часть из них возвращалась на территорию Украины, а другая часть – оставалась в России. Такая вот временная гуманитарная акция.

Затем, идёт фаза «полного бегства», то есть эмиграции, когда вся семья бежит, бросая свой дом и всё нажитое. Будущее этих людей неясно. Одни, как беженцы из Украины (или северной Африки), могут рассчитывать на временную или постоянную работу и обустройство на новом месте в России (или в Европе). Другие, как беженцы из Афганистана, Ирака, Курдистана и многих других критических зон мира, если им и удавалось вырваться из рук сепаратистов, то они надолго оседают в лагерях для беженцев. Что становилось их образом жизни на годы, а иногда на десятилетия. Конечно, даже при благоприятном раскладе сил, образ жизни вынужденных переселенцев всегда резко меняется. И, как выяснилось в ходе моих исследований, далеко не все смогли адаптироваться на новом месте. Даже, например, многие русские беженцы, переселившиеся в начале 1990-х гг. из Киргизии в срединную Россию, не смогли адаптироваться. Поэтому подчеркну, что это – именно форма *критического маргинального состояния*, резко отличная от той, которую демонстрировали свободные переселенцы, например, из Европы в Америку в XIX – XX веках, или «русские

немцы», многие из которых оказались лишними в перестроенной России, а сегодня в условиях экономического кризиса – и в самой Германии.

Наконец, следует выделить форму активного самосохранительного поведения. Она подразделяется на два вида. Один – это включение в активную военно-политическую борьбу, то есть превращение мирных жителей в участников вооружённого сопротивления (комбатантов) с резким изменением образа жизни. То есть самосохранение через борьбу. Другой – это превращение части местного населения в волонтеров, именно в гражданских волонтеров, а не в государственных, которые оказывают помощь немощным и пострадавшим [см. об этом подробнее Яницкий, 2013а]. Но в обоих случаях – это тоже маргинальное состояние, потому что, в конечном счёте, у таких людей есть лишь два пути. Или попытаться вновь стать мирными гражданами, что весьма непросто. Или же превратиться в «диких гусей» на долгие годы.

Во всех этих формах наблюдается феномен негативной риск-солидарности [Яницкий, 2004а]. Однако этот тип солидарности отличается своей ситуативностью, то есть временным, неустойчивым характером.

6. 7. Адаптация пострадавших к новым условиям

Никто не знает, какой именно будет точка отсчёта, кладущая начало «нормализации» ситуации в данном конкретном регионе. В одних местах (Египет, Сирия, Ливия) поток беженцев начинался почти одновременно с вхождением конфликта в вооружённую фазу. В других (Израиль и сектор Газа) объявлялось перемирие на несколько дней. В третьих – действительно наступало перемирие, и начинались переговоры, дававшие надежду на восстановление минимума «мирной» жизни. Поэтому далее даётся только схема наиболее вероятных шагов на пути к возвращению мирной, но далеко не прежней, жизни.

Первая фаза: состояние «ни мира, ни войны». Местное сообщество хаотизировано и деморализовано. Начало мирных переговоров между главами противоборствующих сил при содействии (или контроле) со стороны международных организаций. Как правило, скорость и результаты таких переговоров значительно скромнее и осуществляются они медленнее, чем скорость и результаты процесса распада критических зон. Разработка «дорожной карты» сообществами заинтересованных государств или международных финансовых институтов, путей и способов выхода из критического состояния также отстаёт от процессов исхода беженцев и необратимых

процессов выделения энергии распада. Поставки гуманитарной помощи пострадавшему от войны и утрат оставшемуся на месте гражданскому населению и восстановление городской инфраструктуры и систем жизнеобеспечения первой необходимости международными и волонтерскими организациями также запаздывает по сравнению с нуждами пострадавших. Как уже отмечалось, в августе 2014 г. российский гуманитарный конвой из 200 машин простоял на границе с Украиной более 3-х недель из-за бюрократических проволочек, создаваемых Международным Красным Крестом и другими заинтересованными сторонами. Психологической и социальной реабилитации пострадавшего в критических зонах населения не происходит. СМИ в освещении этой и последующих фаз реабилитации *in situ* практически не участвуют, поскольку у них есть масса других, гораздо более увлекательных «информационных поводов» (breaking news). Как только пострадавшее население начинает хоронить убитых и подсчитывать свои потери, у него развивается посттравматический синдром.

Вторая фаза: Попытка налаживания публичного диалога между враждующими сторонами (при посредничестве международных организаций). Попытки создания переходных государственных институтов (временного правительства или правительства народного доверия) под контролем международных организаций и финансовых институтов (ООН, ЕС, ПАСЕ, Международный валютный фонд). Оставшееся в критической зоне население всё ещё не оправилось от психологического шока и социальных потерь. У него возникает ощущение полной зависимости от внешних факторов (помощи правительственных, гуманитарных или международных организаций). Военных действий нет, но есть неопознанные и незахоронённые останки, неразорвавшиеся мины и снаряды, груды мусора, неработающие коммуникации, растёт опасность эпидемий. СМИ, за редким исключением, теряют интерес к данной критической ситуации и переключаются на другие «горячие точки», периодически возникающие по всему миру.

Весьма показательный факт: вся мировая социология, но прежде всего в странах «развитого мира», полна упованиями на диалог, переговорную демократию (deliberative democracy), суверенные права народов и отдельных личностей должны быть надёжно защищены и т. п. Социология должна стать публичной – таков общий глас. Но как только «дело доходит до дела», то есть до реальных переговоров с комбатантами иных ценностных ориентаций и конфессий и, придерживающихся своих, исторически сложившихся морали и правил жизни, то социологи пасуют, прячутся за «ме-

ждународные нормы и правила». Ведение переговоров и нахождения компромисса с людьми иных убеждений сразу поручается политикам.

Третья фаза: дележ власти. Как правило, восстановление порядка начинается с подготовки к выборам в высшие органы власти. Начинается срочное формирование новых и реорганизация старых политических партий, за которыми обычно следуют очередная волна политических распрей, митингов и массовых протестов. Новоизбранная элита опирается, как правило, не на коалиционное правительство и не на местные органы волеизъявления (они, как правило, ещё не сформированы), а на «народ», на массу. Эта элита навязывает всё ещё раздробленному и морально подавленному обществу модель «догоняющего развития», обещая, что «у нас всё будет, как на Западе». В своё время Г. В. Плеханов называл этот феномен «обезьянничанием» по отношению к Западу. Гораздо более вероятным является не приближение к «Западу», а ещё большее отставание от него вследствие нерешенности коренных проблем жизнеобеспечения основной массы населения. Поэтому возвращение к ситуации локальных военных конфликтов и даже гражданской войны с последующим ужесточением политического режима весьма вероятно. СМИ никак не помогают процессам стабилизации и начала модернизации, а продолжают охотиться за новыми сенсациями.

Четвёртая фаза, которую я называю «бульдозерной». Речь идёт о попытке ускоренного движения вперёд путём тотальной санации критической зоны и затем «социального новодела» (насильственного привития новых форм жизненного уклада), что почти никогда не приносит успеха. В России «нужда реформ назревает раньше, чем народ созревает для реформы» (В. О. Ключевский). Недемократические выборы и быстро возрождающаяся коррупция провоцируют серию новых политических кризисов, периодически порождающих экономические спады и политическую нестабильность. Начинается длительный период колебаний данного общества между порядком и хаосом (5-10 лет). Для психологической и социальной реабилитации пострадавшего населения критической зоны необходимо постепенное и весьма долгое наращивание культурного гумуса, что возможно лишь в условиях мира, политической и экономической стабильности и доверия.

Пятая фаза: авторитарная стабилизация. Символическая демократия «политического новодела» на скорую руку быстро прорастает авторитаризмом, рынок – бюрократией, а гражданское общество раскалывается на западников и патриотов. Абсурдная ситуация повторяется вновь: «номенк-

латурное решение <о будущем жизнеустройстве общества> должно быть одобрено всеобщим голосованием» (В. П. Булдаков). Вывод: общество или его критическая зона, в конечном счёте, если и выходят из создавшейся ситуации, то экономически ослабленными, более политически зависимыми от международных политических и финансовых институтов (в частности, из-за необходимости возвращать взятые ранее кредиты). В среднесрочной исторической перспективе (15-20 лет) существовавшие до возникновения критической ситуации уровни гражданской самоорганизации и накопленного человеческого и социального капитала никогда не достигается, социально-демографическая структура не восстанавливается.

Вопрос пост-катастрофной реабилитации был рассмотрен нами ранее применительно к экологическим катастрофам. Но поскольку сегодня этот тип катастрофы по своим последствиям мало отличается от других её типов (техногенных), а также катастрофических состояний, создающие интересующие нас критические ситуации, то выводы о процессе социальной реабилитации будут, в общем и целом, общими. В моём понимании реабилитация есть непрерывный многосторонний *процесс*, начинающийся практически одновременно с началом катастрофы, суть которого – оказание первой и последующей помощи пострадавшим, равно как и поиск и захоронение тех, кому помощь уже не нужна. Одновременно социальная реабилитация есть процесс обустройства (реконструкция) среды обитания, в которой будут находиться пострадавшие от катастрофы: сначала – создание минимально необходимых условий для физического выживания, а затем постепенно их «достройка» до условий, приближающихся по качеству жизни к прежним.

Как было сказано в предыдущих главах, полное воспроизведение прежних условий невозможно, ни материально, ни психологически, в силу того, что люди, пережившие катастрофу, и их привычная среда обитания становятся иными, в результате чего формируется иной социальный тип личности и среды его обитания [Yanitsky, 1992; Tenner, 1996]. Однако, возможен целый ряд форм компенсаторной деятельности, начиная от участия пострадавших в группах самопомощи (самостоятельно или под наблюдением врачей и других специалистов), от усилий, направленных на максимально возможное восстановление форм прежнего жизненного уклада, и вплоть до полной смены места жительства, типа занятий и образа жизни [Deelstra and Yanitsky, 1991]. Во всех случаях социальная активность пострадавшего и видение им перспективы дальнейшей жизни играют ключевую роль в процессе реабилитации. Так или иначе, в нашем по-

нимании социальная реабилитация индивида направлена на сохранение состояния его включённости в социальную жизнь даже в критических обстоятельствах и сохранении себя как личности.

6. 8. Выводы

Самосохранительное поведение – это норма социального порядка любого общества. Норма, заложенная в поведение человеческой популяции генетически, и поддерживаемая социально. В критических условиях самосохранительное поведение может быть определено как совокупность усилий индивида и/или малой группы, направленных на удовлетворение своих витальных потребностей, в данном случае на сохранение жизни, здоровья, минимума имущества и накопленного социального капитала, необходимых для реализации потребностей самосохранения и выживания. Одной из важнейших целей данного типа поведения в критических условиях является сохранение своей первичной социально-экологической структуры. Специфика этого поведения в условиях критического состояния детерминруется, прежде всего, «сверху», то есть переменчивостью, лабильностью тех критических условий, в которых индивид или группа будут стараться реализовать эти потребности.

Так как гуманитарная и иная помощь пострадавшему населению, как правило, запаздывает из-за бюрократических проволочек и крайней степени недоверия враждующих сторон, периодических нарушений перемирия и действий никому (из легальных институций) не подконтрольных вооружённых формирований, пострадавшее население вынуждено бороться за сохранение своей жизни самостоятельно, на свой страх и риск. Этот риск продуцируется не только опасностями разрушенной городской инфраструктуры, неожиданным возобновлением военных действий, но и самой средой обитания, которая в ходе кризиса превращается из риск-нейтрализатора в риск-производителя.

Крайней степенью критического состояния является *гуманитарная катастрофа*, понимаемая мною как тотальное разрушение природной и социальной среды обитания, вызывающее массовый исход и гибель населения вследствие голода, физического и психического истощения, эпидемий, отсутствия жизненно необходимых лекарств и средств существования.

Предложенные в главе фазы выхода из критического состояния – «ни мира, ни войны», налаживание публичного диалога между враждующими

сторонами, дележка власти, «бульдозерная» и авторитарная стабилизация – являются лишь фазами, наиболее часто встречающимися в мировой практике, и не могут трактоваться как исчерпывающие. Главный вывод заключается в том, что оставшееся в живых пострадавшее население уже никогда не сможет вернуться к прежнему укладу жизни, оно неспособно ни восстановить привычную среду обитания, ни полностью приспособиться к новым условиям жизни. На восстановление «культурного гумуса» требуются десятилетия. Так что беженцы и вынужденные переселенцы, а возможно и их дети и внуки, останутся «маргиналами навсегда».

ГЛАВА 7. МУСОР БЫТОВОЙ, ТЕХНИЧЕСКИЙ, СОЦИАЛЬНЫЙ

7. 1. Мусорная культура как катастрофа

Мусор реальный и виртуальный суть не только неустранимые отходы любого вида социального производства, но и тип культуры. «Мусорная культура» – это форма культуры общества *всеобщего риска*, когда производство отходов (мусора в широком смысле) становится преобладающей формой общественного производства, когда повсеместное *накопление, разложение и глобальная миграция мусора и его носителей* преобладает над процессами обновления и созидания. «Мусорная культура» – это культура людей и сообществ, живущих в мусорной среде и воспринимающих её как норму. «Мусорная культура» есть ползучая социокультурная катастрофа общества. Далее – всё по порядку.

«Мусорной» я называю культуру общества или его отдельных групп, которая презирает и/или сознательно разрушает жизненную среду, в которой оно живёт. Речь не идёт об отдельных конкретных «загрязнениях» [де Сильги, 2001] и не об информационном шуме, неизбежном в развитом обществе. Речь идёт о культуре общества, которое на определённом витке своего развития стало по преимуществу или исключительно производить мусор во всех его видах и формах. «Мусорная культура» – это ещё одна из форм общества *всеобщего риска*, когда загрязнение промышленными отходами всех видов природных и социальных сред (социальной, политической, визуальной, звуковой, природной и т. д.), резкое обеднение литературного и замусоривание бытового языка (блатными словечками или откровенной бранью), перманентное производство СМИ и политиками смеси полуправды и лжи становятся преобладающей формой общественного производства. Или, иначе, когда выделение *энергии распада* преобладает над энергией созидания [Ianitskii, 1995; Yanitsky, 2000]. Преобладание процессов распада человеческой культуры над её созиданием, хранением и использованием я квалифицирую как культурную катастрофу.

Почему рассматриваемый феномен я считаю проявлением общества всеобщего риска? Замусоривание среды обитания идёт сразу в разных средах и по многим направлениям, но постепенно разные виды отходов, соединяясь и трансформируясь, в процессах социально-экологического метаболизма, сливаются воедино в некотором разрушительном симбиозе. Производителями и носителями «мусорной культуры» в равной мере могут быть бедные и богатые, политики и рядовые граждане, государственные чиновники и члены гражданского общества, равно как и социальные институты. «Мусор» – это не внешнее, не горы мусора на свалках и мусорных полигонах. «Мусор» в данном случае – это, прежде всего, тип культуры внутренне присущий обществу, находящемуся в процессе ускоряющейся деградации.

Мусор материальный, социальный и культурный всегда тесно связаны между собой. Чем больше «отката», «распила» и т. п. от суммы, первоначально ассигнованной на создание некоторого конечного продукта (дороги, жилого дома, книги, телефильма или пьесы), тем ниже квалификация его изготовителей и качество самого продукта, тем короче его жизнь и выше вероятность его «поражающего эффекта» для профессионального или массового сознания.

Эффект производства материального мусора может быть подсчитан: от степени чистоты и тишины в жилых кварталах зависит стоимость вашей квартиры и всей среды обитания. От степени подверженности страны природным и социальным катастрофам зависит приток в нее или отток как «продвинутых», так и беженцев и вынужденных переселенцев. По причине «пофигизма» новой генерации отдыхающих на природе граждан сгорели сотни тысяч гектар леса, и лесные пожары будут ещё долго полыхать.

Феномен «словесного мусора» принимает характер господствующего типа массовой культуры. Исторически, в российской культуре «слово» (в его широком социокультурном понимании) всегда понималось как «дело», некоторый род целенаправленного социального действия. «Слово» было неотъемлемым атрибутом культуры службы, служения Отечеству. Да, «слово» было, прежде всего, словом служилого, то есть государственного человека. Оно могло быть указующим, просвещающим или наказывающим. Но если слово – это только политический или какой угодно другой пиар, пустопорожняя болтовня «говорящих голов», если СМИ вместо фактов и их интерпретации производят артефакты в качестве средства наркотизации индивидуального и массового сознания и инструмента для манипуляции людьми, тогда слово превращается в мусор. А систематическое

повторение подобных слов продуцирует мусорную культуру. А. Поликовский, справедливо полагает, что «прежде чем в очередной раз делать Россию великой, её следует сначала сделать элементарно чистой» [Поликовский, 2010а: 19]. Тем не менее, дело обстоит гораздо серьезнее.

7. 2. Влияние прошлого и современные вызовы

Социокультурное влияние прошлого на современность заключено в том, что великие политэкономы эпохи раннего капитализма, ограничили концепцию его способа производства триадой «ресурсы-производство-потребление». Переложив, тем самым, его конечную фазу – *утилизацию отходов*, материальных или социальных, – на плечи государства, самих потребителей, на природную среду. А тем временем отходы продолжали жить своей жизнью, производя не только их потребителей, но и соответствующую культуру. *Все продаётся и покупается, но далеко не всё утилизируется*. А если утилизируется, то для этого нужно много энергии и дешёвая рабочая сила. Работа с отходами, жизнь в их среде – это удел бедных и зависимых. Так было в случае Чернобыльской катастрофы, так было и совсем недавно при аварии на нефтяной платформе в Мексиканском заливе, при разборке завалов после аварии на АЭС Фукусима в Японии и т. д. «Золотари», эти парии общества, были и будут всегда.

Россия XIX века была страной лесов и полей, с редкими вкраплениями городов и сёл. Лишь в конце XIX века русская интеллигенция озаботилась экологическим состоянием страны и, в первую очередь, её основным богатством – состоянием земель, пригодных для сельского хозяйства. «Естественные производительные силы почвы, – писал философ В. С. Соловьёв, – не безразличны – *народ* рано или поздно *съедает землю*, если не перейдёт от первобытного хищнического хозяйства к искусственному, или рациональному»... Эта «уже наступившая беда не есть частное и случайное явление, а роковое следствие общего (обнимающего, по крайней мере, *большую* половину России) стихийного процесса, который, несомненно, будет ускорен беспечно-хищническим отношением населения к природе (вырубка лесов), а также некоторыми благонамеренными, но необдуманностями предприятиями (осушение болот), но который теперь уже не может быть остановлен охранительными мерами... Медленно накапливавшиеся изменения климата и почвы, заметные и прежде отдельным более внимательным наблюдателям, достигли в настоящее время результата такой величины, которая бросается в глаза всем, переступает, так сказать,

порог общественного сознания» [Соловьёв, 1989: 433–438]. Показательно, что философ В. С. Соловьёв опирался на работы выдающихся русских естествоиспытателей – А. С. Ермолова и В. В. Докучаева.

Практически весь XX век был для России веком не только великих социальных перемен, но и временем систематического превращения природных и социальных сил в мусор, в отходы. Миллионы людей погибли в трёх разрушительных войнах, сталинских лагерях, земля была заброшена, города периодически бедствовали. Как писал П. Сорокин, войны, голод и репрессии периодически производили «отрицательную селекцию» населения [Сорокин, 1994 2003]. Не меньший урон науке и интеллектуальному потенциалу страны нанесли идеологические чистки, в результате которых огромное интеллектуальное наследство, равно как и его носители, были превращены в «лагерную пыль». Но и после смерти Сталина было не лучше: восстановительный период 1946–50-гг., продолжение форсированной индустриализации в городе и на селе, разрастание военно-промышленного комплекса (ВПК), подавление генетики (лысенковщина), борьба с космополитизмом, огосударствление творческих союзов и добровольных обществ – все это были формы конструктивистского, а по сути директивного, насильственного обращения с народом и природой. Господствующая утилитаристская идеология: «все ресурсы природы на службу социалистическому строительству» дополнялась конструктивистской – амбициозным «сталинским планом преобразования природы» [Решения партии..., 1968: 531–49], а позже – хрущевскими планами освоения целинных и залежных земель, затем – оргнаборами на Великие стройки коммунизма и т. д. Ключевыми словами языка и всего строя мыслей государственных и партийных документов были: «обязать», «довести задания», «установить», «создать», «закрепить» и бесконечное число раз «организовать». Всё, что не подпадало под эти категории директивного социального действия, шло в «отходы».

Хотя в сталинские и хрущевские времена реального мусора на улицах городов было мало, корни «мусорной культуры» следует искать именно там. А именно – в подчинении культуры трудящейся массы интересам коммунистической идеологии, в общей милитаризации общественной жизни и её мобилизационном укладе, в отрыве партийной номенклатуры от реалий повседневной жизни, сделавшей систематическое производство двоемыслия своим основным ремеслом. Разделение русской культуры на «высокую» и массовую продолжалось. Первая продолжала традиции великих русских представителей науки, литературы и искусства XIX века, вто-

рая стала, по выражению поэта В. Маяковского, «мобилизованной и призванной». То есть «призванной служить», беспрекословно выполняя директивы партийных органов. Противостояние двух супердержав, СССР и США, постоянно подпитывало существование массовой мобилизационной культуры. Это была одна крайность.

Но когда это противостояние закончилось, и СССР распался, люди не только утратили мобилизационную культуру, но тысячи из них стали ненужными, людьми третьего сорта, «человеческими отходами» перестройки. Более, того, если тысячи инженеров и бывших военнослужащих, оказавшись на улице, стали мелкими торговцами, охранниками или членами «неопознанных вооружённых формирований», то есть хоть как-то сохранили себя, то ставшая никому не нужной инфраструктура ВПК, стала превращаться в мусор буквально. Этот особо опасный мусор – склады вооружения и боеприпасов – с угрожающей периодичностью взрывается до сих пор, калеча людей и нанося колоссальный вред природе. Бывшие работники оборонных предприятий, живущие, как правило, поблизости от оборонных заводов, воочию убедились, как плоды их многолетнего труда превращаются в *смертоносный мусор*, а криминал может поживиться за счёт такого «мусора». Но ведь ещё были испытания ядерного оружия в трёх средах, были взрыв на полигоне «Маяк» и Чернобыльская катастрофа, которые превратили в смертоносный «мусор» тысячи гектаров земли в мертвую зону на много десятилетий вперед.

Попытки кражи радиоактивных веществ с целью перепродажи на чёрном рынке, воровство взрывчатых веществ с разбросанных по всей стране складов боеприпасов, «чёрные следопыты», ищущие, всё ещё готовые к употреблению оружия и боеприпасов времён Второй мировой войны и затем продающие их криминальным группам и нелегальным вооружённым формированиям – обратная сторона этой медали. Нелегальное производство и распространение этого оружия и боеприпасов – другой экстремум «мусорной культуры».

«Между» этими экстремумами пышным цветом расцвела потребительская культура, когда производятся не только предметы потребления, но и артефакты культуры *одноразового* использования. Затем эти культурные артефакты превращаются в мусор, причём стоимость их «обертки», будь то упаковка потребительского товара, раскрутка очередной звезды поп-культуры или пиар-акция в поддержку политического деятеля, может на порядок быть выше, чем истинная цена товара или инсталляции.

Наконец, население понимает, что всё чаще очередной «факт» политической или культурной жизни есть не что иное, как результат манипулирования потоками информации, производимыми современными СМИ. Перейду на привычный для социолога язык. А. Арснальт и М. Кастельс: хотя сами по себе информационные сети ценностно нейтральны (они – своего рода автомат для передачи информации), однако акторы на «рынке дискурсов» борются за их «структурирование и программирование». Арснальт и Кастельс утверждали, что власть сетей и в сетях лежит в их способности «включать» и «исключать». Способность устанавливать контроль одних над другими, в свою очередь, зависит от двух базовых механизмов: способности программировать и ре-программировать цели сетей и способности соединять, связывать различные сети с целью усиления их кооперации посредством общих целей и накачки их ресурсами [Arsenalt and Castells, 2008: 489]. Не производство истинного знания, а манипуляция потоками информации есть тоже способ производства культурного мусора.

Однако кто осуществляет это программирование? Кто устанавливает правила, которым должна следовать эта автоматическая система якобы нейтральных сетей? – Конечно же, сами социальные акторы. «Таким образом, их взаимодействие есть *социальная борьба*, цель которой – приписать те или иные цели этим сетям. Будучи однажды запрограммированной, некоторая сеть подчиняет своей логике всех остальных её участников (акторов). Акторы должны строить свои стратегии в рамках правил игры данной (запрограммированной) сети». Чтобы преследовать другие цели, её участники должны бросить вызов этим правилам и по существу разрушить эту сеть, построив новую вокруг альтернативных целей. Или, построить защитную сеть (как коммуну), которая запрещает контакты вне структуры своих ценностей» [Castells, 2000: 16]. Значит, мейнстрим социокультурного процесса формируется в ходе *конфликтов* и *социальной борьбы* противостоящих сил, в которой доступ к СМИ имеет решающее значение. Какова же конечная цель подобных манипуляций? «В глобальном сетевом обществе доминирование осуществляется путём соединения процессов программирования медиа, бизнеса и политических сетей с целью обеспечения непрерывной экспансии транснациональных корпораций [Arsenalt and Castells, 2008: 508]. «Накачивание» в последнее время СМИ образом «Сильного и мудрого Сталина» – некоторые даже утверждают, что «Россия беременна Сталиным» – есть не только очередная порция информационного мусора, но дорога к превращению новых несогласных в «мусорных людей».

Сложившуюся ситуацию в российском социуме я квалифицирую именно как гуманитарную (культурную) катастрофу, разрушающую этот социум изнутри самой социокультурной среды. Но катастрофы, природные и техногенные также выгодны, поскольку позволяют местным властям списать украденные суммы под флагом чрезвычайных обстоятельств, получить из государственного бюджета дотации на ликвидацию «последствий» и т. д. Сегодня нет «лагерной пыли», но есть рабский или подневольный труд, например, солдат-срочников, гибнущих от дедовщины, разборки складов отслуживших срок боеприпасов и т. д. [Мясников, 2011: 2].

Как и природные, культурные катастрофы бывают не только «внезапные», но и незаметные, ползучие. Однако когда этот сначала медленный, а потом всё ускоряющийся процесс, достигает точки бифуркации, «вдруг» оказывается, что мы живём уже в другом обществе с другой культурой. Тем не менее, я полагаю, что корни «мусорной культуры» следует искать ещё глубже. Поэтому я позволю себе обратиться к русской общественной мысли XIX века, во многом вскрывшей глубинные истоки рассматриваемого явления.

7. 3. «Грядущий Хам»

Так назвал одну из своих литературно-критических работ Д. С. Мережковский. Соглашаясь с А. И. Герценом, пророчествовавшим, что «мещанство победит и должно победить», что оно – «окончательная форма западной цивилизации», и его ссылкой на Дж. С. Миля, утверждавшего, что «Мещанство, – это та самодержавная толпа сплочённой посредственности (*conglomerated mediocrity*), которая всем владеет, – толпа без невежества, но и без образования...», Мережковский в 1906 г. предсказал: «Мироправитель тьмы века сего и есть грядущий на царство мещанин, Грядущий Хам» [Мережковский, 1991: 14].

«У этого Хама в России – три лица. Первое, *настоящее*, – над нами, лицо самодержавия, мёртвый позитивизм казённости, китайская стена табели о рангах, отделяющая русский народ от русской интеллигенции и русской церкви». Второе лицо, *прошрое*, под которым Мережковский подразумевал «мёртвый позитивизм православной казённости, служащий позитивизму казённости самодержавной». Третье лицо, будущее, говорил он, это «*лицо хамства, идущего снизу* – хулиганства, босячества, чёрной сотни – самое страшное из всех трёх лиц. Эти три начала *духовного мещанства* соединились против трех начал духовного благородства: против земли,

народа – живой плоти, против церкви – живой души, против интеллигенции – живого духа России» [Мережковский, 1991: 43; выделено мною – О. Ян.].

Интересно отметить, что А. И. Герцен ещё в середине XIX века предвидел превращение Европы в прибежище мещанства: «Никаких тайн, никаких углублений и порываний к “мирам иным”. Все просто, все плоско. Несокрушимый здравый смысл, несокрушимая положительность. Есть то, что есть, и ничего больше нет, ничего больше не надо. Здешний мир – всё, и нет иного мира, кроме здешнего». То есть, говоря современным языком, он предвидел превращение Европы в прибежище потребительской культуры, что и произошло спустя 100 лет. Однако он не мог и предположить, что этому будет предшествовать тоталитаризм и разрушительная вторая мировая война, превратившая Европу в прямом и переносном смысле в руины, в груды развалин и мусора. Тем более не мог он предположить, что в начале XXI века Европа станет ареной борьбы между постиндустриализмом и инвазией общинных культур Африки.

Еще более интересно, что Мережковский предвидел столкновение Европы с Китаем: «Для Герцена и Д. С. Милля то столкновение Китая с Европой, которое начинается, но, вероятно, не кончится на наших глазах, имело бы особенно вещий, грозный смысл. Китай дошёл до совершенства позитивное созерцание, но позитивного действия, всей прикладной технической стороны положительного знания не доставало Китаю. Япония, не только военный, но и культурный авангард Востока, взяла у европейцев эту техническую сторону цивилизации и сразу сделалась для них непобедимой. Пока Европа противопоставляла скверным китайским пушкам свои лучшие, она побеждала, и эта победа казалась торжеством культуры над варварством. Но когда сравнились пушки, то и культуры сравнились»... «Китай победит Европу, если только в ней самой не совершится великий духовный переворот» [Мережковский, 1906: 126]. Если оставить в стороне вполне «европейскую», то есть колониальную, терминологию того времени, то это – поразительное предвидение.

Наконец, ещё об одном **видении** России в рамках европейской цивилизации западными социологами и политиками, видении одновременно фарисейском и завистливом. Фарисейском, потому, что, говоря нам, что у современной России – «великое будущее» потому, что она дала мировой культуре Л. Толстого, Ф. Достоевского и А. Чехова, они отлично понимают, что история, в том числе история культуры, никогда не повторяется. Завистливом, потому что они осознают, что такие вершины им тоже сего-

дня недоступны при всём их материальном благополучии, как выяснилось сегодня, достаточно зыбком. Тут мы примерно в одинаковом положении.

В культуре, как и в живом целом, тоже должна быть *преемственность*, наращивание культурного гумуса. Но если идти от русской классики XX века, то можно назвать, по крайней мере, восемь (!) серьёзных *перерывов* в преемственности российской культуры. Судите сами: декаданс начала XX века, первая мировая война и последовавшая за ней революция. Затем война гражданская плюс «философский пароход» и репрессии. За ними – годы большого террора с тотальным господством «инженеров человеческих душ». Потом – ещё одна, еще более опустошительная война с последующей мобилизацией всех культурных ресурсов на восстановление страны. За ней – программа строительства коммунизма с главной целью создания «нового человека». И, наконец, распад СССР, коренная ломка остатков «культурной платформы», заложенной ещё более века назад, торжество поп-арта и новый этап «инженерии человеческих душ» в форме «режиссёрских» кино, телефильмов и других перелицовок русской классики в угоду нравам потребительской культуры и нового мещанства, ближе к ночи переходящего зачастую в завуалированную форму порнографии.

7. 4. «Мусорная культура» как форма социального протеста

Появление публичного мусора, физического или лингвистического, есть одна из форм социального протеста. Осенью 1956 г., ещё студентом, я впервые попал в Венгрию в качестве туриста. Будучи воспитан на чистоте московских улиц, я никак не мог тогда понять, почему улицы Будапешта были в те дни буквально заплеваны, замусорены чем угодно. Позже, когда я узнал о восстании, я понял: то было проявление *социального нигилизма*, протеста против диктата коммунистической идеологии, переходящее в вандализм и разрушительную силу толпы, что и произошло спустя две недели.

Сегодня феномену публичного замусоривания и вандализма есть несколько причин. Главная из них – это институциональные перемены. Они заключаются в том, что в тех сферах, где выработанные ранее социальные, культурные и технические нормы, необходимые для сохранения *устойчивости* системы «человек – среда обитания», за последние 20 лет были отменены или смягчены до минимума. И, напротив, там, где для поддержания этой устойчивости, необходимо была самоорганизация акторов, основанная на сохранении зафиксированных в Конституции РФ базовых прав и

свобод личности и коллективных акторов, вводились все *большие* ограничения. В первом случае актор получал практически неограниченную свободу мусорить где угодно и сколько угодно, тогда как во втором – он был связан по рукам и ногам избыточным количеством норм, правил, подзаконных актов, ограничений, бюрократических барьеров и закорючек. Поговорка – «Без бумажки ты букашка» – снова стала актуальной.

Но у этого процесса есть и обратная сторона: медленный, незаметный для глаза столичного наблюдателя процесс распада социальных общностей и превращение их членов в «социальные отходы». Я уже цитировал Баумана, который назвал эту социальную когорту «мусорными людьми». По данным всероссийской переписи 2010 г., в стране 20 тыс. населённых пунктов «без населения» [Суринов, 2011: 4]. Если учесть примерно такое же количество выморочных и разрушающихся жилых домов в городах ещё существующих, то мы получим «исчезновение» почти 800 млн. человек. Что примерно соответствует официальной цифре ежегодной убыли населения РФ. Первая заповедь экосоциологов гласит: «Храните хранителей!» (Рене Дюбо). Обезлюдивание почти всегда означает опустынивание, то есть появление всё новых мест для свалок, где ютятся тысячи «мусорных людей».

У меня не поворачивается язык применять к людям термин Баумана – русские публицистика и художественная литература XIX века приучили меня к более благозвучным терминам, например, «лишние люди» (В. Белинский). Но в то время термин «лишний человек» (Онегин, Печорин) означал совсем другое: тип личности, не вписывающийся в господствовавшую тогда нормативную систему общества. История XX века, в том числе, история культуры – вещь жестокая. Растущее в мире и в нашей стране число людей, отмеченных афганским, чеченским и другими социально-психическими синдромами, «безработных навсегда», а также кочевников, бомжей, неизлечимо больных, алкоголиков, наркоманов и просто опустившихся людей, к сожалению, подтверждает правоту введенного Бауманом термина. Это не просто любимые игры социологов в *inclusion and exclusion*, что предполагает возможность взаимопереходов этих состояний. Нет, «мусорные люди» – это люди, *навсегда выпавшие из культурного процесса*. Некоторых из них можно вернуть к жизни физически, но как личностей, тем более – личностей творящих, созидających, невозможно.

Далее, резко возрос разрыв между словом и делом, произошло превращение производства словесного мусора в доходный бизнес и средство

политической борьбы. Слово, публичная речь, намерения и обещания окончательно отделились от реального дела. В этом смысле производство культурного мусора сродни производству спекулятивного финансового капитала, наращивание которого никак не зависит от состояния дел в реальной экономике. Чем хуже в ней дела, тем больше власть предрежащие производят словесного мусора, который затем обретает организационный и нормативный статус. К тому же, российская культура поражена вирусом непечатного слова. Мат стал не просто присловьем – он превратился в структурообразующий элемент мышления все большего числа людей. Мат проник в художественную литературу, театр и, страшно сказать, на наше «указующее телевидение». Российская культура развивается не по М. Бахтину [Бахтин, 1975: 484–95]. Сегодня беспрерывно матерящийся «смеховой низ» овладел «высоким», то есть «легализованным, официально оформленным чинами и мундирами» верхом. Появились у нас культурологи и русисты, обосновывающие необходимость мата в литературе, театре и повседневной жизни. «Блин» стал законным эвфемизмом литературного и обыденного матерного языка. Если вы прислушаетесь к дружескому разговору множества молодых людей, неважно школьников или «крутых», то обнаружите, что общение между ними совершается не путём общепринятых лингвистических структур, а посредством разных интонаций и частоты повторений слова «блин». И такой способ общения острогажен для окружающих. Еще одна мусорная зараза – присловье «типа». Когда оно прибавляется к каждому слову, это размывает, «подвешивает» его содержание: то ли событие, о котором идёт речь, действительно было, то ли его вообще не было? Так, неопределённость жизненной ситуации этих людей отразилась в способах их мышления.

«Идти вперёд, – говорил М. Бахтин, – может только память, а не забвение. Память возвращается к началу и обновляет его» [Бахтин, 1975: 492]. Разрыв с прошлым страны, её историей, культурой, укладом и образом жизни презрение к российской культуре высокой пробы и, соответственно, экспансия западной поп- и иных форм массовой культуры есть следующая причина производства культурного мусора. Когда собственное прошлое отвергнуто и опопшено, приходится питаться объедками с чужого стола или переходить на общепонятный и общепринятый язык русского мата. Приведу типичную ситуацию, наблюдаемую мною ежегодно уже в течение 20 лет. Парк академического санатория «Узкое» чётко поделён на две зоны культуры: одна из них, всё более сжимающаяся, представлена людьми науки, обсуждающих, как и 50, и 80 лет назад, высокие материи. Другая,

агрессивно наступающая, наполнена орущими, матерящимися и пьяными индивидами всех возрастов. Но не лучше и мирно сидящие в разных уголках парка жители окрестных многоэтажек. В своих неспешных беседах они редко затрагивают бытовые сюжеты – они им хорошо известны и порядком надоели. Единственный источник новой информации – это телевизор. И эти люди охотно пересказывают друг другу мыльные оперы и западные триллеры. И этим же информационным мусором они наполняют умы играющих подле них детей и внуков.

Наконец, вся эта негативная культурная динамика падает на благодатную почву *отказа от этики напряжённого труда*. Да, в СССР было много тяжёлого, механического и иногда бессмысленного труда. Тем не менее, именно труд, мирный и ратный, оставался в течение веков стержнем русской культуры. Сегодня вследствие упадка всей индустриальной инфраструктуры страны (за исключением производства энергетических ресурсов) *главным стал труд торгашеский*, купли-продажи всего того, что производится за пределами страны. Вместе с индустрией исчезла система кодификации, технических и иных государственных стандартов, а также связанная с ними система подготовки кадров и т. д. В мусор, в прямом и переносном смысле, превратились целые отрасли производства и занятое в них население, которое вынуждено было отбросить накопленные годами знания и ноу-хау опыт и стать «челноками», то есть мелкими торговцами ширпотреба, производимого за рубежом или на подпольных предприятиях. Масса выпускников вузов стала офисным планктоном, который выбрасывался на улицу при малейшем колебании экономической конъюнктуры. Этим «кнопочным детям» невдомёк, что у них под ногами вековая почва великой русской культуры.

7. 5. Бюрократия как производитель «мусора»

Речь, прежде всего, идёт о криминальном бизнесе и связанных с ним бюрократических институтах как производителях информационного мусора. Это – не неизбежный «информационный шум», а шум дезорганизующий, превращающий любую креативную деятельность в мусор. Бесконечный поток бумаг (с визами и без), справок, копий документов, запросов и подтверждений есть инструмент самовоспроизводства и самосохранения бюрократии, её главный жизненный ресурс. Одновременно, производство этого мусора есть орудие насилия над личностью «просителей», подавления креативного потенциала культуры.

Оборотная сторона этого подавления культуры суть вымогательство и беспредел, лишь увеличивающие масштабы коррупции. Этот «мусор», так же, как и свалки и помойки, чрезвычайно агрессивен: никогда неизвестно, откуда придёт удар и сколько времени будет потрачено впустую на защиту от него. Не парадокс ли: московская «Горбушка» и прочие теневые информационные рынки ещё недавно были завалены детальной информацией о каждом из нас, мы стоим как голенькие перед лицом криминала, а от нас ежедневно требуют подтверждения, что мы вообще существуем на этом свете! Все живые – под вопросом, или не существуют вообще (если ты вовремя не отметился, не сдал очередную справку и т. п.), а на ложные адреса покойников зарегистрированы и собирают дань криминальные авторитеты.

Хотя, считается, что у медали только две стороны, в нашем обществе есть ещё третья, к созданию которой приложила руку и международная бюрократия. Возьмите в руки любой договор с организацией (о страховке, кредите, строительстве, медицинском обслуживании и т. д.), и не вы, а только опытный юрист способен обнаружить в нём пункт, который фактически освобождает исполнителя от любой ответственности перед вами как клиентом. Но и этого мало. Возьмите в руки инструкцию по применению любого лекарства. Там всегда присутствует пункт, освобождающий его производителя от ответственности перед законом по причине вашей индивидуальности. Смысл: лекарство-то вообще полезно, но для вас оно может быть вредно и даже смертельно! Я уже не говорю об опасности того реального мусора, коим являются поддельные лекарственные средства или просто продаваемые вам плацебо, то есть пустышки.

7. 6. Замусоренная среда обитания

Как и всякая другая, культурная среда имеет предел своей устойчивости (несущей способности). Пока он не превзойдён, эта среда не даёт развиваться проникающим в неё инородным нормам культуры, в том числе языковым. Более того, она их или поглощает, стирает их из общественной памяти и лексики, или ставит им непреодолимые барьеры. Так, долгое время блатная культура оставалась субкультурой или даже формой андеграунда. Но массовые репрессии 1920-30 гг., сознательно смешивая политических и уголовников, постепенно сделали своё дело: сначала блатной язык, а потом и социальные нормы уголовного мира стали *de facto* общепринятыми в части российского общества. Криминальная

культура как совокупность норм образов и типов социального действия взяла верх над русской и европейской классикой.

Культурный мусор агрессивен. Он, захватывая всё новые сферы жизни, делает «подавляющие других» образцы поведения *культурной нормой*: он подавляет людей везде, в том числе в бытовом пространстве, заставляя их жаться к стенам, потому что по тротуарам ездят машины; люди боятся переходить улицу, потому что их может сбить пьяный даже на пешеходном переходе; боятся ездить в метро и пригородных электричках, где орущая толпа футбольных фанатов может просто затоптать человека или так раскачать вагон, что он перевернётся; тысячи жителей многоэтажных домов не могут спать ночью, потому что один или два хама возвращаются домой далеко за полночь с орущим во всю мощь радио или диском. Стрельба в воздух перестала быть культурным символом успеха или победы. Она превратилась в выход накопившегося раздражения и злобы, часто необъяснимый самим её носителям. Хуже того, стрельба по живым мишеням становится обыденным делом, способом демонстрации силы и презрения к окружающим. Никто из тех, кто оглушал в новогоднюю неделю спящих стариков и детей грохотом шутих, не смог мне сказать, зачем они это делали. Что они праздновали? В машине, в общественном транспорте эта молодёжь почти всегда в наушниках, в которых непрерывно грохочет музыка. Это – их способ ухода от действительности. Тишина их раздражает и пугает. Шум, грохот, свист, брань, драки, файеры, и всё это обязательно в суеде в толпе, – их привычная среда обитания. Чем громче, тем «круче». Массовые новогодние гуляния, фланирование людей по улицам и площадям всё более превращаются в организованное полицией действие и под её неусыпным надзором. То, что всегда, даже в сталинские времена, было «полем свободы», загоняется в рамки ограждений, пропускается порциями через накопители и рамки металлоискателей, окольцовывается шеренгами пешей и конной полиции.

Так или иначе, «беспредел» – это не только убийства конкурентов или политических противников или рейдерство. Это также наступление Грядущего Хама на всех тех, кто не может ответить ударом на удар, выстрелом на выстрел.

7. 7. Траектория и последствия

Они – разные, но имеют общий знаменатель. Во-первых, растущее давление на индивида «мусорной культуры» может (и уже приводит) к со-

циальному протесту, забастовкам, а потом и к актам насилия и вандализма. Формируются протестные – против мусорной культуры – социальные и политические общности и движения. К сожалению, этот протестный потенциал замешан на большой доли ненависти к существующей ситуации. «Огромное количество мусора вокруг нас означает огромное количество ненависти вокруг нас. Это ненависть людей, сдавленных в социуме, как в консервной банке, ненависть людей, грызущих жизнь как железный сухарь, ненависть тех, кто в своей тупости и наглости ощущает себя самовластным хозяином жизни и одновременно знает в самом глубоком подсознании, что никакой он не хозяин, а – тоже мусор. Его выкинули в мусорную кучу истории, и теперь он мстит <всем и вся – О. Ян.>, остервенело превращая мир в помойку» [Поликовский, 2010б: 19].

К сожалению, российские социологи, в том числе те, кто ратует за изучение повседневности, практически исключили из своего профессионального словаря такие ключевые понятия, как пренебрежение, злость, ненависть, гнев, ярость, зависть, ложь, наглость, алчность. Даже наши уважаемые европейские коллеги стараются анализировать критические ситуации, избегая подобного теоретического инструментария. Вот характерное название одной из статей в ведущем международном социологическом журнале «Current Sociology»: «За пределами алчности, страха и гнева» [Editorial..., 2008: 347]. То есть мы и без этих понятий способны научно анализировать трудные ситуации. Хотя заключительная фраза этой статьи говорит совсем о другом: «Битва за то, чтобы получать больше, будет постепенно замещена борьбой за сохранение того, что вы уже имеете; что, в свою очередь, пока ситуация не изменится, перейдёт в ещё более ожесточённую борьбу за выживание. Эта борьба для бедных уже сегодня является главной» [Editorial..., 2008: 349].

Траектория процесса замусоривания есть траектория нового «великого передела» [Яницкий, 2008]. З. Бауман написал, что XX век был войной за пространство, в ходе которой мир разделился на тех, кто живёт во времени (то есть свободно перемещается по миру), и тех, кто живёт в пространстве (то есть тех, кто привязан к месту труда или жительства). Однако он не сказал главного: что будет результатом этой динамики? А будет вот что: переоценка всего пригодного для жизни пространства земли. Уже в конце прошлого века из разных *ad hoc* комитетов ООН раздавались голоса, что европейская часть России столь загрязнена и к тому же бедна ресурсами, что она никому не нужна, разве что как буфер между «европейской цивилизацией» и «ползучей агрессией с Востока». Вдумайтесь: сре-

динная Россия, давшая миру великую культуру, науку и искусство, расценивается как «отхожее место»! А вот Сибирь и Дальний Восток, редко заселённые, относительно чистые и чрезвычайно богатые природными ресурсами, суть лакомый кусок для старых и новых транснациональных гигантов.

И этот процесс уже идёт. Логика его такова: сначала богатые захватывают самые лучшие в природном отношении ландшафты, вытесняя «человеческие отходы» в самые загрязненные места. Но поскольку предприятия, принадлежащие «новым русским», продолжают загрязнять, замусоривать не только ландшафт, но и всё жизненное пространство вокруг «оазисов благоденствия», эти оазисы начинают сжиматься. Очень скоро богатые разделятся на две группы: «самых-самых», которые ещё могут убежать в любую точку мира, и просто сильных, которые будут вынуждены остаться в отравленной среде, строя в своих сжимающихся «оазисах благоденствия» бункеры и саркофаги. В конце концов, и богатые попытаются бежать, бросив эти зоны экологического бедствия и живущих в них людей на произвол судьбы. Тревожная перспектива: если Россия будет становиться слабее, тем больше у неё шансов превратиться в мировую помойку, потому что и наши «новые русские», и транснациональные корпорации продолжают рассматривать Россию не как пространство для жизни, а как «ресурс», в том числе как территорию, пригодную для свалок. То, что таких помоек на земном шаре уже несколько, а будет ещё больше, – слабое для нас утешение!

Мне в ответ скажут: это же не социология культуры, а геополитика. Да, с моей точки зрения, действительная социология культуры, изучающая глобальные культурные тренды, и есть геополитика, точнее, геополитическая культурология. Можно тешить себя изощрёнными методиками изучения отдельных «случаев» или типов личностей, но по гамбургскому, то есть глобальному, счёту, они мало чего стоят.

7. 8. Потенциальные носители «мусорной культуры»

Да, беженцам и вынужденным переселенцам помогают. Более того, на международной помощи можно составить целое состояние поскольку, например, статус «палестинского беженца» сегодня уже наследуется в третьем поколении. Но вообще эту категорию людей не любят. Более того, их скрыто и явно презирают. Но они – только небольшая часть потенциальных носителей «мусорной культуры».

Много ли в России таких потенциальных и реальных носителей? У меня нет такой статистики, но типологически группы кандидатов на превращение в носителей этой культуры вполне можно назвать. Прежде всего, это носители потребительской культуры, богатые и не очень, видящие в окружающей среде бездонный контейнер для отходов своей жизнедеятельности. «Новые русские» следуют принципу «мусорить можно везде, но только не на моём участке» (аналог американскому «Not in my Back Yard»). А бедные и отверженные (бомжи, инвалиды, ВИЧ-инфицированные, наркоманы, носители афганского или чеченского синдромов и т. п.), распространяют эту культуру повсеместно — от вашего подъезда до подземного перехода или заброшенного дома в далёком селе. Напомню, что ещё недавно за чертой бедности жила почти четверть населения страны. Далее, есть ещё одна категория отверженных: безработные, жители вымирающих деревень, моногородов и заводских посёлков, беспризорные дети и подростки, иммигранты-нелегалы, люди, скрывающиеся от правосудия, психически неполноценные и больные, а также члены «неопознанных вооружённых формирований», использующих природу или тысячи заброшенных строений по всей стране в качестве убежища и ресурса к существованию.

Затем, идёт массовая категория «просителей», людей, вымещающих своё зло и бессилие обманутых, оскорблённых, отверженных бюрократией всех мастей на природе или рукотворной среде. Схема проста: их унижают, они — вымещают свою обиду и бессилие на среде своего обитания. Эта среда, будучи неспособной на немедленный ответный удар, со временем в совокупности порождает новых мстителей, то есть новых носителей «мусорной культуры». Далее идёт быстро растущая когорта бесчинствующих подростков. Они вымещают подавленные своей «стаей» инстинкты на своих, более слабых сверстниках. Или опять же на всём живом: от кошек и собак до сломанных деревьев и поджога сухой травы, продуцирующих миллионы гектаров лестных пожаров. Здесь за их спиной стоит телевидение, ежедневно, ежечасно тиражирующее *насилие как образ жизни* по отношению ко всему окружающему их миру.

Вынужденными производителями рассматриваемой культуры являются также жертвы всех видов катастроф, от природных и техногенных до автомобильных аварий. Этим жертвам не до забот об окружающей их среде — они стремятся лишь выжить и хоть как-то реабилитировать себя, близких и среду своего непосредственного обитания. Иными словами, сохранить поддерживающий их «кокон основополагающего доверия» род-

ных, близких, друзей. Наконец, невидимый, но всеобщий, далекодействующий и тем чрезвычайно опасный для всего общества тип «мусорной культуры» – это те, кто просто *купил право* на профессиональную деятельность (купил диплом учителя или врача, патент на производство лекарств, подряд на строительные работы и т. д.). Его дипломированный непрофессионализм превращает в мусор всё: от людей до природы.

7. 9. Демократия в «мусорной среде»

Может ли общество строить демократию или быть таковым, если оно заражено вирусом «мусорной культуры»? Сначала мне казалось что, будучи чрезвычайно агрессивными в повседневной жизни, носители этой культуры чрезвычайно скромны в жизни политической. Скорее даже аполитичны. В действительности никакого парадокса здесь нет, так как эти люди, как правило, составляют электорат всякой партии власти и вообще – опору всякой силы принуждения и диктата. Более того, именно носители «мусорной культуры» с их нормой пренебрежения к человеческой жизни и ненавистью к любым «чужим», являются той питательной социальной средой, из которой анонимы черпают исполнителей для заказных убийств и других внесудебных расправ. Однако прошедшая в октябре 2014 г. предвыборная кампания в Верховную Раду в Украине показала, что я ошибался. В течение всего нескольких месяцев вскрылась шокирующая динамика: от актов вандализма (разрушение памятников культуры) бесчинствующие радикалы перешли к моральному уничтожению, а затем – и к угрозам физического устранения своих оппонентов. Под моральным уничтожением я имею в виду люстрации, а также практику избиения и запихивания в мусорные баки своих оппонентов, а под физическим – открывшуюся сегодня всему миру практику пыток и внесудебных расправ с инакомыслящими. И все эта криминальная практика шла именно под прикрытием закона о люстрации.

Особо хочу обратить внимание на феномен «перемены знака» в фоновых и повседневных практиках. Сегодня общество подошло к некоторому качественному рубежу, когда норма и отклонение от неё, норма и патология не только всё более взаимопроникают друг в друга, но и меняются местами. То, что в сознании многих ранее считалось *«патологией»* (хотя вынужденной и одобряемой), теперь становится *нормой*. Судите сами. В «мусорном обществе» экономический человек – это может быть всего-навсего вор или нарушитель закона; вместо закона – жизнь «по понятиям»,

реально – по законам уголовного мира. Извращены смыслы базовых человеческих отношений: «помочь» теперь означает не навредить! За дружбу надо платить, пока платишь – друг не мешает, но может ещё как навредить, если платить ему перестанешь. Знание законов теневого рынка, коррупции, криминальных сообществ становится необходимым ресурсом экономической деятельности, законными считаются коррупционные сделки, а подозрительными – сделки по правилам. Социальная мобильность достигается не трудом, знаниями или профессиональным опытом, она, прежде всего, доступна только «своим» или просто покупается.

Мы часто ошибочно отождествляем демократию с социальным или политическим благом, забывая о её оборотной стороне: охлократии, разрушительной для любой культуры власти толпы. Если инновации, включая новые знания и их носителей, мы сами не производим, а только покупаем, если социальные лифты для способных и талантливых людей заблокированы, если общественным мнением управляет телевизор, если, наконец, у нас нет реальной политической оппозиции правящему режиму, то «мусорную культуру» навязывает обществу «блин-масса». Правящая партия сегодня мобилизует тщательно отобранные (но прежде всего лояльные ей общественные организации) для поиска идей и талантов. И это действительно необходимо для старта модернизации. Но почему эта партия этого не сделала десятью годами ранее? Как этот демократический отбор можно совместить с другим мощным инструментом отбора, корпоративно-семейным? И какова гарантия, что в этом, тщательно отобранном объединении «лояльных и инициативных» будет возможна действительная полемика, а не разговор по принципу «хотели как лучше, а получилось как всегда».

Какова вероятность того, что эти, тщательно «старшими товарищами» отобранные продвинутые индивиды, взойдя на политический Олимп или даже только расположившись у его подножья, будут бороться за «демократию для всех»? Политическая ротация как результат публичной политической борьбы чужда и русской, и советской, и постсоветской политическим культурам. Более того, носителям «мусорной культуры» само понятие *выбора*, равно как и сам акт выбора, чужды, так как они живут в мире «понятий» и директивной культуры. Поэтому понятие «Другой» для них равнозначно понятию «враг». А политическую борьбу они понимают как одну из форм морального или физического устранения оппонента. Наконец, носителям рассматриваемой культуры чуждо соблюдение любых демократических процедур, потому что эта культура уважает только понятия и ди-

рективы, идущие от узкого круга «своих». «Другие» – только «лохи», которых можно обманывать, насиловать и прессовать, и – ничего более. Пример: события в Кущёвке [Бабурин и др., 2011] . Предел разрушения прежней культуры и превращения её в мусорную наступает тогда, когда нарушитель закона сажает свою жертву за решетку, когда убийца и насильник становится в глазах публики героем, неважно виртуальным или реальным, а о его жертвах публично говорят, что «так им и надо!».

Наш великий поэт Н. А. Некрасов когда-то написал: «Сейте разумное, доброе, вечное, сейте, спасибо вам скажет русский народ», подразумевая, что просвещение и высокая мораль сделают русское общество более человечным и демократичным. Носители «мусорной культуры» – не сеятели «разумного и доброго», они – или конверторы лучших образцов русской культуры в поп-арт, или же «чистильщики», устраняющие этих сеятелей добра морально и физически. Да, интернет – великое благо, но он и великая помойка, с той только разницей, что полигоны бытового мусора в городах хоть как-то ограничены территориально, тогда как шантаж, злоба, пляски на гробах – не имеют границ в блогосфере. Могут возразить: это же сублимация, форма освобождения нереализованной социальной и психической энергии. Верно, но только отчасти. Потому что эта «сублимация», если она не перенаправляется самим обществом на цели созидания, несёт в себе гигантский разрушительный заряд, сметающий на своём пути любые авторитеты, культурные нормы и правила поведения в обществе, как реальном, так и виртуальном. Эта разрушительная психическая энергия и есть одна из форм энергии распада, о которой речь шла выше.

Интернет как социальный феномен невозможен без «рамки». Социологи не заметили, как эта, ставшая банальностью максима их науки, растворилась, исчезла, уступив место вседозволенности и моральному беспределу. «Сдохни!» – вот любимый слоган помоечного коммента в интернете. «Дави его, суку!» – вот любимый коммент к типичному видеонасилию в том же интернете. Интернет, позволив всякому безнаказанно глумиться над всем и вся, в том числе и над патриархами нашей науки, культуры и православия, дал возможность этим ничтожным людям почувствовать себя великими.

Но и без этих крайностей «мусорная культура» – мощный инструмент стрижки всех под одну гребёнку. Не дай Бог написать в интернете что-нибудь хорошее о конкретном человеке, его вкладе в культуру или науку. Сразу обрежут или обольют грязью и тебя, и его: «Не высовывайся, ты не лучше нас, а нас – много». И без интернета лучше молчать – если делаешь

дело, то по возможности тихо. Иначе услышишь привычное ещё с советских времён: «Чего высываешься? Тебе что – больше всех надо?» Такой негативный культурный фон заставляет многих отказываться от любимого дела, уходить в себя, замыкаться, в конечном счёте – пополнять ряды посредственности или эмигрировать.

Наконец, футбольный фанатизм не только допускается, но и трактуется как норма. С фанатами, пьяными, рычащими и вопящими, устраивающими массовые драки с увечьями, в том числе причиняемые и самим футболистам, поджигающими пластиковые сиденья и бросающие файеры на поле, силы порядка ведут игру «строго по правилам», лишь изредка мягко наказывая самых оголтелых. Социологи говорят, что футбольные фанаты – легальная ударная сила националистических сил. Войсковые операции по контролю над фанатами весьма напоминают контртеррористические операции, не хватает только танков и вертолётов. И это в мирное время. Или же оно уже не мирное? Но и этого мало. Высказывается мысль, что лидеров фан-клубов неплохо бы включать в избиркомы на предстоящих парламентских и президентских выборах. Выходит не интеллигенция, не бизнесмены или рабочие, а фанаты – самые уважаемые люди в стране. Это явление – уже публично одобряемая форма «мусорной культуры».

7. 10. Мусорная культура как форма всеобщего риска

«Мусорная культура» – это одна из форм общества *всеобщего риска*, когда её производство становится преобладающей формой общественного производства, а выделение *энергии распада* преобладает над энергией созидания. Эта энергия и есть главный производитель мусора и носителей мусорной культуры. «Мусорная культура» – это, прежде всего, не внешнее, не материальное – это тип культуры, порождаемый обществом, которое находится в процессе внутреннего упадка. В терминах социологии эта культура – результат отрицательной селекции (П. Сорокин), растущее производство «лишних людей», их замыкания в сообщества париев и тем самым – их окончательное обособление от мирового культурного процесса. Теоретически, если общество живёт только за счёт продажи ресурсов, то за исключением держателей данного актива и его сервис-класса всё остальное население – потенциальный «мусор», потому что оно нужно лишь для одноразового употребления. Практически эта модель подпитывается двумя противоположно направленными процессами: оттоком из страны продви-

нутых, креативных индивидов и притоком в неё «одноразовых» визитёров, потенциальных кандидатов на статус социального «мусора».

Замусоривание природной и социальной среды уже идёт много десятилетий, идёт как публично, так и в глубине социальной жизни, возможно даже на уровне подсознания. Однако сегодня российское общество подошло к некоторому качественному рубежу, когда норма и отклонение от неё, норма и патология не только всё более взаимопроникают, но и меняются местами. То, что в сознании многих всё же считалось *«патологией»* (хотя вынужденной и не одобряемой), становится *нормой*. Политическая ротация как результат публичной политической борьбы чужда и русской, и советской, и постсоветской культурам. Более того, носителям «мусорной культуры» само понятие *выбора*, равно как и сам акт выбора, чужды, так как они живут в мире «понятий» и директивной культуры. Отсюда, рост когорты этих париев общества есть препятствие демократизации нашего общества потому, что эти люди покорны судьбе, неспособны к политической рефлексии и подчиняются политическому диктату.

«Мусорная культура» в качестве своих экстремумов имеет два состояния: *абсолютную покорность* и *всеразрушающий протест*, фактически, вандализм и насилие. Недовольство, не имеющее выхода на легальную публичную арену, сжимается, копится, и, трансформируясь в *ненависть ко всему миру*, прорывается в интернет и повседневную жизнь – в этих двух сферах ещё можно действовать безнаказанно. Как пишет И. Лукьянова, «Желать людям скорой и мучительной смерти и радоваться её приходу, похоже, становится в России хорошим тоном. Всякое известие о чьей-нибудь тяжёлой болезни или внезапной кончине – неважно даже чьей – вызывает у некоторых сограждан оргастические спазмы злорадства» [Лукьянова, 2009: 13]. Но это не просто злорадство. Это – отрицание всей культуры и её создателей и носителей, оправдываемое идеей «высшей справедливости»: Россия гибнет, значит, – проклятие на всех! «Чтоб вы все сдохли!». А если кто-то великий или просто известный хороший человек ушёл из жизни, то «будь он проклят!» «Почтение к смерти как к общему для всех концу – древнейшая основа всякой цивилизации, последний бастион общественного консенсуса. Когда не уважают смерть – не уважают и жизнь» [Лукьянова, 2009: 13]. Это всеобщее «ату их!» как крайнее выражение неприятия любого «Другого» воспитывалось в массах в течение многих лет: гражданская война, высылки целых народов, сталинские репрессии, «великие стройки коммунизма», когда под воду ушли тысячи деревень вместе с их погостами, потом войны – афганская, две чеченских и

т. д. «Любовь к отеческим гробам» и «тотальные зачистки» – вещи несовместимые. Всё это не только начисто отбивало память о прошлом семьи, сообщества, уроки истории России, но и культивировало пренебрежение к основам нормального человеческого бытия: к вере и доверию, человеческой взаимопомощи, состраданию к падшим и заблудшим. Презрение к слабому и глумление над мёртвым врагом – неотъемлемая составляющая культа насилия и безнаказанности.

Мы стараемся идти в сторону «цивилизации знаний», но не обратит ли «мусорная культура» в прах эти наши усилия? Чем сильнее отток молодых и продвинутых за рубеж, особенно из российской глубинки, тем больше опасность для формирования в этих деградирующих местах «оазисов» мусорной культуры.

ГЛАВА 8. ЧТО МЫ УЗНАЛИ «БЛАГОДАРЯ» СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЕ

8. 1. Предварительные итоги

Прежде всего, ещё и ещё раз подтверждается моя концепция «общества всеобщего риска». Причём подтверждается мысль о наличии его различных фаз и форм существования. Современная война есть «нормальное», то есть рискогенное, риск-продуцирующее состояние современного общества. Мир и война, как оказалось, сегодня – весьма относительные понятия. Не только потому, что «залечивание» ран предыдущей войны может спровоцировать рост территориальных appetitов и, как результат, войну последующую. Не только потому, что мир, по существу, есть период подготовки к следующим малым и большим войнам. Но, прежде всего, потому что война и подготовка к ней оказывает мобилизующее воздействие на общество и системы его производства. Мобилизующее вовсе не означает «прогрессивное» и, тем более, облагораживающее. Приходишь к печальному, но неизбежному выводу, что мир развивается через войны и тем самым готовит всё более мощные средства для самоуничтожения. Что решения, принятые на самом верху (в ООН или в ОБСЕ), часто не имеют никакого практического воплощения. Что обещания данные там тут же забываются, что соглашения подписываются и годами не исполняются, что лица и даже целые международные организации, облеченные большой властью и полномочиями, ведут себя как неразумные дети. Наконец, опыт последнего полувека свидетельствует, что были и есть войны, главной целью которых являются тотальное разрушение всего живого в одном месте с целью устрашения всех остальных. Логика идеологов и практиков такой войны проста: если всё будет разрушено, то и сопротивляться их экспансионистским планам будет некому.

Далее, выяснилось, что понятие глобализации – не более чем пустой звук, если оно не «наполнено» конкретным анализом сети разнонаправленных сил и устремлений. Глобализация в руках сильных мира сего – инструмент силового и информационного воздействия, «промывания моз-

гов». А если это не помогает, то и прямого военного вмешательства. Глобализация для слабых – это шанс прорваться в обеспеченный мир. Но одновременно она – мощный ограничитель этой мобильности, обставленный десятками «предварительных условий» реорганизации своего собственного мира, его десуверенизации и денационализации, что на себе испытали многие новые члены ЕС. Столь привычный для уха социолога термин «коммуникация» ничего не значит, если каждый раз не анализируются его конкретные тренды, направленность, наполнение и воздействие, как на конечного респондента, так и на «облачные» информационные структуры. Наконец, использование плодов глобализации «внизу» (ай-фонов, смартфонов) – это одно дело, а «наверху», на экономическом и политическом уровнях государств и их кластеров – совсем другое.

Компьютеризация неоправданно упрощает мышление учёного, дизайнера, людей многих других творческих профессий. Вместо поиска логических связей и рефлексии «креативный» пользователь занимается перебором вариантов или подсказок, генерируемых информационными программами. Это особенно отчётливо видно на примере визуальной социологии. Более того, стандартизация является врагом творческого мышления и вообще творчества. На смену творчеству приходит *перебор вариантов* возможных решений, причём то, что всегда было свойственно человеческому языку, – интонация, пауза, подтекст – здесь практически исчезают. Сама работа на компьютере в отличие от письма от руки или игры на рояле есть стандартизированный и постоянно повторяющийся набор ограниченного числа «ударов», стандартизирующий мыслительный процесс. Позволю себе вольность: интересные мысли, как правило, приходят ко мне не сидя у монитора, а лежа на диване. Или во время неспешной прогулки с интересным собеседником на лоне природы.

Уплощение мыслительного процесса имеет и другие формы: все смысловые и эмоциональные ударения (паузы, умолчания, иносказания) в электронном письме не допускаются, или их набор очень ограничен. Вообще, е-мейл уничтожил целую сферу человеческой коммуникации – эпистолярный жанр, не только связывавший людей, но и поддерживавший их морально в трудную минуту. Знаменательный факт: даже во время гражданских войн письма, как правило, доходили до адресата, даже если он находился за линией фронта. В коротких е-мейлах отпадает всё: степень доверительности к реципиенту, нюансы смысла сообщения, накал эмоций, степень убеждённости коммуникатора в сказанном и т. д. Совсем не слу-

чайно, по некоторым опросам, 80% опрошенных высказались за сохранение бумажных книг и только 20% – за электронные книги.

Тотальная информатизация, особенно в её изощрённых формах, навязывает индивиду множество «пустых», но необходимых действий. Необходимо запоминание никак не связанных между собой множества кодов, паролей, шифров, ключей, постоянного обновления компьютерных программ, а также средств защиты реципиента от хакеров и других современных информационных жуликов и грабителей. Идёт скоротечное упрощение английского языка как основного языка международного общения и одновременно засорение русского языка англицизмами. Далее, в РФ и, тем более, в мире существует множество местных диалектов и говоров. Как их сохранять «живыми» (а не в качестве этнографического артефакта)? Как их переводить на basic English? Как быть с теми эндемичными культурами, которые вообще не имеют письменности? «Человек мыслящий» создал вычислительную машину, однако сегодня она всё более управляет его мыслительным процессом, кодифицируя и программируя его. О том, что информатизация есть средство социального контроля и «промывания мозгов» мы уже говорили. Все названные процессы – ещё один из инструментов современной информационной войны или подготовки к ней, средство «размягчения мозгов» вероятного противника.

Но и это далеко не всё. Сегодня мирная жизнь – это уже возможность передоверить управление домашним хозяйством и автомобилем компьютеру, а в условиях войны – без-пилотникам, а вскорости – и без-наводчикам, без-водителям (танков и другой военной техники). То есть грядёт анонимная, дистанционная война роботов, управляемых из бункеров командных пунктов. Единственно непонятно, что будут делать в этих условиях мирные жители, убиваемые анонимно и без-контактно? Но даже если говорить только о мирной жизни, то очевидно, что идёт процесс вытеснения из человеческого мозга всего того, что именовалось мастерством! Снова напомним мысль великого физика, что эксперимент, сделанный руками, важнее теории. Превращение в «мусор» мастерства, накопленного человечеством за сотни лет его существования – утрата невосполнимая.

Сегодня суть процесса глобализации – это, прежде всего, борьба за дефицитные ресурсы, причём во всех формах и на всех уровнях. Такая борьба не может быть бескровной, насилие в жёсткой или мягкой форме – её необходимый компонент и ресурс. К сожалению, «демократия» – это пока лишь витрина англо-саксонской цивилизации. Её «задник» – это насилие. Физическое, моральное, информационное. Совсем не случайно, что

западный альянс угрожает России отключением от всех систем международной, в том числе финансовой, коммуникации.

Глобализация стимулировала невиданную выше концентрацию интеллектуальных сил и материальных ресурсов. Прогресс науки и технологий неоспорим. Но критическое осмысление их результатов и общественный контроль в отношении направленности этого прогресса и контроль за использованием его результатов отстаёт от них на годы и даже десятилетия. Российский зритель прикован к экранам телевизоров, стремясь уследить за драматизмом событий в Украине, но он чрезвычайно мало осведомлён о ведущихся разработках новых видов и средств невидимой (бесконтактной) «вооружённой» борьбы: волновых, экологических, климатических. Мало кто осознает, что развитый мир уже переходит от *информационной революции к биологической*, в частности – к использованию генной инженерии в военных целях. Вместе с тем, у современной глобализации всегда есть тёмная сторона: нищета, голод, отсутствие у массы людей элементарных гражданских прав и свобод, а главное – перспектив стать нормальными членами «свободного общества», которое им богатый Запад каждый день показывает по телевизору. Это – то состояние, которое я обозначил выше как гуманитарную катастрофу без катастрофы.

Но о чём современный человек, даже вполне образованный, осведомлён ещё меньше, так это о процессах социально-экологического метаболизма в обществе и природе. Между тем, К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали метаболизм между человеком и природой как основополагающий момент процесса труда. С самого начала зарождения на Западе социологии города как самостоятельной научной дисциплины в 1920-х гг. её отцы-основатели стремились интерпретировать город того времени как *живой организм*, состоящий из человеческих сообществ, живущих в определённой среде и зависящих от неё. Они полагали, что этот организм имеет фазы своей эволюции: рост, дифференциация, стагнация, загнивание (распад). Сегодня социологическая теория и эмпирика изучает все формы взаимодействия человека и природы, прежде всего, посредством анализа их вербальной и затем – визуальной и звуковой коммуникации. В конечном счёте, можно считать, что социология – это, прежде всего, наука о человеческих коммуникациях. Недаром, знаку и символу социологи придают столь серьёзное значение.

Однако сейчас для понимания критических социальных процессов не менее важно изучение *физико-химического взаимодействия* человека и природы, человеческих сообществ с теми природными (читай, физико-

химическими и биологическими процессами), в контексте которых эти процессы осуществляются и под воздействием которых они изменяются. Здесь возможны самые разные варианты взаимодействия, как-то: непосредственное воздействие природных аномалий и социально-индуцированных физико-химических веществ на сознание, поведение и здоровье человека; загрязнение среды обитания токсическими веществами и химическими соединениями, производимыми современной индустрией; к этой же группе можно отнести алкоголизм и наркоманию. По характеру это взаимодействие может быть контактным и одномоментным (молния, шквал, обрушение здания, сход снежной лавины), так и собственно метаболическим, то есть растянутой во времени цепью метаболических трансформаций, вызывающих, в конечном счёте, необратимые изменения в организме человека, его сознании и поведении.

С другой стороны, человек сам обладает физическим полем и является источником излучения, что имеет как прикладное (исследование здоровья человека посредством КТ, МРТ и других подобных инструментов), так и теоретическое значение, поскольку социальное поведение человека во многих случаях детерминируется физико-химическими процессами, в том числе на клеточном уровне. Опосредованное воздействие на планы и структуры поведения групп и общества в целом оказывают также наука и техника, прежде всего новые виды оружия: химическое, биологическое, а сегодня уже и климатическое. Наконец, как мне представляется, можно говорить, во всяком случае, в качестве гипотезы, и о *собственно социальном метаболизме* как изменении интереса, профессиональной деятельности и даже призвания индивида и групп. И, как результат, – перемена труда и/или сферы деятельности, что, в свою очередь, влечёт за собой изменение всей среды обитания личности.

В условиях современной войны метаболические процессы изменяются, как в обществе в целом, так и в критических зонах. В пределах «зоны военных действий» складываются специфические формы обмена между противоборствующими сторонами, внутри местного сообщества, а также между ним и средой обитания. Эти трансформации остаются практически социологически неизученными – ни эмпирически, ни теоретически. В современной социологии нет традиции работы в полевых условиях современной войны. Между тем, в условиях глобализации и информатизации рискогенность последствий этой войны резко возрастает. «Всё связано со всем, и всё куда-то попадает» – эта максима социально-экологического метаболизма, сформулированная более 30 лет назад американским учёным

Б. Коммонером, требует, чтобы «метаболизм войны» был подвергнут тщательной междисциплинарной интерпретации.

Современная война обнаружила и выявила чрезвычайно сложную и динамичную систему участников войны, то есть социального активизма в мобилизационных условиях. Привычные для академического уха таксономии типа старые и молодые, бедные и богатые, образованные и не очень, и т. п. в условиях войны раздробились и ре-организовались в систему множества социальных акторов, между которыми проходят иные линии разграничения-объединения: религиозные, морально-этические, по степени доверия и др. Есть такие акторы, как, например, ИГИЛ, к анализу которых мы даже не знаем, как подступиться. Поэтому и не изучаем их совсем. А это ведь потенциальный риск, по меньшей, мере, континентального масштаба.

Другая сторона проблемы современной войны – это очередная трансформация старых и новых социальных движений. Нет сегодня, как это было полвека назад, мощного движения «За мир во всём мире». Допустим, ситуация изменилась, хотя, казалось бы, информационные технологии дают мощные средства для объединения миротворцев. Но почему молчат профсоюзы, где голос экологического движения, движения за экологическую справедливость? У нас слышны только голоса союза «Солдатских матерей», но даже и они иногда перекрываются голосами спонтанных массовых митингов протеста матерей Украины и России, не желающих видеть своих сыновей участниками этой необъявленной войны. А в Объединенной Европе нарастает волна сепаратистских движений. Почему, наконец, молчат лидеры движения, выступающие за охрану городской среды и памятников её культуры? Разве разрушения на Донбассе это только проблема уборки мусора от последствий бомбёжек и артобстрелов его городов и местечек? У социологов пока нет ответа на эти вопросы.

Но на фоне спада массовых социальных движений резко возросла интенсивность волонтерского движения, причём в двух видах. Одни – это добровольцы, которые стали «ополченцами» на стороне непризнанных Луганской и Донецкой республик. Другие же – это добровольные спасатели, профессионально подготовленные (строители, медики, инженеры, специалисты в сфере логистики, а также токсикологии и экологии среды, находящейся в критическом состоянии). Выходит, что критические состояния требуют именно этой – квалифицированной, мобильной и «многорукой» помощи, действующей малыми группами. Это естественно, потому что для

людей и среды, находящихся в критическом состоянии, *время оказания помощи есть критически важный ресурс*.

Крайней степенью современной войны и порождённого ею критического состояния является *гуманитарная катастрофа*, понимаемая мною как тотальное разрушение природной и социальной среды обитания, вызывающее массовый исход и гибель населения вследствие голода, физического и психического истощения, эпидемий, отсутствия жизненно необходимых лекарств и средств существования. Понятие гуманитарной катастрофы гораздо шире, чем повсеместно распространённое сегодня понятие гуманитарной помощи. Последнее обозначает лишь конечную фазу катастрофы, и практически никогда не касается её предшествующих этапов. Введение в научный оборот понятия гуманитарная катастрофа необходимо также потому, что оно обозначает совокупность социальных акторов, вовлечённых в процесс реабилитации, характер и организационные формы их действия и взаимодействия. Понятие гуманитарной катастрофы имеет также серьёзный морально-этический акцент. По тому, кем, как и когда оказывается эта помощь, можно судить о морально-психологическом состоянии общества, о реальной (а не по опросам общественного мнения) вовлечённости конкретных людей и групп в этот процесс, о степени бюрократизации общества, находящегося в состоянии войны и многом другом. Как мы видели, именно в ситуации критических состояний в обществе проявляется его действенная *гуманистическая составляющая*, скрытая в обыденной жизни под грузом ежедневной рутины. По тому, как общество реагирует на катастрофу, порождённую войной, какими силами борется с её последствиями, можно определить, *насколько это общество гуманно* и вообще – какие ценности в нём преобладают. К сожалению, мировая практика последних лет показывает: общество под воздействием гуманитарных катастроф практически не меняется, используя привычные для него экономические и социальные практики реабилитации. Главный принцип: получить от участия в этом процессе экономическую выгоду и политический престиж, прежде всего на мировой арене. Вообще, по характеру гуманитарных операций и вовлечённых в неё сил становится гораздо виднее, «Кто есть кто». И это естественно, потому что судят не по заявлениям, а по реальным делам, сопряжённым с реальной (и каждый раз, неизвестно откуда могущей прийти) опасностью.

Выше было сказано, что одной из ключевых проблем для социологии и политических наук, изучающих современные войны и порождаемые ими критические ситуации, является *изменение социального порядка*: критиче-

ское в зоне катастрофы и в разной степени значительное в районах прилежащих к данной зоне и более от неё удаленных. В случае гуманитарной катастрофы изменение социального порядка трактуется мною расширительно: как *тотальное изменение всей среды обитания человека, группы и сообщества*, начиная от состояния природной среды и социальной инфраструктуры и до деформации (вплоть до полного бездействия или тотального разрушения) существовавших до катастрофы социальных институтов. Таким образом, гуманитарная катастрофа – это катастрофа, поражающая не только людей, но и социальные институты, и всю среду обитания.

Далее, как у любой критической ситуации, у гуманитарной катастрофы теоретически и практически нет чётко очерченных границ, не только территориальных, но даже и в четырёхмерном пространстве. Лишь само общество в силу своей культуры, традиций, социального порядка и ресурсных возможностей определяет условную границу гуманитарной катастрофы. Нет таких границ и с точки зрения географии сил, вовлечённых в ликвидацию её последствий. Наконец, таких границ нет потому, квалификация того или иного события как гуманитарной катастрофы, субъекта, определения субъекта, ответственного за её возникновение, так и ресурсов, необходимых для ликвидации/смягчения её последствий, суть политически ангажированный процесс.

Мы задавались вопросом: возможна ли гуманитарная катастрофа без катастрофы, то есть вне условий современной войны, техногенной или природной катастрофы? И получили утвердительный ответ, так как медленное угасание сёл, городов и иных форм человеческих сообществ тоже есть форма гуманитарной катастрофы. Потому что совокупный социальный капитал сокращается, потому что институты всё менее отвечают вызовам времени, потому что потребление берёт верх над производством общего блага, наконец, потому что общество, которое не воспроизводит ни себя, ни среду своего обитания, обречено на распад и разложение. Медленное угасание, а потом – резкий слом, такой сценарий хорошо известен экологами. Но он вполне применим к сценарию «гуманитарная катастрофа без катастрофы». Ключ к этой проблеме прост: человек «социализировал» природу и создал искусственную среду обитания, которая не может существовать без ежедневных усилий человека по её поддержанию и воспроизводству. Что, в свою очередь, требует ресурсов, материальных, человеческих, информационных. Да, эти ресурсы можно отнять посредством обмана или насилия. Но всё равно, кто-то же должен потом захотеть и уметь

воспроизводить среду, пригодную для жизни. Но история показывает, что «голуби мира» на поверку часто оказываются ястребами войны.

Конечно, человек сопротивляется напастям войны и создаваемых ею критическим ситуациям. Кризис, критическое состояние, катастрофа, революция суть также специфические нормы социального порядка, детерминирующие специфические формы самосохранительного поведения. В самом общем виде самосохранительное поведение индивида или группы в критических условиях может быть определено как совокупность их усилий (действий), направленных на сохранение жизни, здоровья, имущества и накопленного социального капитала. Полюсами *рациональной дихотомии* для анализа самосохранительного поведения являются, с одной стороны, подчинение человека обстоятельствам (социальному порядку), а с другой, стремление действовать наперекор им, чтобы изменить социальный порядок или установить свой собственный. Но это – только в рамках рациональной дихотомии. Есть вариант *дихотомии иррациональной*. Тогда на одном из её полюсов будет тоталитарное общество, то есть полное подчинение мыслей и действий человека сконструированной сверху среде обитания. А на другом полюсе – произвол и насилие. Однако в проблеме самосохранительного поведения есть обратная сторона: как себя вести, чтобы не стать парием («отходом», «мусором») современного общества? Здесь опять же есть несколько стратегий: полностью подчиниться его социальному порядку или, напротив, восстать против него? Попытаться навязать обществу некоторый новый социальный порядок, или же не сопротивляться существующему порядку и опуститься на «дно» общества? Или же, наконец, выбрать *ситуативную стратегию самосохранения*: каждый раз искать оптимум между желаемым и реально достижимым?

В интересующей нас проблеме самосохранительного поведения историческая детерминанта играет существенную роль. По моему мнению, мир быстро катится назад (вниз) по лестнице человеческой эволюции. Египет, Алжир, Мали, Украина и далее везде. Ни одна из революций арабской или среднеазиатской весны не закончилась движением в сторону демократии и уважения к правам личности. То же можно сказать о динамике на постсоветском пространстве. Даже доисторический человек не убивал своего соседа просто так. Даже в примитивных обществах людей не убивали из любви к искусству. Да, в архаических обществах существовали ритуалы приношения людей в жертву высшим силам. Позже, жестоко наказывали и казнили, но на это существовали выработанные обществом правила и нормы. Конечно, были и разбойники, и корсары, и наемные убийцы и отрави-

тели. Напомню, что в те времена большинство людей имели при себе оружие.

Но сегодня обнаружился феномен, который я назвал «всеобщим *избивательным* правом» (на языке юриспруденции оно именуется немотивированным насилием или убийством). Есть несколько причин массового распространения этого права. Первая – это либеральная идеология, понятая массами как свобода безо всяких ограничений, которая породила «массовую отрицательную селекцию» (П. Сорокин) во всех сферах общества. Вторая – это столь же искажённое понимание рынка как возможности отъёма собственности и самой человеческой жизни силой. Ведь убийство конкурента – всегда самый простой и быстрый способ обогащения, если ты не умеешь делать деньги из воздуха. «Всеобщее избивательное право» здесь применяется наиболее широко. Третья причина, которую неправильно называют «бытовой», это та, которую русские писатели называли Грядущим Хамом. Этот духовный мещанин сегодня превратился в *мещанина воинствующего*, признающего только право сильного и отрицающего все остальные моральные нормы. «Индивидуализированное общество» быстро превращается в общество эгоистическое. В сущности, «всеобщее избивательное право» есть порождение постмодернистской идеологии с её культом «свободной воли», волюнтаризма и проповеди этического имморализма (Ф. Ницше).

Разрастается массовая «мусорная культура». Некоторые полагают, что критические ситуации и война – это выход накопившейся энергии раздражения, обиды и растущего социального неравенства в такой негативной форме. Возможно. Но есть другой, более страшный канал выхода этих негативных эмоций: *насилие*. Насилие физическое или нравственное, моральное. Азарт безнаказанности насильника, неважно в интернет-игре или на улице, – ещё одно проявление распада культуры, её превращения в мусор. Поскольку в своём подавляющем большинстве молодёжь, ни до, но особенно после службы в армии, серьёзной художественной литературы не читает и в театры не ходит, блатной и армейский лексикон наводняет их обыденную речь и закрепляется в ней, становится их повседневным инструментом общения. Раньше говорили, что «тон делает музыку». Теперь «музыку» делает нюансировка всего одного слова – «блин!» И это новое, до предела сжатое издание мусорного словаря людоедки Элочки передаётся из уст в уста. Этот мусорный новояз, его привычные обороты – уже не «смеховой низ» по М. М. Бахтину, а языковая болезнь, инфекция. То, что раньше было нормой культуры, теперь становится патологией, и это ощу-

щается везде. Например, тишина, столь долгожданная после пережитой нашим обществом страшной войны, ушла не только из песенной культуры, а из культуры вообще. Как и ушла и мелодичность, тонкая нюансировка, недоговоренность этой песенной культуры. Теперь в моде выкрик, хрип, надрыв, басы и, наконец, максимум децибел, когда чувства есть, а слов для их выражения молодёжь не знает. «Крутость», она же нахрапистость, хапок, наезд – вот архетип новой культуры.

Культура иерархична, а потому очень расточительна. Источник этой расточительности – рынок. Наиболее яркий тому пример – американская научно-техническая культура. В вершине её иерархии – малый круг творцов, «креативщиков». В её основании – огромная масса исполнителей, работников «отвёрточного производства». «Наверху» господствует свобода творчества, «внизу» царствует стандарт и технологическая дисциплина. Но только рынок отбирает нужные, с его точки зрения, научно-технические образцы и превращает их в предметы массового производства и спроса. Вся остальная масса креатива становится «мусором», реальным или виртуальным. Вот почему идёт столь жестокая борьба за первое место. Другие, может быть и лучшие образцы, став «вторыми», в лучшем случае превращаются в провинциальные редкости. Но в массе своей «вторые» и все за ними следующие идут в «отвалы», в мусор. Потому что их проще и дешевле заменить технологиями, программирующими сознание и поведение массового потребителя.

Названные выше фазы выхода из критического состояния – «ни мира, ни войны», налаживание публичного диалога между враждующими сторонами, дележ сфер власти и влияния, «бульдозерная» и авторитарная стабилизация – являются лишь фазами, наиболее часто встречающимися в мировой практике, и поэтому не могут трактоваться как исчерпывающие. Главный вывод заключается в том, что оставшееся по окончании военных действий в живых пострадавшее население уже никогда не сможет вернуться к прежнему укладу жизни, оно неспособно ни восстановить привычную среду обитания, ни полностью приспособиться к новым условиям жизни. На восстановление и, тем более, на наращивание «культурного гуща» требуются десятилетия. Так что не исключено, что беженцы и вынужденные переселенцы, а возможно и их дети и внуки, останутся «маргиналами навсегда». Во всяком случае ситуация на Арабском Востоке даёт тому многочисленные свидетельства.

8. 2. Какая социология нам нужна?

Прежде всего, *глобалистская*, учитывающая связь и взаимодействие местных, региональных и глобальных трендов изменения социально-экономической и политической ситуации. Во-вторых, *всеобъемлющая* (всесторонняя, комплексная). Социологи должны изучать военные действия и критические ситуации (с их динамикой, конфликтами и неожиданными поворотами) так же тщательно, как и мирное время. Только во взаимодействии этих двух состояний общественного организма можно кое-что сказать о перспективах его возможной эволюции.

В-третьих, *активистская*, то есть изучающая всю совокупность реально действующих и «скрытых за сценой» акторов, вовлечённых в критическую ситуацию. В-четвёртых, *динамическая*. И критическая ситуация, и гуманитарная катастрофа динамичны: по мере их развития одни их агенты теряют силу, уходят, другие, напротив, приходят и увеличивают своё влияние. Здесь уместно упоминание сценарных методов. Так или иначе, время обособленной (отраслевой) военной социологии прошло. В-пятых, *междисциплинарная*. Только во взаимодействии с другими учёными и специалистами социолог может пытаться предсказать время возникновения вооружённого конфликта и критической ситуации и характер порождённой ими гуманитарной катастрофы. Социологи должны вести как собственные исследования, так и уметь *интерпретировать на своём языке* данные других наук и полевых изысканий. Среда, в которой действуют все силы, вовлечённые в конфликт, – тоже социальный актор со своими специфическими законами. Ключевое понятие здесь: социально-экологический *метаболизм*. В-шестых, *диалогическая*. Несмотря на различие точек зрения противоборствующих сторон и даже вооружённый конфликт между ними, стоящие за их спиной силы, они должны вести (прямой или через третью сторону) диалог. Этот пункт касается всех: политиков, учёных, профессиональных военных, лидеров вооружённых формирований, активистов из среды местного населения. И, конечно, социологов. В-седьмых, *ресурсно-ориентированная*. Эволюция всякой войны малой или средней силы и порождаемых ими критических ситуаций зависит от объёма и качества ресурсов, находящихся в распоряжении сторон и способности к их мобилизации. Причём, важнейшим ресурсом здесь является время. Особое внимание надо уделять морально-этическим ресурсам противоборствующих сторон, а также таким «несоциологическим» ресурсам как уверенность в своей правоте и своих силах, терпению, способности к внутренней мобилиза-

ции и даже жертвенности, готовности отдать свою жизнь за правое дело. В-восьмых, нужны объединённые усилия гуманитарных наук с целью изучения *процессов институциональных трансформаций и форм легитимации* вновь возникающих «социальных новообразований». В-девятых, социология, о которой идёт речь, должна сама уметь сочетать анализ критических ситуаций «сверху», то есть в свете общемировой динамики и/или межгосударственных противоречий, и «снизу», то есть с точки зрения противостоящих сторон *in situ* и страдающего мирного населения (например, методом изучения случая). Чтобы выполнить такую сложную задачу, необходим «консорциум» отраслевиков, междисциплинарных теоретиков и социологов-инсайдеров, способных видеть в каждом конкретном событии *in situ* формы и методы сплетения глоболокальных процессов. Журналисты были и будут такими инсайдерами современных войн. Поэтому надо не смотреть на них свысока, а работать с ними, учить их и учиться у них самим. Это сотрудничество, естественно, не исключает непосредственного участия в таких войнах профессионалов-социологов, но, как показывает практика, такие случаи чрезвычайно редки.

Наконец, в-десятых, возрождение мощного движения за мир во всём мире на новой, информационной основе – не единственный, но весьма мощный инструмент превентивного воздействия на современные «партии войны» и снижения порога разрушительного противостояния и давления на психику и поведение масс, если такие войны все же случаются. Апатия, страх, фобии преодолеваются как раз *солидарными действиями*. Именно в их ходе происходит сближение устремлений и ценностных установок разных активистских групп, повышается их способность к достижению совместных целей. А потенциал для такого поворота, как свидетельствуют социологические и политологические исследования, есть. Опыт гражданской солидарности в СССР/РФ до сих пор глубоко не осмыслен. Гражданская солидарность масс во имя мира вовсе не противоречит индивидуализации и самоорганизации малых автономных и мобильных групп, столь значимых и в современной войне, и для территориальной обороны, и в сугубо мирных целях. Однако такой поворот возможен лишь при одновременном укреплении государства и гражданского общества и согласования их интересов.

ЛИТЕРАТУРА

Анциферов Н. П. *Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода.* Ленинград, 1926.

Арбатов А. Ядерный потолок. *Военно-промышленный курьер*, №. 26 (544): 1, 4, 5, 2014.

Арутюнова Е. М. Адаптация временных трудовых мигрантов из Средней Азии на сельском Юге России. *Социологическая наука и социальная практика*, 2014. № 1(5). С. 51-70.

Ахиезер А. С., Коган Л. Б., Яницкий О. Н. Урбанизация, общество и научно-техническая революция // *Вопросы философии*. 1969. № 2. С. 43-53.

Бабурин С., Голик Ю., Капитонов С., Карасёв В., Симчера В., Энгвер Н. *Станица Куцевская, 2010 год: маленькое зеркало большой беды.* М.: РГТЭУ, 2011.

Барщ М. О., Гинзбург, М. Я. Зелёный город // *Современная архитектура*, 1930. № 1–2. С 32-35.

Бахтин М. *Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет.* М: Художественная литература, 1975.

Блиев Ю. Лето тревоги нашей. Жара – смертоносное природное бедствие. *Медицинская газета*, 26.06.2013. С. 14.

Боброва И. Война глазами волонтера. *Московский комсомолец*, 09.07.2014. С. 1, 4.

Бурская З. За что? // *Новая Газета*, 09.07.2014. С. 4.

Вернадский В. И. *Проблемы биогеохимии. Труды биогеохимической лаборатории.* Вып. XVI. М.: Наука, 1980.

Вернадский В. И. Основую жизни – искание истины // *Новый мир*, 1988. № 3.

Вернадский В. И. 2000. *Труды по философии естествознания.* М.: Наука, 2000.

Вернадский В. И. *О науке.* СПб : Изд-во РХГИ, 2002.

Власова И. Сибирские язвы общества. России угрожают заразой полсотни скотомогильников // *Наша версия*. 03-09 сентября 2012. С. 15-16.

Ворожейкина Т. Украина: неутраченные иллюзии // *Pro et Contra*. 2014. № 3 (63), май-август. С. 6-25.

Врона В., Головаха Е., Саенко Ю. Відп. ред. Соціальні наслідки чорнобильської катастрофи. Результати соціологічних досліджень, 1985-1995. Харків: Фоліо, 1996.

Гаджиев К. С. 2014. Перспективы демократии в век информационной революции // *Власть*. 2014. № 8. С. 19-27.

Гуманитарный батальон «Новороссия» переподчинён Игорю Стрелкову и Екатерине Губаревой. 18.04.2014. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.novorosinform.org/news/id/691>

Де Сильги К. *История мусора*. М.: Текст, 2011.

Европейский фронт [Электронный ресурс]. URL: <http://europeanfront.info/>

Ефременко Д. В. Социальная солидарность и альтруизм. Социологическая традиция и современные междисциплинарные исследования. М.: ИНИОН РАН, 2014.

Зайцев А. Современная армия должна уметь воевать без линии фронта. Партизанскими методами // *Военно-промышленный курьер*. 2014. № 32 (550). С. 04.

Зорин К. 2013. Ненасытный пылесос. Таким становится компьютер у злоупотребляющего им пользователя // *Медицинская газета*. Июнь 2013. С. 14.

Иванов В. 2014. В середине столетия жить на Земле будет всё так же опасно // *Независимое военное обозрение*. 12-18.09.2014. № 32 (821). С. 1, 10.

Иванов В. Москва и Пекин должны опасаться Вашингтона // *Независимое военное обозрение*. 19-25.09.2014а. № 36 (825). С. 1, 9.

Иванов В. Россия снова стала врагом НАТО. *Независимое военное обозрение*, 18-25.2014б. № 33 (822). С. 1, 4.

Кантор, В. К. 2001. Русский европеец как явление культуры. М.: РОССПЭН.

Киршин Ю. 2014. Армейская интеграция // *Независимое военное обозрение*. 18-24.2014. № 24 (813). С. 10-11.

Костюшев В. В. Социология бедствия // *Новая Газета*. 28.08.2012. С. 9.

Кравченко С. А. *Нелинейная социокультурная динамика*. М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2009.

Кравченко С. А. *Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности*. М.: Изд-во МГИМО «Университет», 2012.

Кравченко С. А. 2014. Стрела времени: современные вызовы социологическому знанию // *Социологическая наука и социальная практика*. 2014. № 1 (5). С. 110-124.

Кропоткин П. А. *Этика: избранные труды*. М.: Политиздат, 1991.

Кузнецов И. *Адаптационные стратегии мигрантов в условиях мегаполиса*. Автореферат диссертации на соискание учёной. степени кандидата социологических наук, 2006.

Кузнецов И., Мукомель В. *Адаптационные возможности и сетевые связи мигрантских этнических меньшинств*. М.: ИС РАН, 2005.

Кустарёв А. Рецензия на книгу: Ясин, Е. Приживётся ли демократия в России? // *Pro et contra*. 2005. № 2 (24). С. 108-116.

Кустарёв А. 2007. Кем и как управляется мир // *Pro et contra*. 2007. № 6 (39). С. 6-19.

Къеза Дж. *Война империй: Восток – Запад. Раздел сфер влияния*. М.: Эксмо, 2006.

Латынина Ю. Кого оккупай? // *Новая Газета*. 03.10.2014. № 111, С. 12.

Локшина Т. Нами документированы жертвы среди гражданского населения и значительные разрушения // *Новая Газета*. 09.07.2014. С. 5.

Лукьянова И. Пожелатели смерти // *Новая газета*. 15.03.2009.

Макаренко В. 2014. Откуда прилетел «Град»? // *Новая Газета*. 18.07.2014. С. 2.

Медоуз Д., Медоуз Д., Рэндерс Й., Бернс 3-й В. *Пределы роста*. Перевод с англ. М.: Издательство МГУ, 1991.

Мережковский Д. Грядущий Хам, в кн.: Мережковский Д. *Больная Россия*. Лд., изд-во ЛГУ, 1991.

Мирский Г. Трава на газоне отрастает, и её нужно скашивать // *Новая Газета*. 23.07:2014. С. 8.

Монин В., Беребицкий Б. Динамика межэтнических и межконфессиональных отношений в Астраханской области и Прикаспийском регионе. Астрахань: Полиграфком, 2011.

Мясников В. Арсеналы взрываются один за другим // *Независимая газета*. 06.06.2011. С. 2.

Некlessа . Непрерывный плебисцит: генетика гражданского общества // *Политические исследования*. 2013. №2 (134). С. 24-39.

Новикова А. Природная катастрофа в Японии, и её последствия. Фукусима-2011. М.: ИНИОН РАН, 2013.

Обращение чернобыльских ликвидаторов к российской интеллигенции // *Новая Газета*, 03.10.2014. № 111. С. 8.

Павловский Г. Если все должны победить, то кто за всё это заплатит? // *Новая Газета*. 10.09.2014. № 101. С. 2-5.

Пастухов В. Украинская революция и русская контрреволюция. Киевский дневник: июнь 2009 – июнь 2014. М.: ОГИ, 2014.

Пивоваров Ю. С. Полная гибель всерьёз. М.: РОССПЭН, 2004.

Покровский Н. Е., ред. Настоящее и будущее ближнего Севера. Экономика, экология, сообщества. М.: Сообщество профессиональных социологов, 2012.

Поликовский А. Битые бутылки подожгли Россию // *Новая газета*. 18.08.2010а.

Поликовский А. Победа помойки // *Новая газета*. 30.08.2010б.

Полухина Ю. Политика здесь не мешает делать добро // *Новая Газета*. 08.09.2014. № 100. С. 12-13.

Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Эдиториал УРСС, 2000.

Редакция // *Новая Газета*. 03.10. № 111. С. 4.

Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. 1941 – 1952. М.: Политиздат, 1968.

Родоман В. Всегда следовать законам природы. И тогда метаболитная терапия подтвердит верный путь для дальнейшего развития медицины // *Медицинская газета*. 17.04.2013. С. 6

Рукавишников В. Холодная война, холодный мир. Общественное мнение в США и Европе о СССР/России, внешней политике и безопасности Запада. М.: Академический Проект, 2005.

Сатановский Е. В зоне особого влияния. Роль России на Ближнем Востоке куда заметнее, чем можно было предположить // *Военно-промышленный курьер*. 2014. № 31 (549). С. 1-2.

Сатановский Е. Джин джихада. Западные спонсоры исламистов теряют контроль над ситуацией // *Военно-промышленный курьер*. 2014а. № 32 (550). С. 1-2.

Сафронов Ю. Синагогия // *Новая Газета*. 23.07. С. 13-14.

Соловьёв В. С. Враг с Востока, в кн.: Соловьёв, В. С. Сочинения в двух томах. М.: Правда. Т. 2. 1989. С. 432–444.

Сорокин П. А. Моя философия – интегрализм // *Социологические исследования*. 1992. № 10. С. 134-139.

Сорокин П. *Общедоступный учебник социологии*. М.: Наука, 1994.

Сорокин П. Голод как фактор. *Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь*. М.: Academia & LVS, 2003.

Суринов А. Давайте, наши яйцеголовые, поднимите свои головы и помогите нам! // *Новая газета*. 03.06.2011.

Фонд доктора Глинки «Справедливая помощь», 2013. [Электронный ресурс]. URL: http://www.pawlick.ru/projects/%20doktor_liza/index.html.

Хазанова В. Э. Советская архитектура первой пятилетки. Проблема города будущего. М.: Наука, 1980.

Чекинов С. Г., Богданов С. А. О характере и содержании войны нового поколения // *Военная мысль*. 2013. № 10. С. 13-24.

Чернова Н. Всё-таки Бог есть – к доктору хорошему попали // *Новая газета*. 22.09.2014. № 108. С. 18-19.

Шакирова А. Универсиада 2013: взгляд изнутри [Электронный ресурс]. URL: <http://cpei.tatarstan.ru/rus/index.html/news/225994.htm>.

Шафран У. Подземная война. Террористы уходят в катакомбы, Израиль хоронит погибших // *Новая Газета*. 23.07.2014. С 7.

Шилова Л. С. Стресс, здоровье и трансформация самосохранительного поведения населения Москвы за годы реформ. *Россия: риски и опасности «переходного» общества*. Под ред. О. Н. Яницкого. Москва, Институт социологии РАН, 1998. С. 161-191.

Шилова Л. С. Трансформация мужской и женской моделей самосохранительного поведения. *Доклады III международной гендерной конференции «Мужчины и женщины (меняющиеся роли и образы)»*. Москва, Институт этнографии РАН, 1999а. Том 1. С. 35-31.

Шилова Л. С. Трансформация самосохранительного поведения // *Социс*. 1999б. №5. С. 84-92.

Шилова Л. С. Трансформация женской модели самосохранительного поведения // *Социс*. 2000. № 11. С. 7-12.

Шилова Л. С. О стратегиях поведения людей в условиях реформы здравоохранения. // *Социс*. 2007. № 9. С. 102-109.

Шилова Л. С. Оценка пациентами услуг первичной медицинской помощи (в Липецкой и Тюменской областях) // *Журнал исследований социальной политики*. 2008. Том 6. №3. С. 357-384.

Шилова Л. С. Отношение населения России к модернизации здравоохранения // *Управление здравоохранением*. 2009. №2 (24). С. 30-44.

Шляпентох В. Э., Шубкин В. Н., Ядов В. А., ред. Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века (по материалам международных исследований). М.: Моск. общественный научный фонд, 1999.

Шубкин В. Н., Иванова В. А. Страхи, тревоги, способность противостоять им, в кн.: В. Ядов, ред. *Россия: трансформирующееся общество*. М.: КАНОН-Пресс, 2001. С. 348–358.

Ядов В., отв. ред., Данилова Е., Клеман. К. люди делают себя. Обычные россияне в необычных обстоятельствах: концептуальное осмысление восьми наблюдавшихся случаев. М.: Логос, 2010.

Яницкий О. Н. Экологическое движение в России. Критический анализ. М.: Институт социологии РАН, 1996.

Яницкий О. Н. Социология риска. М.: Издательство LVS, 2003.

Яницкий, О. Н. Модерн и его отходы // *Социологический журнал*. 2004. №1/2. С. 199–205.

Яницкий О. Н. Россия как общество риска: методология анализа и контуры концепции // *Общественные науки и современность*. 2004 № 2. С. 5–15.

Яницкий О. Н. Риск-солидарности: российская версия // *Интер*. 2004а. № 2–3. С. 52–62.

Яницкий, О. Н. Европейские лидеры о долгосрочной перспективе Европейского Союза. *Мир и политика*. 2008. № 11: 41-52.

Яницкий, О. Н. *Экологическое мышление эпохи «великого передела»* М.: РОССПЭН, 2008.

Яницкий О. Н., Давыдова С. И. Лидеры российской эко-модернизации // *Общественные науки и современность*. 2009. № 4. С. 46-57.

Яницкий. О. Н. «Турбулентные времена» как проблема общества риска // *Общественные науки и современность*. 2011. № 6. С. 155-164.

Яницкий О. Н. 2010. Изменяющийся мир России: ресурсы, сети, места. *Мир России*. (19)3: 3–22.

Яницкий О. Н. Природоохранные сети России и их социальный капитал. М.: ИС РАН, 2012. Официальный сайт Института социологии РАН [Электронный ресурс]. URL: <http://www.isras.ru/publ/html?id=2446>.

Яницкий О. Н. Метаболическая концепция современного города // *Социологическая наука и социальная практика*. 2013. № 3. С. 16-32.

Яницкий, О. Н. Социальные движения: теория, практика, перспектива. М.: Новый Хронограф, 2013.

Яницкий О. Н. Социальные движения: теория, практика, перспектива. М.: Новый Хронограф, 2013а.

Яницкий О. Н. Экологические катастрофы: структурно-функциональный анализ. М.: Институт социологии РАН, 2013б. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2794>.

Яницкий, О. Альтруизм, мораль и социальная солидарность, в кн.: Ефременко Д. В. Социальная солидарность и альтруизм. Социологическая традиция и современные междисциплинарные исследования. М.: ИНИОН РАН, 2014. С. 148-162.

Яницкий О. Н. Современные войны: социально-экологическое измерение, 2014б. [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/pers_about.html?id=101m

Яницкий, О. 2014. Волонтеры государственные и гражданские // *Социологическая наука и социальная практика*. 2014в. № 1(5): 71-89.

Albrow G. *The Global Age*. Cambridge: Polity, 1986.

Alexander J. *The Civil Sphere*. Oxford, New York: Oxford University Press, 2006.

Arsenalt A. and Castells M. Switching Power: Rupert Murdoch and the Global Business of Media Politics // *International Sociology* . 2008. №23(4). Pp. 488-513.

Bauman Z. *Wasted Lives. Modernity and its Outcasts*. Cambridge, UK: Polity Press, 2004.

Beck U. *Risk Society. Toward a New Modernity*. London: SAGE, 1992.

Beck U. *Ecological Enlightenment. Essays on the Politics in the Risk Society*. New Jersey: Humanities Press, 1995.

Beck U. *World Risk Society*. Malden, MA: Polity Press, 1999.

Beck U. Re-mapping Inequality and Power in an Age of Climate Change: The Emergence of 'Cosmopolitan' Risk Communities. Lecture at the ISA World Congress of Sociology, 11-17 July, 2010. Gothenburg, Sweden.

Beck U., Giddens A., Lash S. *Reflexive Modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1994.

Boyden S., Millar S., Newcombe K. and O'Neill B. *The Ecology of a City and its People. The Case of Hong Kong*. Canberra: Australian National University Press, 1981.

Brundtland G. and Khalid M., eds. *Our Common Future. The World Commission on Environment and Development*. Oxford, N.Y: Oxford University Press, 1987.

Burawoy M Introduction: Sociology as a combat sport // *Current Sociology*. 2014. № 62 (2). Monograph 1. Pp. 140-155.

Castells M. The Information Age. Economy, Society and Culture. Oxford: Blackwell Publishers, Ltd, 1996.

Castells M. Materials for an Exploratory Theory of the Network Society // *British Journal of Sociology*. 2000. № 51 (1). Jan/March. Pp. 5-24.

De Donk W., B Loader, P. Nixon, D. Rucht., eds. Cyberprotest. New Media, Citizens and Social Movements. London: Routledge, 2004.

Deelstra T. and O. Yanitsky, eds. Cities of Europe: The Public's Role in Shaping the Urban Environment. M.: Mezhdunarudnye Otnosheniya, 1991.

Diani M. and D. McAdam, eds. Social Movements and Networks. Relational Approach to Collective Action. Oxford: Oxford University Press, 2003.

Edelstein M. Contaminated Communities. The Social and Psychological Impacts of Residential Toxic Exposure. Boulder: Westview Press, 1988.

Editorial: Beyond Greed, Fear and Anger // *Current Sociology*. 2008. № 56 (3). Pp. 347-50.

Fisher-Kowalski M. Society's Metabolism: On the Childhood and Adolescence of a Rising Conceptual Star, in Redklift M. and G. Woodgate, eds. The International Handbook of Environmental Sociology. Northampton, MA: Edward Elgar, 1997. Pp. 119-137.

Fisher-Kowalski M. and H. Haberl. Socioecological Transitions and Global Change. Trajectories of Social Metabolism and Land Use. Vienna: Klagenfurt University, 2007.

Fleha, R. and Soler, M. 2014. Communicative methodology: Successful actions and dialogic democracy. *Current sociology monograph*, 2014, Vol. 62(2): 232-241.

Gamson W. The Strategy of Social Protest. 2nd ed. Belmont, CA: Wadsworth Publishing Company, 1990.

Gibbs L. The Impacts of Environmental Disasters on Communities. Reprint of the Citizens Clearinghouse for Hazardous Wastes, 1985.

Gibbs L. Love Canal: My Story. Albany: State University of New York Press, 1992.

Giddens A. and Pierson C. Conversations with Anthony Giddens: Making Sense of Modernity. Cambridge: Polity, 1998.

Holdt K. von. Critical engagement in fields of power: Cycles of sociological activism in post-apartheid South Africa // *Current sociology monograph*. 2014. Vol. 62(2). Pp. 181-196.

Ianitskii O. Industrialism and Environmentalism. Russia at the Watershed Between Two Cultures // *Sociological Research*. 1995. № 34 (1). Pp. 48-66.

Keen D. Complex Emergences. Cambridge: Polity, 2008.

Lindell M. Disaster studies, 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sagepub.net/isa/admin/viewPDF.asp?&art=Disaster%20Studies.pdf;www.sociopedia.isa>

Marx K. and Engels F. Capital. 1867. Vol. 1 (reprinted in London by Lawrence and Wishart, 1961).

Meier R. The Communication Theory of Urban Growth. Mass.: MIT Press, 1965.

Mol A. P. J. The Refinement of Production. Ecological Modernization Theory and the Chemical Industry. Utrecht: Van Arkel, 1995.

Myrdal G. Asian Drama: An Inquiry into the Poverty of Nations. N.Y., London: Twentieth Century Fund, 1968.

Nelissen N. Methods of Public Participation in Western Europe. Experiments with Public Participation in West European municipalities, in Deelstra T. and O. Yanitsky, eds. *Cities of Europe: The Public's Role in Shaping the Urban Environment*. Moscow: Mezhdunarudnye Otnosheniya. 1991. Pp. 53-69.

Olsen T. International Zapatismo. The Construction of Solidarity in the Age of Globalization. L.: Zed Books, 2005.

Perrow C. The Normal Accidents. Living with High-Risk Technologies. N. Y.: Basic Books, 1984.

Reisman D., Glaser N., Reuel D. The lonely crowd: a study of the changing American character. Yale: Yale University Press (reprint), 2001.

Soto H. de. The Other Path. An Invisible revolution in the Third World. New York: Harper Collins, 1989.

Soto H. de. The Mystery of Capital. Why Capitalism Triumphs in the West and Fails Everywhere Else. London, N. Y.: Bantan Press, 2000.

Sundar N. In the times of civil war: On being a schizophrenic (public) sociologist // *Current sociology monograph*. 2014. Vol. 62(2). Pp.168-180.

Tenner E. Why Things Bite Back: Technology and Revenge of Unintended Consequences. N.Y.: Alfred A. Kopf, 1996.

The Book of Abstracts of XVIII World Congress of Sociology. Facing an Unequal World. Challenges for Sociologists.' 2014. Pacifico Yokohama: Yokohama, Japan, 13-19 July 2014, 1182 pp.

Thomas W. I. (ed.) Man's Role in Changing the Face of the Earth, Chicago: University of Chicago Press, 1965.

Tilly C. Social Movements, 1768-2004. L.: Paradigm Publisher, 2004.

Urry J. Mobilities. Cambridge: Polity Press, 2008.

Wilson J., Harel Z. and Kahana B., eds. Human adaptation to extreme stress. From the Holocaust to Vietnam. N.Y. and London: Plenum Press, 1988.

Wirth L. Human Ecology // *The American Journal of Sociology*. 1945. Vol. 50: 483-488.

Wolman A. The Metabolism of the Cities // *Scientific American*. 1965. 213 (3): 178-93.

Wolman A. «Disposal of Man's Wastes», in W. L. Thomas (ed.) *Man's Role in Changing the Face of the Earth*, Chicago: University of Chicago Press, 1956.

Yanitsky O. Socio-informational Aspects of Urbanization. Paper presented at VI World Sociological Congress. Varna, Bulgaria, 1970.

Yanitsky O. Towards an Eco-City: Problems of Integrating Knowledge with Practice // *International Social Science Journal*. 1982. Vol. XXXIV. No 3. Pp. 469-480.

Yanitsky O. 1984. Integration of Social and Natural Sciences for Urban Planning, in Di Castri F., F. W. Baker and M. Hadley, eds. *Ecology in Practice*. UNESCO: Paris. 1984. Part 2. Pp. 30-46.

Yanitsky O. Modernization and Globalization from the Perspective of a Transition Society, pp.165-84, in: Gijswijt A., Buttel F., Dickens P., Dunlap R., Mol A. and Spaargaren G. *Sociological Theory and the Environment. Proceedings of the 2nd Woudshoten Conference*. Amsterdam: SISWO, 1998.

Yanitsky O. Russian Greens in a Risk Society. A Structural Analysis. Helsinki: Kikimora Publications, 2000.

Yanitsky O. Sustainability and Risk: The Case of Russia // *Innovation: The European Journal of Social Sciences*. 2000a. № 13 (3). Pp. 265-277.

Yanitsky O. Russian Environmentalism. The Yanitsky Reader. Moscow: TAUS? 2010/

Yanitsky O. Russia's Changing World: Resources, Networks, Localities // *Social Sciences. A Quarterly Journal of the Russian Academy of Sciences*. 2010a. № 4(41). Pp. 103-122.

Yanitsky O. A Mobilizing Role of Disaster: Social Movements, Networks and Democracy. *Working Paper Series*. №(3) 1: 103-120. Salento: Univ. of Salento, 2011.

Yanitsky O. Modernization: the Burden of the Past // *The Sociological Review*. 2011a. № 59 (4). Pp. 741-757.

Yanitsky O. A Primary Eco-Structure: The Concept and its Testing // *Social Analysis*. 2012. Vol. 2 No 2. Pp. 7-24.

Yanitsky O. The 2010 Wildfires in Russia. An Ecosociological Analysis // *Sociological Research*. 2012a. №51 (2). Pp. 57-75.

Научное издание

Принципы и следствия современной войны: взгляд социолога

Компьютерная вёрстка О. А. Усачева

Усл. печ. л. 9,3.

Институт Социологии РАН

117218, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, к. 5, каб. 524

Тел.: 8(499)128-86-76, E-mail: oleg.yanitsky@yandex.ru

Опубликовано на Официальном сайте Института социологии РАН

...01.2015

URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=...>

ISBN 978-5-89697-251-8

9 785896 972518